

Гераськин Ю. В., Повод И. В.
Y. V. Geras'kin, I. V. Povod

РАЗВИТИЕ СВЕТСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ КАСИМОВСКИХ ТАТАР В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

DEVELOPMENT OF SECULAR MUSLIM EDUCATION AMONG KASIMOV TATARS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Гераськин Юрий Вениаминович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Россия, г. Рязань). E-mail: gera56@inbox.ru.

Mr. Geras'kin V. Yuri – Doctor of historical sciences, Associate professor, Professor of the Russian history Department, Ryazan State University named after S. Esenin (Russia, Ryazan). E-mail: gera56@inbox.ru.

Повод Илья Владимирович – соискатель ученой степени кандидата наук на кафедре Истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; преподаватель истории, МБОУ «Школа № 43», (Россия, г. Рязань). E-mail: povodki@mail.ru.

Povod Ilya Vladimirovich – candidate for a scientific degree in History, Russian History Department, Ryazan State University named after S. Esenin; History teacher, MBGEI «School № 43» (Russia, Ryazan). E-mail: povodki@mail.ru.

Аннотация. Рассматривается процесс появления и развития системы светского образования среди касимовских татар в начале XX в. Статья написана на основе архивных документов, находящихся в Государственном архиве Рязанской области. Касимовские татары составляли не только национальное, но и религиозное меньшинство Рязанской губернии, так как были последователями ислама, вследствие чего изучение процесса развития светского образования среди них имеет большое значение для выстраивания современных государственно-конфессиональных отношений. Авторами был определен уровень грамотности татар-мусульман Рязанской губернии, а также продемонстрирован процесс исполнения местными властями государственных постановлений, касающихся исламского образования. В статье представлены особенности и проблемы конфессионального образования касимовских татар, среди главных выделены нехватка квалифицированных педагогических кадров и отсутствие преподавания русского языка. В заключении оценивается результативность действий руководства страны и региона для повышения уровня грамотности мусульманского населения и его интеграции в различные сферы общественной жизни страны и губернии.

Summary. The authors consider the process of emerging and development of secular education system among Kasimov Tatars at the beginning of the 20th century. The article is based on archival documents in the Ryazan region State Archive. Kasimov Tatars were not only national, but also a religious minority in Ryazan province, as they were Islam followers. Thus, the study of secular education development among Kasimov Tatars is of great importance for building the modern church-state relations. The authors identify literacy rate in Tatar Muslims Ryazan province, as well as demonstrate the process of execution of government regulations concerning Islamic education by local authorities. The article presents the characteristics and problems of the confessional education of Kasimov Tatars including lack of qualified teaching staff and absence of teaching the Russian language. Finally, the authors evaluate the effectiveness of local and federal authorities in improving the literacy rate of the Muslim population and its integration into the various areas of country and province public life.

Ключевые слова: ислам, касимовские татары, мектебе, медресе, звуковой метод, конфессиональное образование, светское образование, интеграция.

Key words: Islam, Kasimov Tatars, mektebe, madrasas, sound technique, confessional education, secular education, integration.

УДК 930

К началу XX в. Российская империя сформировалась как многоконфессиональное государство, на территории которого проживали представители всех мировых религий. Государственные власти стояли перед необходимостью проводить осторожную внутреннюю политику, не ущемлявшую православие как государственную религию, и учитывающую права других вероисповеданий. Многонациональный состав государства учитывался и во внешней политике. Так, начиная с первой половины XIX в., распространение влияния России на Кавказе и Ближнем Востоке вызывало озабоченность и возмущение части населявших эти земли народов, вошедших в состав Российской империи [13, 23]. Царское правительство внимательно следило за ситуацией на юге, прилагая немало усилий для сохранения стабильной обстановки в регионе. Согласно переписи 1897 г. православия придерживалось 69,4 % населения, остальная его часть исповедовала различные христианские и нехристианские вероисповедания [3, 76]. Приверженность традиционным религиям была одним из основных элементов национальной и культурной идентичности большинства народов Российской империи. Особую роль в этом играла система конфессионального образования, существовавшая в XIX – нач. XX вв. у представителей некоторых вероисповеданий, в частности, у мусульман, составлявших 11,1 % населения [3, 76].

Система исламского образования Российской империи была объектом исследования как советских, так и современных авторов. Основное внимание в работах уделяется тем регионам, где мусульмане составляли больше половины населения: Поволжье, Средняя Азия и Кавказ. Система исламского образования здесь имела давние традиции и была представлена множеством образовательных учреждений, некоторые из которых существовали с XV в., например, медресе в Самарканде, Ташкенте и других городах Средней Азии [12, 253]. Достаточно подробно развитие мусульманского образования в этих регионах представлено в работе Д. В. Мухетдинова и А. Ю. Хабутдинова «Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции» [9] и в монографии А. К. Тихонова «Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв.».

Особый интерес представляют мусульмане Центральной России. Находясь в положении религиозного и национального меньшинства, они проживали своеобразными анклавами, примером могут служить татары-мусульмане Рязанской губернии – «касимовские татары». Согласно данным переписи 1897 г. их число здесь было достаточно небольшим: 5041 человек обоего пола [10, 84-85] – это чуть больше 0,04 % от общего числа жителей региона. Изучение системы исламского образования в Рязанской губернии представляет научный интерес, помогая понять, как удалось избежать культурной и религиозной ассимиляции небольшой группе мусульманского населения. Анализ изменений, происходящих в конфессиональном образовании у мусульман губернии, позволяет проследить применение и исполнение постановлений государственной власти руководством губернии и уезда. Знание положительных и отрицательных элементов исламской системы обучения необходимо для использования ее опыта в современной России.

Информация о мусульманских школах Касимовского уезда, находящаяся в Государственном архиве Рязанской области, представлена рядом документов. Это рапорты и отчеты инспекторов и директоров народных училищ, чиновников Рязанского Губернского правления и уездного капитан-исправника, доклады, предоставленные православными священнослужителями по поручению государственных и епархиальных властей.

В России в изучаемый период сложилась система мусульманского образования, в которой были как положительные, так и отрицательные черты. Оно было представлено начальной ступенью, мектебе и высшей школой, медресе [12, 238]. 26 марта 1870 г. императором Александром II утверждаются «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Главной целью провозглашалось распространение русского языка среди инородческого населения страны, для чего всем мусульманским обществам рекомендовалось открывать как в мектебе, так и в медресе классы по изучению русского языка. Новые же учебные заведения должны открываться только

с такими классами, работа преподавателей оплачивалась за счёт магометанских обществ [14, 88]. Прежде чем проследить, как исполнялись эти рекомендации в Рязанской губернии, дадим краткий обзор существовавших здесь мусульманских учебных заведений.

В начале XX в. касимовские татары-мусульмане имели одно медресе и девятнадцать мектебе. В 1901 г. в Касимовском медресе обучалось 65 учеников, среди которых было много детей небогатых Пензенских и Симбирских татар [5, 7]. Основной целью учебного заведения была подготовка приходских мулл, соответственно и главными предметами были Коран и арабский язык. Кроме того, преподавались языки хивинский и бухарский, меньшее внимание уделялось светским предметам: географии, логике и истории [5, 7].

Из девятнадцати мектебе региона четыре находились в Касимове, а остальные в селах и деревнях уезда, в основном это были небольшие учебные заведения, где обучалось от 15 до 30 учеников. Женское мусульманское начальное образование в регионе только развивалось, хотя и довольно активно: было три женских и пять смешанных мектебе [5, 20-25]. Образование не было всеобщим, помимо архивных данных [5, 20-25] об этом свидетельствуют и данные переписи 1897 г. Из всего мусульманского населения Рязанской губернии, грамотными, то есть получившими хотя бы начальное образование, были 1852 человека, или 36 % жителей, из них русским языком владел только 291 человек, т.е. около 5 % от числа всех мусульман региона [10, 118-121].

Предметами, изучаемыми во всех мектебе, были мусульманский Закон Божий (истории о пророках, разъяснение Корана, молитвенные правила), татарское чтение и письмо, в большинстве еще учили четырем действиям арифметики, в двух мектебе преподавали также географию и русскую историю, обучение происходило на татарском языке [5, 20-25]. Преподаванием Закона Божьего, как правило, занимался местный мулла, а арифметикой, письмом и другими предметами отдельный преподаватель – мударис, хотя в некоторых местах всем занимался мулла [5, 8]. Интересно, что сами мусульмане не были довольны своими священнослужителями как учителями. Ситуация осложнялась тем, что в школах не платили конкретного жалования, а получали только то, что могли дать родители учеников, поэтому найти хорошего преподавателя, особенно в сельское мектебе, было довольно сложно [5, 8].

Главной проблемой мусульманских училищ было полное отсутствие преподавания русского языка. В результате даже многие из окончивших медресе и хотевших стать муллами с большим трудом им владели. Поэтому для получения свидетельства в знании русского языка (это нужно было тем, кто собирался стать муллой) некоторые из касимовских татар брали уроки у частных учителей [5, 7]. По данным переписи 1897 г. в Рязанской губернии «русской грамотностью» среди мусульман владел 291 человек [10, 118-121], около 5 % исламского населения края. Такое положение дел было невыгодно в первую очередь самим мусульманам, поскольку препятствовало их интеграции в общество, в частности закрывало путь в средние и высшие учебные заведения страны. Например, в 1896 – 1901 гг. в Касимовском техническом училище обучалось только пятеро мусульман, это объясняется единственной причиной: незнание ими русского языка [5, 18].

На рубеже XIX – XX вв. в Касимовском уезде, как и в других мусульманских регионах России появляются «новометодные школы» [2]. Они отличались тем, что для преподавания татарского языка использовали новый звуковой метод обучения и большое внимание уделяли светским предметам. В уезде таких школ было всего шесть, несмотря на большой интерес касимовских мусульман к ним [5, 8; 20-25]. Основными препятствиями для их распространения был недостаточный образовательный уровень преподавателей. Так, из всего 25 учителей, работавших в татарских школах, один обучался в Константинополе, семеро – в медресе, один закончил местное мектебе в с. Болотцы, сведения об образовании других отсутствуют.

Государственные власти были заинтересованы в распространении среди исламского населения русского языка, так как это было необходимо для интеграции мусульман в общественную жизнь страны. В 1907 г. разрабатываются и принимаются новые «Правила о начальных училищах для инородцев». В результате параллельно конфессиональным исламским учебным заведениям

создается ряд казенных русско-мусульманских учебных заведений, находящихся в ведении местных училищных советов [6, 37].

После издания «Правил ...» 1907 года в 1909-1913 гг., в Касимове на базе существовавших ранее мектебе открываются два мужских русско-мусульманских училища и две женских русско-мусульманских гимназии. В этот же период, также на основе мектебе, открывается Земская одноклассная школа в с. Торбаево [6, 29-33]. Несмотря на то, что эти учебные заведения были предназначены для мусульман, и обучение шло на татарском языке, их нельзя назвать конфессиональными, поскольку они учились по программам, установленным Министерством народного просвещения, и существовали на тех же основаниях, что и начальные училища империи [5, 37]. Помимо вероучения и татарского языка здесь изучали общеобразовательные предметы: русский язык, арифметику, историю, географию, пение [5, 20-25]. Все предметы, кроме вероучения, преподававшегося муллами, вели учителя, окончившие гимназию или Казанскую татарскую учительную школу. Обучалось в этих учебных заведениях приблизительно от 30 до 60 человек [5, 29-33].

Продолжали действовать и конфессиональные школы. В Касимове это были медресе, в котором в 1913 г. обучалось пять учеников, и одно мектебе. Общее число начальных мусульманских училищ в уезде уменьшилось до шестнадцати, среднее число учеников осталось прежним, каких-то внутренних изменений здесь не произошло. Вследствие того, что большая часть мусульман проживала в сельской местности, они по-прежнему получали образование в конфессиональных учебных заведениях.

Среди мусульманских начальных училищ необходимо выделить женское и мужское мектебе в с. Болотцы [4]. Помимо вероучения и арифметики здесь преподавали русский язык, грамматику, географию, а учителя имели гимназическое образование. По свидетельствам современников, мектебе в Болотцах считалось лучшим и образцовым в уезде, одно только здание, построенное в 1910 г., стоило 14 тысяч рублей [6, 32].

Подводя итоги, отметим следующее. В начале XX в. у Касимовских татар существовало одно высшее духовное образовательное учреждение, медресе и сеть начальных мусульманских училищ, мектебе. Несмотря на рекомендации правительства, здесь не обучали русскому языку, и основное внимание уделялось вероучению и татарскому языку. С одной стороны, это препятствовало религиозной, культурной и национальной ассимиляции касимовских татар, с другой – закрывало для них путь в средние и высшие учебные заведения страны, мешая их интеграции в общественную жизнь государства и региона. В 1909 г. открывается казенное мусульманское мужское начальное училище, а в 1910 г. и женское. В этих учебных заведениях преподавалось вероучение, татарский и русский язык, светские предметы. Они были довольно популярны среди мусульман, поскольку в 1913 г. открываются еще два таких училища, при этом количество мектебе в городе уменьшается с четырех (в 1901 г.) до одного, а число учеников в медресе с 65 (в 1901 г.) до пяти. В сельской местности подобные училища не были так распространены, и открылась только одна земская школа.

Особенностью данных учебных заведений было то, что образовательный процесс шел на татарском языке, и преподавалось исламское вероучение. Таким образом, власти губернии, заинтересованные в скорейшей интеграции татар-мусульман, не прибегали для этого к русификации и христианизации, а добивались изучения ими русского языка наравне с национальным.

Проблема распространения русского языка среди исламского населения региона оставалась актуальной, поскольку большая часть мусульман проживала в сельской местности и получала образование в мектебе, где круг изучаемых светских предметов был довольно ограничен. В связи с начавшейся в 1914 году войной, а затем и революцией, решением проблемы распространения русского языка среди касимовских татар смогут заняться новые власти [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов, Р. Г. Судьба ислама в России: история и перспектива / Р. Г. Абдулатипов. – М., 2002. – 313 с.
2. Аршаруни, А. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – М.: Безбожник, 1931. – 140 с.
3. Беленчук, Л. Н. Просвещение нерусских народов в России (1861 – 1917 гг.) / Л. Н. Беленчук // Педагогика. – 2005. – № 8. – С. 76-84.
4. Доронкин, В. В. Касимовская православная противомогадетанская миссия за первое десятилетие своего существования / В. В. Доронкин. – Касимов, 1909. – 216 с.
5. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. 5. – Оп. 4. – Д. 3339.
6. ГАРО. – Ф. 5. – Оп. 4. – Д. 5566.
7. Исхаков, Р. Р. Политика религиозной унификации татар-мусульман Волго-уральского региона в 1860-1905-х гг. Опыт историко-статистического анализа / Р. Р. Исхаков // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 259-263.
8. Куропаткина, О. В. Национальная идея глазами неправославных верующих / О. В. Куропаткина // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 6. – Т. 4. – С. 114-117.
9. Мухетдинов, Д. В. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции / Д. В. Мухетдинов, А. Ю. Хабутдинов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. – 282 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 35. Рязанская губерния. – СПб., 1903. – 259 с.
11. Сулейманова, Ю. Ф. Процесс христианизации нерусских народов Оренбургского края проблема обратного перехода в ислам в XIX в. / Ю. Ф. Сулейманова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – № 1 (96). – Т. 17. – С. 145-150.
12. Тихонов, А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. / А. К. Тихонов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 368 с.
13. Петрунина, Ж. В. Отношение мусульманских народов южных окраин России к первому турецко-египетскому кризису (1831-1833 гг.) / Ж. В. Петрунина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10. – № 1. – С. 22-26.
14. Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. Ч. 2 / общ. ред. С. А. Каменева; сост. Н. А. Желваков. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. – 516 с.

Семёнов А. Б., Семёнова В. Л.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Семёнов А. Б., Семёнова В. Л.
A. B. Semenov, V. L. Semenova

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

HISTORICAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF CHINESE MIGRATION TO THE RUSSIAN FAR EAST AT THE TURN OF 20TH-21ST CENTURIES

Семёнов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru

Mr. Semenov B. Alexander – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk -on-Amur, ul. Lenin, 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru

Семёнова Валерия Леонидовна – бакалавр юриспруденции, заместитель директора и старший юрист ООО ЮА «Виктория+» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681027, Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, 64. E-mail: valerijaleo@mail.ru

Ms. Semenova L. Valery. – Bachelor of Law, Deputy Director and Senior Associate, Company SA «Victoria+» (Russia, Komsomolsk- on-Amur); 681027, Komsomolsk-on-Amur, ul. Lenin, 64. E-mail: valerijaleo@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы юридические особенности регулирования миграционных процессов между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на территории Российского Дальнего Востока на рубеже тысячелетий, а также социально-экономическое положение китайских мигрантов.

Summary. The article analyzes the legal aspects of migration regulation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Russian Far East at the turn of the millennia. It also describes the socio-economic situation of Chinese migrants.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, право, закон, миграция, Дальний Восток.

Key words: russian-chinese relations, right, law, migration, the Far East.

УДК 94:349.2(571.6+510)

На рубеже XX – начала XXI вв. мигранты из Китайской Народной Республики (КНР) стали важным фактором социально-экономической жизни дальневосточных субъектов Российской Федерации, китайцы наравне с мигрантами из других стран и регионов заняли свою нишу в социальной и этнической системе разделения труда Дальнего Востока. Волевые, целенаправленные действия центральной федеральной и региональной российской власти в отношении китайской трудовой миграции привели к тому, что деятельность мигрантов стала жёстко регламентироваться юридическими документами. Московским федеральным центром было принято много законов, определяющих обязанности и права иностранных трудовых мигрантов. В «Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации» от 03.11.2000 г. [1] говорится о правилах осуществления гражданами Российской Федерации и Китайской Народной Республики трудовой деятельности, носящей временный характер на территории соседнего государства. Центральной российской властью была принята «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: одобрена распоряжением Правительства РФ» от 1 марта 2003 г. № 256-р [2]. Авторы и разработчики документа акцентировали внимание на тех проблемах, с которыми

столкнулось отечественное государство и с которыми встречаются иностранные трудящиеся мигранты в России. Концепция регулирования миграционных процессов стала первым юридическим аналитическим документом, в котором федеральные власти попытались проанализировать социально-экономическую сущность трудовой миграции. В «Постановлении Правительства Российской Федерации об утверждении положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации» от 7.04.2003 г. № 199 [3] давался скрупулезный перечень структур и контролирующих институтов государства, которые должны и обязаны осуществлять контролируемую функцию над иностранными гражданами, приезжающих и живущих на территории Российской Федерации. Ключевую роль при регулировании социально-трудовых отношений с участием граждан КНР играет Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. [4].

Органы законодательной и исполнительной власти дальневосточных субъектов РФ параллельно с федеральными органами власти проводили плодотворную правотворческую деятельность по регулированию иностранной трудовой миграции. В декабре 2005 г. администрация Приморского края принимает постановление № 275-па «О внесении изменений в постановление Администрации Приморского края от 12 сентября 2003 г. № 269 «О межведомственной комиссии при Администрации Приморского края по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Приморского края» [5]. Постановление администрации Приморского края от 25 декабря 2006 г. № 276-па «Об управлении государственной службы занятости населения Приморского края». Статья 8.4 правового документа гласила, что одной из задач краевой службы занятости является выдача работодателям заключений о привлечении и об использовании иностранных работников в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в РФ [6]. В мае 2007 г. губернатор Еврейской автономной области Н. Волков подписал постановление от 6.03.2007 г. № 65 «Об определении уполномоченного органа по организации и координации работы по определению потребности в привлечении иностранных работников и подготовке предложений по объёмам квот в Еврейской автономной области» [7], постановление от 15.03.2007 № 75 «О межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Еврейской автономной области» [8].

Анализ законодательных инициатив и решений федеральных и региональных органов власти в области регулирования трудовой иностранной миграции на территорию Дальнего Востока РФ показывает, что власти всерьёз осознавали важность правового регулирования этих процессов. Однако в начале XXI в. наблюдалось то, что в юридическом плане властям не удалось отрегулировать вопрос правовой ответственности работодателей за незаконное привлечение иностранных работников на свои предприятия. Более того, властям не удалось наладить фактическую правовую и юридическую защиту иностранных работников от произвола юридически нечистоплотных работодателей, которые были заинтересованы в снижении своих издержек и увеличении нормы прибыли за счёт эксплуатации иностранцев на своих предприятиях. Сложилась интересная ситуация, с формальной точки зрения у мигрантов были права на достойный труд и безопасные условия труда, а фактическая возможность реализовать это право у трудовых мигрантов сводилась к нулю. Кроме этого, сопоставляя федеральное и местное законодательство, бросается в глаза проблема того, что центральные федеральные власти при нормотворчестве редко учитывали местную специфику.

В Дальневосточном регионе ходили устойчивые слухи, что иностранные трудовые мигранты способствуют процессу увеличения безработицы среди граждан РФ. Вопреки такому распространённому мнению трудовые мигранты не влияют на уровень безработицы. Американский экономист Диана Койл утверждает, что появление мигрантов на рынке труда изменяет кривую предложения рабочей силы: количество работающих увеличивается, но при этом понижается заработная плата.

Именно понижение расходов за счет зарплаты рабочих стимулирует работодателей нанимать на работу больше людей. Таким образом, ущерб наносится не в виде потерянных рабочих мест, а в виде снижения заработной платы [9].

Другой американский экономист, автор культовой работы «Принципы экономикс» Н. Г. Мэнкью пишет, что «избыток предложения труда оказывает давление на заработную плату рабочих, которая уменьшается, а падение заработной платы, в свою очередь, приводит к тому, что работодатель получает возможность нанять большее количество работников» [10].

Из вышесказанного нами сделан вывод, что трудовые мигранты из КНР и других стран и регионов не только не конкурируют с местным аборигенным населением за рабочие места, но и косвенно стимулируют создание новых рабочих мест и увеличивают занятость местного населения. Любой трудовой мигрант, приехавший в РФ и на Дальний Восток, становился создателем, потребителем товаров и услуг, тем самым дополнительно стимулируя спрос на эти товары и услуги. Так что получается, что в целях удовлетворения спроса производитель материальных и нематериальных услуг и товаров расширяет свою деятельность, создавая новые рабочие места.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации от 03.11.2000 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 7. – С. 43
2. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: одобрена распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р. // Собрание законодательства РФ. – 10 марта. – 2003. – № 10. – С. 923.
3. Постановление Правительства Российской Федерации № 199 об утверждении положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации от 7.04.2003 г. // Российская газета. – 11 марта. – 2003. – № 69 (3183).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. // Российская газета. – 2002. – 31 июля. – № 140.
5. Постановление от 07 декабря 2005 г. № 275-па о внесении изменений в постановление Администрации Приморского края от 12 сентября 2003 года № 269 «О межведомственной комиссии при Администрации Приморского края по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Приморского края» // Администрация Приморского края официальный сайт. URL: http://www.primzakon.ru/document_754.html (дата обращения: 18.10.2011).
6. Постановление от 25 декабря 2006 г. № 276-па об управлении государственной службы занятости населения Приморского края // Администрация Приморского края официальный сайт. URL: http://www.primzakon.ru/document_699.html (дата обращения: 18.10.2011).
7. Постановление от 6.03.2007 г. № 65 об определении уполномоченного органа по организации и координации работы по определению потребности в привлечении иностранных работников и подготовке предложений по объёмам квот в Еврейской автономной области // Некоммерческое партнёрство информационно-правовой консорциум «КОДЕКС». URL: <http://npa.eao.ru/law?d&nd=642211212> (дата обращения 18.10.2011).
8. Постановление от 15.03.2007 № 75 о межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Еврейской автономной области // Некоммерческое партнёрство информационно-правовой консорциум «КОДЕКС». URL: <http://npa.eao.ru/law?d&nd=642211234> (дата обращения: 18.10.2011).
9. Койл, Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 221-222.
10. Мэнкью, Н. Г. Принципы экономикс / Н. Г. Мэнкью. – СПб.: Питер Ком, 1999. – С. 398.

Костюченко В. И., Сокол Л. Н.
V. I. Kostyuchenko, L. N. Sokol

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ
ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

**RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AS A KEY FACTOR IN CREATING COLLECTIVE
SECURITY SYSTEM IN ASIA-PACIFIC REGION**

Костюченко Владимир Иванович – кандидат технических наук, доцент военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-914-173-63-08.

Mr. Vladimir I. Kostyuchenko – PhD in Engineering, Associate Professor, the Department of Military Education, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, 27 Lenina pr.; + (7914) 173-63-08.

Сокол Лариса Николаевна – мастер производственного обучения военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-924-225-29-76. E-mail: sokolal66@mail.ru.

Larisa N. Sokol – master of vocational training, the Department of Military Education, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, 27 Lenina pr.; + (7914) 173-63-08. E-mail: sokolal66@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению истории взаимоотношений России и Китая после 90-х гг. XX в., проблемы стратегического партнерства двух стран и перспектив развития дружественных отношений.

Summary. The article is devoted to studying the history of Russian-Chinese relations after 1990s. The problem of the strategic partnership between the two countries and prospects of friendly relations are investigated.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, АТР, Россия, Китай.

Key words: Russian-Chinese relations, Asia-Pacific region, Russia, China.

УДК 327

В настоящее время на первое место выходит проблема укрепления дружественных связей между РФ и КНР, обеспечение коллективной безопасности в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) совместно со странами, находящимися в этой части мира. Отношения между Россией и Китаем как двумя наиболее крупными державами региона (не считая США и Японии) оказывают непосредственное влияние на безопасность в регионе. По мнению Москвы и Пекина, в мире должно быть равноправное партнёрство. Выражая понимание российской политики в отношении расширения НАТО на Восток, Китай выступает за «вступление России в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)» [1, 376].

Нормализация отношений имеет положительные результаты для обоих государств. Для России это означает огромный китайский рынок, который нуждается в высокотехнологичной продукции, в частности новейших видах военной техники. Китай же за счет России повышает технический уровень своих вооружённых сил, а Россия, находясь в экономическом кризисе, является потребителем многих дешёвых видов промышленной продукции, правда, не всегда высокого качества.

И Россия, и Китай ратуют за взаимодействие, совместные действия против террористов. В Китае внимательно следят за политикой России. В Пекине опасались, что Москва может, как и в 1990-е гг., повернуться к Западу, однако переговоры В. Путина в Пекине и особенно его заявление в Европе в марте 2005 г. о том, что «Россия торговала оружием и будет продолжать продавать Ки-

таю», дали ответы на многие вопросы [1, 377].

Подтверждением налаживания отношений является регулярное (до трех раз в год) проведение встреч глав государств, благодаря которым за последние годы во многом удалось добиться впечатляющих результатов в углублении стратегического партнерства и всестороннего взаимодействия двух стран.

Российско-китайская координация сняла лишь часть вопросов по остававшимся несогласованными двум участкам российско-китайской границы (два острова у Хабаровска и остров Большой на р. Аргунь в Читинской области) во время визита В. Путина в Китай в 2004 г.

Есть ещё одна существенная проблема, остро стоящая во взаимоотношениях двух стран. Это проблема оттока русского населения и незаконное оседание граждан КНР на территории российских Сибири и Дальнего Востока. «С 1991 по 2011 г. население Дальневосточного федерального округа сократилось более чем на 20 %. При этом в целом по России основной причиной сокращения численности являлась естественная убыль населения, однако для дальневосточных территорий главной проблемой стал миграционный отток» [2, 67 – 68]. Наибольшие потери населения понесли за счёт миграционного оттока Магаданская область (9,9 %) и Чукотка (13,4 %) [3, 3]. В северных провинциях Китая проживает около 120 млн чел., и сейчас никто не может гарантировать, что эти люди при определённых условиях не хлынут в Россию. Одним из главных условий может быть то, что в КНР не будет хватать природных ископаемых. «По сравнению со среднемировыми запасами важнейших природных ресурсов в расчёте на душу населения запасы КНР составляют менее половины» [3, 3]. И возможно, что через 10 – 15 лет Китай столкнётся с нехваткой этих ресурсов. В связи с данным фактом ряд аналитиков (Миямото Нобуа, Г. Карасин, Л. Моисеев и др.) сомневаются в долгих отношениях стратегического характера между РФ и КНР. Например, посол Японии в Чехии Миямото Нобуа указывает, что «стратегическое партнёрство для России – это реакция на расширение НАТО на Восток, а для Китая – возможность получения новейших видов оружия, которое позволило бы КНР противостоять США и давить на правительство Тайваня» [4, 2 – 3], тем более что Россия – единственная страна, которая продаёт КНР высокотехнологичное оружие. Иного мнения придерживается американский китаевед Т. Робинсон, а также аналитики России (посол по особым поручениям МИД РФ Г. Киреев, научный сотрудник ИДВ РАН В. Е. Петровский) и Китая (Чжоу Дэгуан, заместитель министра иностранных дел КНР). За развитие стратегического партнерства высказываются и руководители этих стран.

За период 1992 – 2002 гг. Китаю поставлено «48 самолетов Су-27 различных модификаций, в том числе 36 истребителей-перехватчиков Су27СК и 12 учебно-боевых истребителей Су-27УБК. В 1998 г. на китайском авиастроительном заводе в Шэньяне началось производство самолетов этого типа по российской лицензии. Лицензионная программа, рассчитанная на 10 лет, предусматривала сборку в Китае до 200 машин, приблизительно 50 из них должны были собираться из российских комплектующих» [5, 30].

Китайскому оборонно-промышленному комплексу в последние годы удалось завоевать 5 % мирового рынка торговли оружием. При этом впервые после окончания «холодной войны» Китай вошёл в пятерку крупнейших экспортёров вооружений и военной техники, вытеснив оттуда Великобританию.

Таблица 1

Военный импорт и экспорт Китая

Период	Импорт, млн долл.	Экспорт, млн долл.
1993 – 1997	4515	4875
1998 – 2002	10 630	2038
2003 – 2007	14 098	2463
2008 – 2012	7483	6462

В 2003 – 2007 гг. Китай поставил на экспорт собственной военной продукции на общую сумму 2,5 млрд долл. (4,4 млрд долл. в ценах 2012 г.). Для сравнения: лидеры оборонного экспорта США, Россия и Германия продали за рубеж вооружений и военной техники на 34,9; 27,6 и 10,8 млрд долл. соответственно [6].

Исходя из двух противоположных точек зрения можно выделить два варианта развития отношений стран: оптимистический и пессимистический. Факт, что на рубеже XX – XXI вв. Россия оказалась в ситуации, когда на её дальневосточных рубежах появились экономические гиганты. «И нет оснований ожидать каких-либо перемен, кроме одной – рост их экономической мощи будет продолжаться» [4, 1]. В данной ситуации у России есть два выхода: либо она сделает всё возможное, чтобы стать мощной экономической державой в АТР, опираясь на КНР; либо встанет перед угрозой превращения в сырьевой придаток бурно развивающихся государств этого региона, прежде всего КНР как ближайшего соседа.

Первый вариант развития отношений наиболее благоприятен и для обеих стран, и для всего Тихоокеанского региона. Стратегическое партнёрство и дружественные отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики как наиболее мощных и крупных держав в зоне АТР будут способствовать установлению и поддержанию коллективной безопасности в регионе. Достаточно посмотреть на карту мира, чтобы убедиться в огромной важности АТР и еще большей важности стабильных, мирных отношений между странами региона и отсутствия между ними борьбы с помощью вооруженных сил, тем более что в этом регионе находятся интересы таких стран, как США, Япония, Китай, Россия и многих других, между которыми на протяжении многих десятилетий шла борьба за мировое господство. Никто не знает, когда эта борьба разгорится снова. В зоне АТР сосредоточено свыше 50 % разведанных мировых запасов урана и других стратегических материалов природного происхождения, обладать которыми желала бы любая страна мира.

Для обеспечения коллективной безопасности страны региона создали форум «Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество» (АТС) в 1993 г. и «Асеановский региональный Форум» (АРФ) в 1994 г.

АТС занимается торгово-экономическим сотрудничеством, а АРФ – проблемами безопасности в регионе, тем не менее обе организации призваны обеспечить коллективную безопасность в АТР. В основу работы форумов был положен принцип отказа от конфронтации, базирующийся на идее преобладания общих интересов над индивидуальными. Страны Северо-Восточной Азии (Япония, Китай, Южная Корея, Гонконг и Тайвань) являются активными участниками АТЭС. Несмотря на существующие двусторонние отношения между этими странами, имеющие не всегда мирный характер, многие проекты реализуются в рамках форума АТЭС.

Во многом организация коллективной безопасности в Тихоокеанской зоне зависит от ООН, так как Китай и Россия являются наиболее сильными государствами АТР и постоянными членами Совета Безопасности ООН, они заинтересованы в поддержании безопасности и стабильности в регионе. Кроме того, многие меры в области режимов региональной безопасности иницируются, осуществляются и контролируются ООН. Фактически ООН, АТЭС и АРФ – это организации, в которых создан многосторонний переговорно-консультативный механизм, целью которого является строительство регионального режима безопасности и недопущения конфликтов между странами. При этом данные структуры служат основным средством обмена информацией, которая помогает корректировать взаимное восприятие угроз и выработать альтернативы для укрепления региональной безопасности. В ответ на аргументы аналитиков главной задачей долговременного стратегического курса России в отношении Китая должно стать недопущение возможности возникновения конфликтных ситуаций, которые могут привести к вооруженному столкновению двух ядерных держав-соседей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протопопов, А. С. История международных отношений и внешней политики России / А. С. Протопопов, В. М. Козьменко, Н. С. Елманова. – М.: Аспект-пресс, 2006.
2. Петрунина, Ж. В. Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС / Ж. В. Петрунина, Е. А. Канаев, Д. В. Киба. – Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2013.
3. Гельбрас, В. Г. Экономический кризис и национальная безопасность России / В. Г. Гельбрас // Азия и Африка, 1996. – № 5.
4. Гельбрас, В. Г. Восточная стратегия России / В. Г. Гельбрас // Азия и Африка, 1996. – № 6.
5. Шлындов, А. В. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы, перспективы / А. В. Шлындов // Проблемы Дальнего Востока, 2004. – № 6.
6. Сычев, В. Н. Китай вошел в пятерку военных экспортеров / В. Н. Сычев. – Режим доступа: [http:// devnews.ru/news/14966vprk](http://devnews.ru/news/14966vprk) (дата обращения 06.11.2015).

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

КИТАЙ И СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

CHINA AND MIDDLE EASTERN COUNTRIES: THE HISTORY OF RELATIONS IN THE LATER TWENTIETH AND BEGINNING OF THE TWENTY – FIRST CENTURIES

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr.; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В предлагаемой работе исследованы основные этапы складывания отношений между Китаем и странами Ближнего Востока в период второй половины XX – начале XXI вв. Выявлены два разных периода в развитии отношений между сторонами в рассматриваемое время. Определены причины изменения внешнеполитических задач Китая на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. Рассмотрены принципы отношений КНР с Лигой арабских государств (ЛАГ), выдвинутые Ху Цзиньтао. Проанализированы итоги визита Си Цзиньпина в страны Ближнего Востока в январе 2016 г. и интересы КНР в регионе на будущее. По мнению автора, Пекин руководствуется долгосрочными интересами безопасности и заинтересован в стабильной обстановке на Ближнем Востоке, что позволит наращивать экономическое сотрудничество со странами региона.

Summary. The main stages of building relations between China and the Middle Eastern countries in the later twentieth and beginning of the twenty-first centuries are studied in this paper. Two different periods in the development of relations between the parties of the mentioned time are identified. The author points to the reasons of change in China's foreign policy objectives in the Middle East. In this article the principles of China's relations with the League of Arab States (LAS), which have been put forward by Hu Jintao, are considered. The author of the article also analyzes the results of Xi Jinping's visit to the Middle East in January 2016 and future challenges of China in the region. The author considers that Beijing is guided by long-term security interests and is interested in a stable environment in the Middle East, which will increase the economic cooperation with the countries of the region.

Ключевые слова: КНР, Ближний Восток, экономическое взаимодействие, стратегическое партнерство, «идти вовне».

Key words: China, the Middle East, economic cooperation, strategic partnership, «go outside».

УДК 94

Среди внешнеполитических ориентиров Китая особое значение имеет ближневосточный регион [1], отношения со странами которого со второй половины XX в. менялись параллельно с изменениями потребностей внутреннего развития страны и внешнеполитических приоритетов. Интересы КНР (как и большинства мировых держав) на Ближнем Востоке определяются значительными природными богатствами этого региона, его особым геостратегическим положением и высокой степенью влияния на мировые процессы в целом. Бывший посол РФ в Ливии А. Б. Подцероб справедливо отметил экономическую значимость ближневосточного региона, обусловленную крупнейшей концентрацией углеводородов – «энергетического сырья, не просто жизненно важного для мировой экономики, но и обеспечивающего само существование современной цивилизации» [2, 23].

Петрунина Ж. В.

КИТАЙ И СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Политику КНР на Арабском Востоке можно разделить на два отличающихся друг от друга этапа, водоразделом между которыми является 1978 г., когда на III Пленуме ЦК КПК была признана необходимость кардинальных реформ. В целях преодоления экономической отсталости страны китайские лидеры руководствовались «соображениями экономического и политического прагматизма, ... категорически отсекалось всё, что могло нанести ущерб модернизации КНР» [3, 623]. Дипломатические отношения между Китаем и странами Ближнего Востока стали складываться с середины 1950-х гг. Отправной точкой стала встреча Чжоу Эньлая с Насером в апреле 1955 г., после которой последовали обмены студентами и преподавателями, а также визиты с целью знакомства с культурами Китая и Египта. В 1956 г. между КНР и Арабской Республикой Египет (АРЕ) были установлены дипломатические отношения на посольском уровне. Это событие определило три направления дальнейшей деятельности китайской дипломатии в регионе: отношения со странами арабского Востока, отношения со странами Африки и отношения со всем исламским миром. В 1950 – 1960-х гг. египетское направление китайской дипломатии было усилено. В 1965 г. Китай высказался в поддержку национализации Суэцкого канала. Несмотря на ухудшение отношений КНР с СССР в годы «культурной революции», Китаю удалось сохранить дипломатическое представительство в Египте. В 1970-х гг. особое место отводилось взаимодействию с государствами региона, находившимися в конфронтации с СССР. Пекин поддержал подписание Кэмп-Дэвидских соглашений (1978 г.). Во время ухудшения отношений Египта с СССР (1970 – 1980-е гг.) Китай начал поставки вооружения в Египет и строительство там кирпичного завода.

До 1978 г. внешнеполитическая стратегия КНР на Ближнем Востоке основывалась на идее классовой борьбы и оказании всесторонней помощи странам «третьего мира», борющимся против империализма. Доля арабского Востока во внешней торговле КНР в то время составляла всего 2,7 – 3,7 % [4, 675].

Однако с приходом к власти политиков второго поколения Китай, продолжая позиционировать себя в качестве одного из мировых лидеров, во внешней политике сделал акцент на международное экономическое сотрудничество. Прагматический курс на экономическую открытость позволил китайским лидерам проводить экспансию невоенными методами, что получило отражение во внешнеполитических концепциях второй половины XX в. В соответствии с внешнеполитическими задачами после 1978 г. Пекин определил две области своих политических интересов на Ближнем Востоке. Во-первых, не допустить дестабилизации в регионе, поскольку это препятствует проведению успешной модернизации в Китае, а во-вторых – упрочение позиций КНР на Ближнем Востоке, что будет способствовать повышению авторитета Пекина на международной арене. В сфере экономических интересов лидерами КНР главным было определено стремление к обеспечению энергетической безопасности своей страны и созданию благоприятной внешней среды для экспорта товаров широкого потребления, рабочей силы и других услуг, что обеспечит динамичное экономическое развитие государства. С 1980-х гг. Китай начал продавать вооружение странам Ближнего Востока (Египет, Ирак, сотрясаемый в то время военными конфликтами, Саудовская Аравия). К концу 1980-х гг. Ближний Восток стал объектом пристального внимания китайских политиков. Они отказались от противостояния со «сверхдержавами», активизировали политическое и торгово-экономическое сотрудничество со странами Западной Азии, стремясь установить дипломатические отношения со всеми государствами региона: Иордания (1977 г.), Оман (1978 г.), Ливия (1978 г.), ОАЭ (1984 г.), Катар (1988 г.), Бахрейн (1989 г.). Последней арабской страной, которая установила с Китаем официальные дипломатические отношения на консульском уровне, стала Саудовская Аравия (1990 г.), отношения с которой начали складываться ещё с 1939 г. В ноябре 1946 г. стороны подписали «Договор о дружбе». Основой для складывания новых отношений стало военно-техническое сотрудничество. Китай был заинтересован в саудовских нефтяных ресурсах и прилагал множество усилий для расширения торгово-инвестиционного сотрудничества. В 1981 г. было восстановлено паломничество китайских мусульман в Мекку и Медину.

В 1990-х гг. отношения с государствами арабского Востока вышли на новый уровень. С Египтом и Саудовской Аравией как крупными центрами политического, идеологического и экономического влияния в мире было установлено стратегическое партнерство. К началу 1990-х гг. китайский экспорт в страны Ближнего Востока составил 1 млрд 5 млн долларов [5]. А изменение в китайском законодательстве рубежа 1970 – 1980-х гг. позволило китайским компаниям выезжать за рубеж и оказывать услуги в строительной отрасли. По разным источникам, в то время в странах Персидского залива находилось до 70 тыс. китайских рабочих, которые были дисциплинированы и, будучи немусульманами, не пытались остаться в арабских государствах.

На вторую половину XX в. приходится время становления и развития отношений Китая с Лигой арабских государств (ЛАГ). К середине 1970-х – началу 1980-х гг., когда произошли значительные изменения во внешней политике КНР, уровень политического влияния Китая на Ближнем Востоке повысился. Между сторонами стали определяться направления сотрудничества, что было зафиксировано в международных соглашениях. В 1987 г. было подписано «Соглашение о сотрудничестве в области культуры между Организацией ЛАГ по вопросам образования, культуры и науки и Пекинским институтом иностранных языков», а в 1996 г. состоялось подписание «Меморандума о взаимопонимании в области развития сельского хозяйства между Организацией по развитию сельского хозяйства ЛАГ и Министерством сельского хозяйства КНР». К 1996 г. двусторонний товарооборот составил 7 млрд долларов [6].

На рубеже XX – XXI вв. стороны активизировали взаимодействие. На 110-й Сессии ЛАГ (1998 г.) была принята резолюция № 5809, направленная на развитие связей с Китаем, а спустя год, в 1999 г., последовало подписание «Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ЛАГ и МИД КНР». Между сторонами был определен механизм проведения переговоров на высшем уровне. Следующим шагом стало заключение в 2001 г. «Соглашения между информационным центром ЛАГ и Государственной библиотекой КНР». Наряду с решением вопросов о совместном участии в научных конференциях, ведении совместных исследований и проблем хранения информации было решено учредить Постоянный технический комитет, отвечающий за вопросы сотрудничества. Из периферии внешней политики КНР ближневосточный регион превратился в зону его стратегических интересов.

В ходе встречи в Каире с лидерами ЛАГ в 2004 г. лидер КНР Ху Цзиньтао выдвинул четыре принципа развития партнерства нового типа между Китаем и арабскими странами: во-первых, укрепление политических отношений на основе взаимного уважения, во-вторых, углубление торгово-экономических связей, направленных на взаимное развитие, в-третьих, расширение культурного обмена, содержанием которого является заимствование опыта друг у друга, в-четвертых, укрепление сотрудничества в международных делах, направленного на обеспечение мира и содействие совместному развитию [7]. Тогда же по инициативе Пекина был организован Форум китайско-арабского сотрудничества, который стал одним из действенных инструментов китайской дипломатии на арабском Востоке, площадкой для китайско-арабского диалога, первой региональной организацией, объединившей 22 арабских государства. Форум ориентирован на долгосрочное взаимодействие Китая с арабскими государствами в таких сферах, как торгово-экономическая, информационная, научно-техническая, культурная и гуманитарная. Подтверждением этому является и структура организации. Высшим органом управления Форума является Встреча на уровне министров стран-участниц (проводится один раз в два года), а исполнительным – Заседание комитета должностных лиц (проводится поочередно в каждой из стран-участниц). В состав структуры входят Китайско-арабский совет предпринимателей, Научно-дискуссионный форум по китайско-арабским отношениям и цивилизационному взаимодействию, Китайско-арабский совет дружбы, Китайско-арабский совет по сотрудничеству в области ресурсов, Китайско-арабский новостной форум, Китайско-арабский комитет по сотрудничеству в области культуры.

С 2010 г. реализуется Тяньцзиньская декларация «Китайско-арабские стратегические отношения в интересах всестороннего сотрудничества и совместного развития», а отношения с некоторыми арабскими государствами возведены в ранг «стратегического партнерства» (Египет, Турция,

Петрунина Ж. В.

КИТАЙ И СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Алжир, Саудовская Аравия, ОАЭ). Учреждён механизм стратегического диалога с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. Китаем и арабскими странами приняты «План действий на 2014 – 2016 гг.» и «План развития на 2014 – 2024 гг.».

В январе 2016 г. китайским правительством был опубликован документ о политике Китая в отношении арабских стран. Он стал первым документом, который чётко обрисовал контуры китайской дипломатии в отношении арабских стран и обозначил стремление КНР играть в этих государствах конструктивную роль, укрепляя отношения в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. Объём документа составляет 7600 иероглифов и состоит из предисловия и пяти частей: «Углубление китайско-арабских отношений стратегического сотрудничества, характеризующихся всесторонним сотрудничеством и совместным развитием», «Политика Китая в отношении арабских государств», «Всесторонняя активизация китайско-арабского сотрудничества», «Форум китайско-арабского сотрудничества и последующие действия», «Отношения между Китаем и организациями арабского региона» [8].

Публикация этого документа появилась накануне визита Председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток (19 – 24 января 2016 г.), который стал важной вехой в развитии двусторонних отношений. Си Цзиньпин посетил Саудовскую Аравию, Египет и Иран, которые имеют большое влияние на Ближнем Востоке. Между Китаем, с одной стороны, и Саудовской Аравией и Ираном – с другой, были установлены отношения всеобъемлющего стратегического партнёрства (китайско-египетские отношения находятся на этом уровне с 2014 г.). В числе многих вопросов лидер КНР был намерен решить две ключевые задачи. Во-первых, имея планы постепенно отказаться от угля, руководство Китая рассматривает возможность увеличения объёма поставок арабской нефти, а во-вторых – обсудить развитие проектов «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века».

По итогам визита в Саудовскую Аравию было подписано 14 соглашений и меморандумов, затрагивающих разные стороны взаимодействия, такие как энергетика, которой отводится преимущественное положение, инвестиции, строительство инфраструктуры, ядерная энергия, совместное освоение космоса.

Посещение Египта было сопряжено не только с решением экономических задач. В 2016 г. исполняется 60 лет с установления двусторонних дипломатических отношений. Кроме того, этот визит стал первым визитом китайского лидера за последние 12 лет в эту арабскую страну. Встреча ознаменовалась подписанием свыше 20 соглашений по развитию сотрудничества в области энергетики, торгово-промышленном секторе, науке и культуре.

Си Цзиньпин стал первым лидером мирового уровня, который посетил Иран после снятия санкций, введённых против Тегерана из-за противоречивой ядерной программы. Между сторонами были подписаны соглашения, направленные на развитие торгово-экономического сотрудничества на следующие 25 лет. Доказательством серьёзности намерений сторон стали договорённости об увеличении объёма двустороннего товарооборота до 600 млрд долларов в ближайшие 10 лет. Президент Ирана Рухани отметил и важность соглашения об укреплении сотрудничества в обмене информацией и совместной борьбе с региональными угрозами, терроризмом и экстремизмом [9]. В общей сложности стороны заключили 17 договоров, касающихся разных сфер деятельности.

По оценкам политиков, поездка Председателя КНР в Саудовскую Аравию, Египет и Иран окажет позитивное влияние на отношения как с этими странами, так и с государствами всего ближневосточного региона. В целом, как отметил ещё в 2000 г. Принц Иордании аль-Хасан бин Талал, «сотрудничество с Китаем имеет лишь положительные стороны для арабских стран» [10].

Изменения международной ситуации способствовали и пересмотру отношений с Израилем, который на Ближнем Востоке играет роль регионального балансира. Именно Израиль, рассчитывая на ответный шаг, первым среди государств региона в 1950 г. признал коммунистический Китай. Однако отношения в тот период не сложились, поскольку Пекин оказал экономическую и политичес-

кую поддержку Палестине. В 1988 г. КНР признала Палестину в качестве суверенного государства, а в 1992 г. пошла на признание Израиля. Значимым для обеих сторон стал визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Израиль и Палестину в 2000 г., который способствовал расширению как политических, так и торгово-экономических отношений между государствами. Подобная политика по отношению к еврейскому государству может быть расценена в качестве ещё одного шага к доминирующему положению КНР на Ближнем Востоке.

Развивая отношения со странами Ближнего Востока, Пекин продолжает реализовывать провозглашённую весной 2000 г. Председателем КНР Цзян Цзэминем стратегию глобального внешнеэкономического наступления Китая под девизом «Идти вовне». Китаю, испытывающему потребность в энергоносителях, было бы выгодно расширить своё присутствие на Ближнем Востоке, а в перспективе – выступить в роли самого влиятельного внешнего «игрока» в регионе, потеснив США. Однако это вопрос будущего, поскольку возможности для осуществления столь масштабных планов у дальневосточного государства пока ограничены. Немаловажным фактором является и намерение КНР обеспечить безопасность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), куда могут проникнуть представители экстремистских организаций с Ближнего Востока, заинтересованные в дестабилизации политической ситуации в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ближний Восток [Электронный ресурс] // Большой энциклопедический словарь. 2000. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/73882/%D0%91%D0%9B%D0%98%D0%96%D0%9D%D0%98%D0%99> (дата обращения 31.01.2016).
2. Подцероб, А. Б. Арабские страны в мировой политике и экономике / А. Б. Подцероб // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. – 342 с.
3. Кулик, Б. Т. Внутренние факторы формирования внешней политики КНР / Б. Т. Кулик // Китай на пути модернизации и реформ: сборник к 50-летию КНР. – М.: Восточная литература, 1999. – 768 с.
4. Yitzhak Shichor. China's Upsurge: Implications for the Middle East // Special Issue: Israel's National Security in the Twenty-First Century. – 2006. – V. 12. – № 4.
5. Волович, А. А. Китай на энергетическом рынке Ближнего Востока [Электронный ресурс] / А. А. Волович. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-09-04.htm> (дата обращения 02.02.2016).
6. Форуму китайско-арабского сотрудничества 10 лет: краткий очерк истории и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.synologia.ru/a/> (дата обращения 02.02.2016).
7. Коммюнике о формировании Форума сотрудничества «Китай-Арабские страны» [Электронный ресурс] // «Жэньминь жибао» онлайн, 02.02.2004. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/200402/02/rus20040202_87661.html (дата обращения 27.01.2016).
8. Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран [Электронный ресурс] // Russian.news.cn, 13.01.2016. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения 30.01.2016).
9. Ближневосточный тур Си Цзиньпина – десятки соглашений, новые партнеры [Электронный ресурс] // РИА Новости, 23.01.2016. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20160123/1363961791.html#ixzz3yb6HUELH> (дата обращения 26.01.2016).
10. Globalisation and culture: China and the Arab word [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.channelingreality.com/Environment/ClubofRome_China_Saudis.pdf (дата обращения 01.02.2016).

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ШКОЛА ЛИДЕРСТВА КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ВУЗЕ**

LEADER'S SCHOOL AS THE FACTOR OF CREATING STUDENT GOVERNMENT

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27, 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur; 681013, tel. 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21, тел.: 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya Street, apt 21, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel. 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен лидерства в студенческой среде как фактор становления студенческого самоуправления. Представлен опыт организации Школы лидера. Описаны задачи, направления, формы и методы деятельности Школы лидера как площадки для актуализации лидерского потенциала личности студента.

Summary. The article deals with the phenomenon of leadership among the students as the factor of creating student government. Experience in organizing Leader's School is covered. Problems, directions, forms and methods of the Leader's School as a platform for expressing leadership potential of students are described.

Ключевые слова: студент, лидер, самоуправление, психологический тренинг, образовательные задачи, актуализация, потенциал, ресурсы личности.

Key words: student, leader, self-management, psychological training, educational tasks, expressing, potential, individual resources.

УДК 378

В условиях новой, складывающейся общественно-государственной системы воспитательной работы в образовательных организациях, воспитательная и внеучебная работа со студентами ориентирована на формирование общекультурных компетенций, развитие личностных качеств гражданина-патриота и включает следующие основные направления: духовно-нравственное; правовое воспитание; развитие лидерских качеств и умений работать в команде; физическое воспитание и спорт; формирование здорового образа жизни; профилактику правонарушений в студенческой среде и др. В реализации основных направлений работы со студенческой молодежью существенно возрастает роль студенческого самоуправления и социальной активности студентов.

Проблема развития лидерства в студенческой среде, как показывает анализ основных площадок представления результатов тематических исследований, имеет в настоящее время скорее прикладной характер разрешения, чем теоретический. Среди работ, посвященных феномену лидерства в студенческой среде, преобладают в основном те, которые раскрывают технологический аспект, освещая пути, средства, методы выявления и активизации лидерского начала у учащейся

молодежи [1; 2; 3; 4; 5; 8; 9]. Мы в свою очередь нашли возможным присоединиться к этой группе исследователей и пополнить спектр многочисленных вариантов развития лидерских качеств студентов, поскольку это, на наш взгляд, значительно расширяет и обогащает возможности образовательного процесса в современной высшей школе.

Наш опыт связан с реализацией проекта «Школа лидера», основной целью которого являлось выявление и развитие лидерских качеств студентов путем создания для них возможности получения опыта проживания в качестве лидера. Уже сама цель задала тренинговый формат деятельности Школы, поскольку именно он направлен на деятельное овладение содержанием, формирование личностных установок, выбор и реализацию модели поведения, соответствующей актуальному состоянию и стратегии личностного развития студента. Именно этот путь, на наш взгляд, является наиболее эффективным и действенным в решении задачи развития лидерства в студенческой среде; он предпочтителен традиционной семинарской форме введения в проблему лидерства, предполагающей мощный блок теоретического содержания. В тренинговой форме теоретическое содержание подаётся завуалировано, не прямо, через метафору, проблематизацию, в процессе рефлексии опыта.

В соответствии с этим проект «Школа лидера» реализуется как психологический тренинг, содержание которого направлено на обогащение представлений участников о самих себе, о Другом, об окружающем мире, о психологической реальности в контексте отношений «лидер-группа». Главная задача этого тренинга – получение студентами опыта познания себя, саморегулирования, влияния на других, принятия ответственных решений, организации деятельности группы, ведения эффективной коммуникации, управления конфликтом и т.п. Кроме этой в задачи Школы лидера входит:

- развитие взаимопонимания и чувства ответственности по отношению друг к другу;
- формирование навыков понимания Другого;
- выявление и развитие представлений о лидерстве;
- приобретение навыков планирования деятельности и организации работы в команде;
- изучение лидерских ролей, присутствующих в команде;
- проведение анализа ресурсов и ограничений для наращивания лидерского потенциала;
- обучение приемам приобретения авторитета в коллективе;
- знакомство с технологиями укрепления лидерских позиций в эмоционально-напряженных, проблемных ситуациях.

Кроме названных специфических, Школа лидера решает и ряд общепедагогических задач:

- создание условий для самореализации студентов;
- обеспечение их эмоционального благополучия [7];
- создание ситуации успеха, востребованности личностного потенциала каждого участника;
- обеспечение эмоционального благополучия студентов;
- установление преемственности между активистами младших и старших курсов;
- воспитание у студентов чувства ответственности, взаимоуважения, эмпатийности;
- воспитание личностных качеств студента (открытости, честности, нетерпимости ко лжи, лени);
- повышение уровня общей культуры обучающихся;
- ориентация студентов на общественные ценности.

Решение совокупности представленных задач не только создаёт возможность для обретения учащимися Школы нового статуса в студенческой среде, возможности полноценного участия в жизни вуза, но и в не малой степени способствует обновлению и обогащению содержания Я-концепции, построению новой траектории личностного развития, обретению личностных опор, наполнению личностных ресурсов.

Проект «Школа лидера» первоначально был задуман для первокурсников, которые только начали вливаться в учебную жизнь, с целью помощи им в адаптации к образовательному процессу в вузе, а также выявления и развития у них общественно направленных качеств личности, позволяющих реализовываться в дальнейшем в качестве волонтеров, участников и организаторов студенческих объединений и движений, принимать участие в социальных конкурсах и проектах,

стать членами студенческого самоуправления и т.д. [7]. В соответствии с этими идеями, набор в Школу лидера осуществлялся из студентов 1-го и 2-го курса, тех, кто уже проявил себя как лидер, принял участие в мероприятиях, проводимых Отделом организации воспитательной работы со студентами и администрацией факультетов. На сегодняшний день аудитория Школы значительно расширилась: в нее вошли и студенты старших курсов - те, кто видят и уже реализуют себя в роли лидера студенческих групп, активно занимаются самовоспитанием и хотели бы развить в себе социально значимые качества личности.

На сегодняшний день деятельность Школы лидера реализуется в трех направлениях. Первое - повышение психологической грамотности и воспитание психологической культуры слушателей. Оно воплощается через ознакомление с механизмами общения, законами восприятия человека человеком в ходе психологических игр и разбора конкретных ситуаций.

Второе направление включает упражнения и техники, позволяющие понять себя, найти в себе психологические опоры, актуализировать их, обнаружить ресурсы в окружающем пространстве, открыть собственные способы получения этих ресурсов.

Третье направление работы – это формирование и развитие лидерских качеств таких как: умение принимать решение; способность брать ответственность за себя и за других; умение говорить так, чтобы тебя услышали, слышать другого, быть актуальным в современном мире и т.д.

Эти направления реализуются, как правило, параллельно, формируя для участников многовекторное поле развития. Занятия Школы проходят чаще всего в задачно-игровом контексте и предполагают моделирование реальных жизненных и фантастических ситуаций, которые позволяют участникам тренинга максимально примерить роли, прожить те или иные обстоятельства и в результате получить опыт и выбрать оптимальный способ взаимодействия и поведения.

Формы и методы работы Школы, как показывает практика, в значительной степени способствуют становлению лидерства как фактора студенческого самоуправления, поскольку обеспечивают не только актуализацию лидерского потенциала личности учащихся, но и конкретизируют поле и траекторию его развития контекстом жизни университета, возможностью управления студенческой жизнью вуза, вкладом в формирование и развитие вузовской образовательной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вержибок, Г. В. Специфика лидерства в студенческой среде / Г. В. Вержибок // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. - Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. - 2014. - С. 47-48.
2. Вильцан, М. А. Условия и перспективы развития лидерства в студенческой среде / М. А. Вильцан, А. А. Валитов // Гуманитарные научные исследования. - 2015. - № 1-2 (41). - С. 24-31.
3. Городецкая, И. В. Проблема лидерства в студенческой среде ВГМУ / И. В. Городецкая, В. В. Горбачёв, Н. А. Клопов // Вестник Витебского государственного медицинского университета. - 2014. - Т. 13. - № 1. - С. 121-128.
4. Есина, И. Е. Институты студенческих лидеров: их значение и перспективы развития / И. Е. Есина // Молодёжь Сибири - науке России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. - 2015. - С. 96-98.
5. Котрухова, Р. И. Теоретические предпосылки исследования проблемы формирования лидерских качеств студентов вуза / Р. И. Котрухова // Социальная политика и социология. - 2009. - № 10 (52). - С. 536-541.
6. Наливайко, Т. Е. Психолого-педагогическая поддержка эмоционального благополучия личности в образовательном процессе / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. - 2015. - Т. 2. - № 1 (21). - С. 28-34.
7. Наливайко, Т. Е. Адаптационный процесс: мотивационно-личностное развитие первокурсников / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. - 2015. - Т. 2. - № 3 (21). - С. 29-33.
8. Оганян, К. К. Принципы, методы и классификация социальных технологий по формированию лидерства в студенческой среде / К. К. Оганян // Теория и практика общественного развития. - 2012. - № 3. - С. 53-56.
9. Ярулина, Л. П. Лидерство в студенческой среде как фактор формирования компетенций и интеграции в гражданское общество / Л. П. Ярулина // Современная высшая школа: инновационный аспект. - 2008. - № 1. - С. 122-126.

Шкляр Н. В., Карынбаева О. В.
N. V. Shklyar, O. V. Karynbaeva

МОДУЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ПЕДАГОГОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MODULAR TRAINING OF EDUCATORS TO WORK WITH DISABLED CHILDREN IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE EDUCATION

Шкляр Наталья Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (Россия, Биробиджан). E-mail: kor.ped@mail.ru

Ms. Natalya V. Shklyar – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Pathology, Sholem Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan). E-mail: kor.ped@mail.ru.

Карынбаева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии федерального Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (Россия, Биробиджан) E-mail: olgavlad11@mail.ru

Ms. Olga V. Karynbaeva – Senior Lecturer, Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Pathology, Sholem Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan). E-mail: olgavlad11@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме подготовки педагогов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Представлена модульная программа переподготовки педагогов к реализации инклюзивного образования в общеобразовательных организациях.

Summary. The paper deals with the problem of training provided to teachers working with disabled children. We present a modular program of professional development for teachers engaged in the implementation of inclusive education schemes at general education institutions.

Ключевые слова: модульное обучение, инклюзивное образование, педагоги, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Key words: modular training, inclusive education, teachers, disabled children.

УДК 371.1

Подготовка специалистов для современной системы образования предполагает обновление целей, содержания, форм и методов профессиональной подготовки.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечено, что дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [5].

Н. В. Шкляр отмечает, что на первый план в подготовке педагогов выходит задача формирования профессиональной компетентности [6]. Л. Н. Блинова и О. В. Карынбаева подчеркивают, что это одно из организационных условий, обеспечивающих включение обучающегося в социум [1].

Развитие системы образования детей с ограниченными возможностями здоровья на современном этапе образовательной политики России приобрело новые очертания. Одной из приоритетных задач является модернизация образования в направлении повышения доступности и качества для всех категорий граждан. Включение в образовательный процесс детей с ограниченными возможностями здоровья продиктовано не только современными нормативными документами (Государственная программа «Доступная среда» на 2012-2015 гг., утвержденная постановлением Пра-

вительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175, Закон «Об образовании», Федеральный образовательный стандарт начальной и основной школы, Концепция Федерального государственного образовательного стандарта для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья), но и социальной необходимостью осуществления инклюзивного образования.

В ряде зарубежных исследований (R. Jackson, A. Renzaglia, D. L. Ryndak, Y. Shemesh, D. Voltz и др.) понятие «инклюзия» рассматривают как признание обществом и общеобразовательным учреждением уникальности и ценности каждого ребенка независимо от их различий.

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» под инклюзивным образованием понимается обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [5].

Одним из принципов, обеспечивающих эффективность процесса подготовки специалистов в дополнительном профессиональном образовании, является блочно-модульный, который позволяет создавать различные варианты программ, включающих отдельные модули в свою структуру, определять содержание обучения с учетом потребностей группы слушателей, обеспечивать интеграцию различных видов и форм обучения.

Теория модульного обучения изложена в работах В. М. Гараева, Б. Гольдшмид, М. Гольдшмид, М. В. Драч, Е. И. Дурко, В. В. Карпова, О. К. Клоповой, Н. С. Крючкиной, С. И. Куликова, Н. А. Русакова, Ю. А. Устынюк, П. А. Юцявичене и др.

М. В. Драч отмечает, что учебный модуль является автономной организационно-методической структурой и представляет собой такое проектирование дисциплины, которое предполагает определение дидактических целей, логически завершенной единицы учебного материала. Обязательным являются наличие межпредметных связей, подготовка методических и дидактических материалов, а также системы контроля [2].

По мнению Н. С. Крючкиной и Н. А. Русаковой, обучающий модуль представляет собой логически завершенную учебную программу, включающую познавательные и профессиональные аспекты, усвоение которых завершается соответствующей формой контроля знаний, умений и навыков, сформированных в результате овладения обучаемым данного модуля. Авторы подчеркивают, что в состав модуля входят: учебная информация, методические рекомендации, учебные задания, контрольные и проверочные материалы, а также глоссарий [4].

В целях подготовки педагогов к реализации инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных организациях Еврейской автономной области профессорско-преподавательским составом кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии ФГБОУ ВПО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» была разработана и апробирована модульная программа «Культура психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях современного образования» [3].

Переподготовку по данной программе прошли учителя общеобразовательных организаций г. Биробиджана и Биробиджанского района, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья. По итогам прохождения программы педагогам был выдан диплом установленного образца.

Рассматриваемое в данной программе формирование культуры сопровождения детей в образовательном пространстве является одной из наиболее актуальных проблем, решение которой позволит обеспечить социально приемлемый уровень образования и гармоничное развитие личности каждого ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

При разработке программы подготовки педагогов к реализации инклюзивного образования в дополнительном профессиональном образовании мы учитывали следующие принципы: гуманизации образования, систематичности и последовательности, научности, сознательности, творческой активности, совместного и индивидуального обучения, модульности обучения.

В процессе реализации программы нами решались следующие задачи:

- повышения профессиональной готовности педагогов к формированию инклюзивной обра-

зовательной среды в общеобразовательных организациях;

- осмысления педагогами теоретико-методологических основ формирования культуры сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном процессе;
- оказания помощи педагогам в разработке научно-методического обеспечения, в овладении современными учебно-методическими комплексами для практической реализации психолого-педагогического сопровождения образования, развития и социализации детей;
- формирования у педагогов навыков моделирования коррекционно-развивающих технологий в образовании детей с ограниченными возможностями здоровья.

Программа профессиональной переподготовки педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, была направлена на совершенствование следующих компетенций:

1) в области коррекционно-педагогической деятельности:

- готовностью к формированию инклюзивной образовательной среды в общеобразовательных организациях;
- способностью разрабатывать и реализовать индивидуальные образовательные маршруты и программы развития с учетом индивидуальных и типологических особенностей развития детей с ограниченными возможностями здоровья;
- способностью к осуществлению коррекционно-педагогической деятельности в условиях общеобразовательного учреждения с целью реализации интегративных моделей образования;
- готовностью к психолого-педагогическому сопровождению семей.

2) в области диагностико-консультативной деятельности:

- способностью применять диагностические методы методики с целью определения специфики развития детей с ограниченными возможностями здоровья и выбора индивидуального маршрута обучения;
- способностью читать документацию других специалистов (психологов, дефектологов, логопедов и т.д.);
- способностью отслеживать динамику развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья;
- способностью определять направления коррекционной работы с ребенком ограниченными возможностями здоровья по результатам психолого-педагогического изучения;
- готовностью оказания консультативной помощи всем участникам образовательного процесса (дети, родители, педагоги и др.);

3) в области исследовательской деятельности:

- готовностью к обобщению опыта работы и самоанализу собственной профессиональной деятельности;
- способностью к определению перспективных направлений в работе по профессионально-педагогическому развитию и самосовершенствованию.

4) в области культурно-просветительской деятельности:

- готовностью к формированию толерантного отношения общества к людям с ограниченными возможностями здоровья;
- способностью осуществлять работу по пропаганде педагогических знаний об инновационных процессах в системе образования.

Программа состоит из четырех модулей. Каждый модуль программы включал теоретико-методологическую и практико-ориентированную части.

В модуле, отражающем аспекты психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных организациях, освещены проблемы «нормы» и «отклонения» в развитии человека в специальной психологии, раскрыты причины возникновения нарушений и задержек в его развитии, даны психологические параметры дизонтогенеза, определены особенности развития психики детей с ограниченными возможностями развития. Данный модуль также отражает вопросы психолого-педагогического изучения детей и значение результатов

диагностической работы в составлении образовательных маршрутов и программ индивидуального развития «особых» детей.

В модуле, раскрывающем педагогические аспекты сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательной организации, освещены актуальные проблемы общего и специального образования на современном этапе. Обозначена социальная роль внедрения инклюзивного образования в общеобразовательные организации. Определены основные цели и задачи специального образования. Особое значение было уделено специфике формирования инклюзивной образовательной среды в общеобразовательном учреждении и профессионально-личностным качествам педагога, реализующего совместное обучение детей с нормальным развитием и детей с ограниченными возможностями здоровья.

В модуле, отражающем методические аспекты учебно-образовательного процесса, представлены требования к отбору содержания образования, типология и структура уроков, специфика применения разнообразных методов, приемов обучения и средств коррекционной работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования. Данный модуль также раскрывает методику преподавания некоторых тем, которые являются более сложными при изучении программного материала.

В следующем модуле представлены современные коррекционно-развивающие технологии. Традиционные технологии раскрывали эмоциональное взаимодействие педагога и учеников. Игровые технологии отражали направления работы по развитию личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья посредством дидактической игры. Личностно-ориентированные технологии содержали вопросы организации учебного процесса с учетом индивидуальных особенностей развития «особого» ребенка.

При обучении педагогов применялись разнообразные методы и формы обучения (лекции, научно-практические семинары, деловые игры, мастер-классы, дискуссии и др.).

Модульное построение программы дополняли следующие разделы: вводный – представлен вводным занятием, промежуточная аттестация – междисциплинарный экзамен по коррекционной педагогике, специальной психологии и сопровождению лиц с ограниченными возможностями здоровья, итоговый - представлен защитой выпускной квалификационной работы.

Принцип модульности построения программы также отражался в структуре и содержании занятий, включающих в себя три этапа: изучение теоретических источников; изучение методических (практико-ориентированных) материалов; самостоятельная работа педагогов, предполагающая выполнение ими различных итоговых и самостоятельных заданий, направленных на решение конкретных практических задач и пр. Содержание и формы проведения учебных и практических занятий стимулировали самостоятельную и творческую работу педагогов.

Таким образом, в процессе переподготовки педагогов особое внимание принадлежит модульному обучению, которое позволяет интенсифицировать процесс их подготовки к реализации инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова, Л. Н. Формирование инклюзивной компетентности у педагогов образовательных учреждений / Л. Н. Блинова, О. В. Карынбаева // Казанская наука. – 2014. – №1. – С. 211-213.
2. Драч, М. В. Учебный модуль по трехмерному моделированию как обязательный компонент проектно-конструкторской подготовки в вузе [Электронный ресурс] / М. В. Драч. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/thesis/s013/s013-002.pdf> (дата обращения: 29.07.2015).
3. Карынбаева, О. В. Подготовка педагогов к созданию интегрированной образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных учреждениях / О. В. Карынбаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 170. – С. 43-49.
4. Крючкина, Н. С. Реализация модульной системы обучения на основе новых информационных технологий / Н. С. Крючкина, Н. А. Русакова. – Кемерово: ИНТ, 2007. – 420 с.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174/
6. Шкляр, Н. В. Совершенствование практической подготовки будущих дефектологов / Н. В. Шкляр // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 86-92.
7. Jackson, R. Inclusion or Segregation for Children with an Intellectual Impairment: What does the Research Say? [Электронный ресурс] / R. Jackson. – Режим доступа: URL: <http://disability-studies.leeds.ac.uk/files/library/Jackson-Inclusion-Seg1.pdf> Inclusion Seg.pdf. – 31.07.15.
8. Renzaglia, A. The impact of teacher education on the beliefs, attitudes, and dispositions of preservice special educators [Text] / A. Renzaglia // Teacher Education and Special Education. – 1997. – № 20. – P. 360-377.
9. Training and retraining of psycho-pedagogical personnel in a competence-based approach / N. V. Shklyar, I. A. Emelyanova, E. A. Borisova, O. V. Karynbaeva, E. S. Dunaeva // Life Science Journal 2014, no 11(12s) Journal of Computer-Mediated Communication. URL: <http://www.lifesciencesite.com> (Accessed 17 Desember 2014) (in Russian).

Шумара Е. В.
E. V. Shumara

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

MYTHOLOGICAL CONTEXT IN PROSE WRITERS OF FAR EAST ABROAD

Шумара Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: rina_evm@mail.ru.

Shumara Ekaterina V. – the post-graduate student of the department of Russian language and Literature, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: rina_evm@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается специфика мифопоэтического восприятия действительности в прозе писателей дальневосточного зарубежья. Основное внимание уделяется зооморфным образам и символам в аспекте их функционирования в произведениях М. В. Щербакова, Н. А. Байкова, Б. М. Юльского и др. При этом особую значимость имеет интерпретация традиционной символики китайской и японской культур в процессе ее рецепции прозаиками дальневосточного зарубежья.

Summary. The article considers the specific mythopoetic perception of reality in the prose writers of the Far East abroad. It focuses on zoomorphic images and symbols in terms of their functioning in the works of M. V. Shcherbakov, N. A. Baikov, B. M. Yulskii, etc. The interpretation of the traditional symbols of Chinese and Japanese cultures in the process of their reception by the writers of the Far East abroad is of particular significance.

Ключевые слова: Китай, дальневосточное зарубежье, мифологический контекст, проза, мотив, зооморфы, ориентальная тема.

Key words: China, Far East abroad, mythological context, prose, motif, zoomorphic images, oriental topic.

УДК 82.1

В настоящее время назрела необходимость актуализации данной темы с целью комплексного исследования прозы дальневосточного зарубежья на проблемно-тематическом уровне. Особую значимость в этом смысле для нас имеют произведения Вс. Н. Иванова, Н. А. Байкова, А. П. Хейдока, П. В. Шкуркина, М. В. Щербакова и Ф. Ф. Даниленко.

Предметом исследования является мифологический контекст, а также мифопоэтическое восприятие действительности в прозе писателей дальневосточного зарубежья. В результате анализа нами выделены зооморфные, фитоморфные и космогонические мотивы. В данной статье основное внимание уделяется зооморфным образам и символам в аспекте их функционирования в произведениях отдельных авторов. При этом особую значимость имеет интерпретация традиционной символики китайской и японской культур в процессе ее рецепции прозаиками дальневосточного зарубежья.

Известно, что в Китае нет общераспространенной религии или верования, поэтому китайскую мифологическую систему можно считать политеистической, так как она сложилась под влиянием нескольких религиозно-философских систем: древнекитайской, буддийской, даосской и некоторых народных мифологий. Считается, что религии, хотя и развивались на самобытно-китайских основах, но «формировались под влиянием чуждых религиозных систем, с которыми китайский народ знакомился в различные периоды своей истории» [3, 15].

Универсальной для всех мифологических систем мира является фигура дракона. По китайским народным поверьям существовали драконы четырех типов: «небесный дракон, охраняющий обители Богов; божественный дракон, посылающий ветер и дождь; дракон земли или воды, опре-

деляющий направление и глубину рек, морей и озер, он не поднимается в небо и был известен как желтый дракон (хуан-лун); дракон, охраняющий сокровища» [15].

Считается, что облик чудовища-дракона был свиреп и уродлив: глаза его похожи на кроличьи, уши – на коровьи; длинные усы свисают, туловище как у змеи, покрытое чешуей; четыре тигровые лапы с орлиными когтями. Все таинственное и необъяснимое, что происходило в природе, китайцы приписывали именно его проделкам, поэтому в Китае на берегах рек и озер они строили ему кумирни и храмы, чтобы совершать обряды приношения в жертву и тем самым умиловать зверя.

Однако все же образ дракона устойчиво ассоциируется с покровителем водной стихии. Существовало поверье, что моря и реки управляются драконами, живущими на дне моря, не имеющими возможности взлететь вверх. Так, например, в рассказе Михаила Щербакова «Утес дракона» ориентальная специфика проявляется в фантастическом повествовании о драконах, обитающих в море. Образ дракона воплощает в себе страшное чудовище, выползающее после заката солнца и вызывающее «сильное отвращенье». Его появление предвещалось «тошнотворным зловонием», «мерзостным смрадом», хрипом и шипением. Сама фигура «гадины» несет в себе мифологическое начало и соответствует описанию зверя из древних поверий: «Это было что-то среднее между мордой лошади, черепахи и бегемота. Я видел гигантское длинное косматое рыло, снова уширявшееся к тупому, точно обрубленному концу с двумя посаженными сверху и вывернутыми ноздрями. Под ними, по бокам – пара длинных, свешивающихся усов влажно блестела при луне. Мне бросился в глаза плоский широкий лоб, разрезанный пополам зубчатым гребнем, который обегал затем пилой по гибкой лебединой шее, могучей и толстой, как ствол пальмы в два обхвата. Ушей я не заметил, но там, где голова переходила в шею, на ней ерошилась густая щетинистая львиная грива. Самое тело чудовища, его общие очертания я не мог разглядеть. Они терялись внизу, скрытые тёмной водой, из которой высывалась лишь змееобразная шея, нёсшая громадную голову дракона. Да, да, это был самый настоящий дракон, но скорее дракон японских, а не китайских художников, – с более вытянутой вперёд, лошадиноподобной головой» [10, 95-96]. О таком странном сочетании нескольких древних животных писал еще Керлот: «Морфологическое изучение легендарного дракона может привести к заключению, что это – вид объединения элементов, взятых от различных животных, особенно агрессивных и опасных, таких как змеи, крокодилы, львы, а также доисторические животные» [3, 182]. Удивительно и то, что образ дракона в китайской культуре символизирует бессмертие, а в данном случае он предвещает смерть и страшную гибель. Животное одновременно соединяет в себе конструктивное и деструктивное начала, соединяя Небо и Землю. Герой сравнивает появление чудовища «со смертью в омерзительном облике» [3, 96].

Используя прием сравнения, автор уподобляет глаза дракона рубиновым камням. Известно, что символика красного цвета в китайской культуре имеет главенствующее значение. Это стоит рассматривать через призму традиционной системы элементов – пяти «движений» (у син). Мир был поделен на составляющие категории: дерево, вода, огонь, земля и металл. Так, желтый цвет символизирует Центр мира – Китай (хуан), зеленый цвет (цин) означает восток и, собственно, ветер; белый (бай) олицетворяет запад, т.е. место, где все гибнет; черный (хэй) был отмечен отпечатком смерти и символизировал север и зиму; красный (хун) символизировал жизнь в полном ее проявлении, яркости и обозначал огонь. Мифологическими животными были птицы красного цвета (Феникс, Чиняо) [16]. В романе писателя, наоборот, страшное чудовище пытается унести и забрать жизнь себе. Таким образом, мы можем говорить о переосмыслении Михаилом Щербаковым мифологического образа китайского дракона.

Фигуру дракона вводит в свои произведения и Н. А. Байков. Так, в его повести «Великий Ван» мифологическое существо символизирует одновременно бессмертие, созидательную и целительную силы: «Смерть его ознаменовалась землетрясением, так как Великий Дракон, спящий в недрах горы, ворочался в своем каменном ложе, и горячее дыхание его в виде серных паров и ядовитых газов вырывалось из глубоких трещин у самой вершины»; «Воды реки Сунгари насыщены дыханием Великого Дракона Священной горы и несут в себе животворящее начало и целительную силу» [1].

Неживая Е. А. отмечает символичность образа дракона, т.к. отец Вана приходит к священной горе Пак-Ту-Сан, где и находится пещера Великого Духа Дракона. Известно, что смерть и рождение героя всегда происходят в сакральном центре мира [7, 86].

Таким образом, Н. А. Байков отмечает сакральность образа дракона, отмечая в нем архетипическое начало, представляющее собой часть мира и его сакральный центр.

Другой мифологический образ положен в фабулу рассказа Б. Юльского «Путь Дракона». Писатель приоткрывает нам завесу китайского быта и законов таежной Маньчжурии с панорамой изящных горных хребтов, «ярких, красных, как кровь, цветов». На фоне отвесных скал и уходящих змеей тропинок старик-китаец рассказывает легенду о соленом озере.

В ее основе лежит история о свирепом хунхузе Луне, превращающемся в дракона: «Будто бы он мог превращаться в дракона с чешуйчатыми кольцами и зубчатой спиной» [11, 31]. Примечательно, что в дальневосточной, в частности китайской, мифологии Лун – дракон, символизирующий императора и власть государства, а вместе с тем и китайскую нацию, культуру. «Когда люди говорят «продолжатели рода дракона» или «потомки дракона», все понимают, что это говорят о китайцах, и сами китайцы также говорят о себе с гордостью и воодушевлением» [15].

Хунхуз Лун обладал основами перевоплощения. Так, в минуты опасности он мог принимать облик дракона. В связи с этим мы можем говорить об ориентальном мотиве перевоплощения, традиционном для восточных мифологических систем: «А вслед за этим русские увидели дракона с зубчатой спиной и птичьими лапами, быстро ускользавшего от них по извилистому гребню сопки» [11, 33]. Согласно древним представлениям жителей деревни, «свирепый хунхуз Лун», пугающий местных жителей, символизировал бессмертие (по легенде Лун был заколдован от пуль) и мог перевоплощаться в страшное существо.

Таким образом, во многих текстах писателей дальневосточного зарубежья дракон предстает как масштабная архаическая фигура, наделенная мифологическими свойствами: перевоплощением и функцией хранителя мироздания. Зачастую дракон предстает в виде страшного чудовища, пугающего всех вокруг. Но в целом писатели дальневосточного зарубежья воспроизводят в своих произведениях традиционные мифологические образы. Можно предположить, что их воссоздание у писателей вызвано, в первую очередь, интересом к восточным культурным традициям, а также возможностью переосмыслить философско-эстетические идеалы Поднебесной.

Наряду с драконом особое значение в восточной мифологической системе придается тигру. Два эти героя рассматриваются в дуальной позиции: тигр живет только там, где дракон; яростные и агрессивные действия тигра может контролировать только дракон. Считается, что если в определенной местности нет признаков дракона, то не увидеть и признаков тигра.

В традиционной мифологии образ тигра символизирует в себе отвагу и мужество, а также часто ассоциируется с духом гор сансин. Тигр также воспринимается как хозяин леса, дух гор и пещер. В японской мифологии тигр был защитой от многих болезней и бед.

В китайской мифологической системе с этим животным связано много легенд и преданий. Например, Конфуций родился слабым и уродливым ребенком, поэтому родители, решившие освободиться от ненужного чада, решили оставить его на горе. Жизнь ребенку спас тигр, выкормив его вместе со своими детенышами. Другая легенда, связанная отчасти с сотворением мира, гласит: брат с сестрой, испугавшись тигра, спрятались на небе и стали солнцем и луной. Таким образом, местные и архаические восточные народные культы и верования переплелись в восточном восприятии образа тигра, отражая сложность и многообразие представлений. Для народов Восточной Азии тигр является тотемным животным, которому посвящены целые ритуалы. Но главное, что тигр одновременно несет в себе разрушения и выступает в роли творца Вселенной.

Обратимся к прозе писателей дальневосточного зарубежья. Так, например, Н. А. Байков в повести «Великий Ван», исходя из семантики названия, вводит этого зверя в функцию главного действующего лица.

Следует отметить, что образ тигра является лейтмотивом всего творчества писателя. Так, этот мифологический образ можно увидеть в очерках «Маньчжурский тигр», «Божий суд», повести «Великий Ван», книге «В горах и лесах Маньчжурии», романе «Тигрица», а также в натуралис-

тических заметках «По тигровым следам», «Маньчжурский тигр», «Тигры на Дальнем Востоке», «Охота на тигра» и даже в публицистическом памфлете «Владыка тайги».

Функционирование образа тигра в повести обусловлено культом тигра, который глубоко укоренился в психологии китайцев: «Обаяние и мистический ужас, внушаемый тигром народам Восточной Азии, имеют древнейшее происхождение, относящееся к самому началу истории человечества, когда царил на земле зверь» [1, 95]. Ориентальная специфика мотива тигра в повести определяется следующими факторами: в духовной жизни китайской нации Тигр – божество, с которым связаны большинство легенд и преданий. На лбу Вана были высечены иероглифы «Ван» и «Дэ», что значило «великий князь», которому повиновались все тигры. Охотники никогда не произносили слово «тигр», боясь навлечь гнев Великого Духа, а называли его «Ван», то есть Начальник, или же «Да-Лао-Цзы», что значило Великий старик. В данном случае почитание и обожествление животного возводится в определенный культ: «Недаром у китайца она вместо бога! К примеру, у нас Николай Угодник, а у них Ван. Видно, так уже положено. Каждому свое!» [1, 201].

Плостина Н. Н. рассматривает связь образа тигра с мифологией и отчасти буддийской традицией: «В образе Вана заложено человеческое и мифологическое начало. Его миссия на земле обосновывается сохранением Вселенной в первозданном виде. Великого Вана Н. А. Байков описывает как совершенное творение природы. Это тот самый тигр, воплощение силы янь, который проходит через мифы Китая» [8, 20].

Великий Ван сочетает в себе черты и зверя, и человека. Так, например, у героя открывается внутренний мир, передаваемый мыслями и чувствами изнутри. Он испытывает подавленность и разочарование, потеряв свою подругу. Ему свойственны такие чувства, как любовь к тигрицам, сострадание, уважение к Тун-Ли, тоска о любимой и былом детстве, удивление и злость от содеянного человеком. Это показывается через несобственно-прямую речь героя.

И в то же время Ван – это зверь. Байков Н. А. описывает его колоссальные размеры, звериный нюх, особый слух и зрение. С чисто животной хваткой тигр разрывает тела охотников. Но в целом образ Великого Вана является воплощением человека и природы одновременно. Герой олицетворяется с нетронутой и первозданной природой, волей и гармонией, но автор наделяет его человеческими характеристиками, делая из него пограничного мифологического зверя, соединяющего в себе человеческое и первозданное (природное) начало.

Образ тигра несет в себе устойчивое значение, а также вызывает определенный круг ассоциаций. Так, например, в дальневосточной культуре символом является амурский тигр. «Культе тигра среди народов Дальнего Востока был связан со сверхъестественной силой, которая внушала страх и ужас первобытному человеку [9, 90]. Можно сказать, что образ становится определенным способом восприятия действительности.

Особое значение в повести имеют мифологические образы традиционной китайской культуры. Все эти образы следует рассматривать в единой художественной системе писателя (Тигр, Желтый Лотос, Великий Горный Дух, Великий Дракон и Священная Гора, птица Цяор).

Таким образом, мифологический образ тигра является плодом художественного осмысления. Байков Н. А. творчески переосмысливает восточную легенду, в которой воплотился Горный Дух и гармония Шу-Хая. Писатель рассматривает мировое устройство через реализацию философских принципов буддизма и даосизма, то есть традиционный китайский образ с устойчивым значением позволяет говорить нам об ориентальном характере прозы писателя.

Образ тигра также лег в основу легенды о почитаемом на Востоке «корне жизни». В прозе писателя Михаила Щербакова эта легенда станет одной из сюжетообразующих в сборнике рассказов «Корень жизни». По мнению А. Колесова, «эта книга, пожалуй, главная в его творческом наследии, в нее он включил одиннадцать своих лучших рассказов и новелл» [10, 11]. Забияко А. А. отмечает: «Сборник «Корень жизни» формировался почти двадцать лет. Туда вошли рассказы, в основном написанные в 1923 – 1930 гг., – в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг. Два рассказа датированы 1935 и 1934 гг. В целом же произведения, составившие сборник, разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению. Среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и фантастические рассказы («Утес

Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т.д. Объединяющим началом сборника становится мифология и мифологические воззрения самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека» [5, 28].

В мифологии Китая важная роль отводилась лисам. Как правило, это были легенды про лис-оборотней. Считается, что все лисы произошли от той лисы, в которую когда-то была превращена женщина Цзы, отличающаяся распутным поведением.

Самым известным китайским произведением про таких существ был сборник новелл «Лисьи чары» Пу Сунлина. Этот мифологический образ стал одним из известных и в Японии, и ему дали название – «кицунэ». В японском фольклоре этот образ утратил много китайских черт. В Китае образ лисы – это разбойники, чародеи, мстители, но их превращения – это попытка достижения бессмертия и некоторой мудрости. В Японии же лисы могут вселяться в чужие тела, создавать едва различимые иллюзии и сводить людей с ума.

Считается, что растения и животные в Китае могут принимать формы человека, что является природным, но до определенного возраста. Лиса способна являться женщиной только по достижении пятидесятилетнего возраста, а красивой девушкой – по достижению столетнего возраста [3, 58].

Таким образом, в восточной мифологической системе образ лисы является одним из ведущих (наряду с драконом, тигром, змеем и фениксом). Его символическое изображение является неоднозначным: с одной стороны – лиса (иринари), охраняющая рисовые болотины в Японии и почитаемая как бог богатства и домашнего благополучия, с другой стороны, кицунэ – демоническая лисица-оборотень (в японском фольклоре) и корио – разновидность кицунэ и рейхо – «преследующая лиса». Обычно она принимает облик обольстительной красавицы и сводит людей с ума [13]. В рассказе, на наш взгляд, используется образ кицунэ или корио, и он, соответственно, имеет отрицательную семантику.

Образ кицунэ и рейхо положен в основу рассказа Б. М. Юльского «След лисицы». Писатель дает китайское поверье о женщине, умершей не своей смертью и превратившейся в лисицу, чтобы «выпить жизнь человека». Об этом красноречиво говорит эпиграф, взятый писателем из народного китайского фольклора о лисицах-оборотнях: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мертвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить свое существование в образе оборотня-лисицы» [10, 110].

Таким образом, мы можем говорить о характерном для прозы дальневосточного зарубежья функционировании ориентального мотива перевоплощения, который можно разложить на несколько составляющих: «кроткая восточная девушка влюбляет в себя», «очаровывает», «опаивает», «перевосплощается», «вредит». Это «реальный» мотив, т.к. составляет фабульно-событийный сюжет произведения. Его сопровождают постоянные величины мотива: лицо, совершающее действие (китайская девушка); действие, совершаемое персонажем или главным лицом (очарование девушкой, выпивание дурманящего напитка); место действия (китайский дом в лесу).

Следует отметить автобиографичность образа главного героя, потому что он, как и сам Б. Юльский, служил в лесной полиции. Идя по следу лисицы, герой попадает в фанзу хунхузов, где его обманывает женщина, в последствие превратившаяся в лису-оборотня.

Итак, в центре рассказа Б. Юльского «След лисицы» присутствует образ демонической девушки-разбойницы из банды хунхузов, которая очаровывает героя («женщина с изумительной грацией», «воплощение фантастического сна», «такой красоты он не встречал нигде и никогда»), а потом губит: «Ее глаза пристально остановились на ее лице, а рот искривился насмешливой и злой улыбкой. Теперь она казалась олицетворением торжествующей мести» [10, 116]. Ее образ дополняется разрушительной силой огня, воплощающей в себе красный хвост лисицы: «метнулось падавшее пламя», «струя пламени взвилась кверху, разливаясь рекой вспыхнувшего керосина». Символика красного цвета неоднозначна, так как, с одной стороны, она воплощает собой любовь

и радость, а с другой стороны – вражду, месть. В китайской мифологии считается, что красная лисица – это предвестие беды. В данном случае образ девушки из банды хунхузов дополняется семантикой агрессии и зла, что усиливают употребляющиеся глаголы: «метнулось», «вспыхнуло», «взвилось кверху» и т.д.

Стоит отметить, что у Б. М. Юльского в рассказах образ девушек-китаянок является неоднозначным: изначально это необыкновенно красивая, кроткая и обаятельная девушка, которая одурманивает героя ханшином, после чего просыпается ее другая сущность: «глаза ее горели злым существом» [10, 78]. На наш взгляд, это связано с поверьями о женщинах, которые превращаются в оборотней, и поэтому писатель метафорически изображает двойственную женскую сущность, причем злая сущность – это главная ипостась героинь.

Есть еще одна разновидность лис, восходящая от буддийской традиции, – это Инари. Возникли они от буддийского божества Инари – божества неопределенного пола, покровителя рисовых полей и предпринимательства. Около его святынь выставляют множество фигурок лис, а история вспоминает, что давным-давно на территории храмов держали живых лисиц [12].

Так, например, в основе рассказа М. Щербакова «Иринари» также лежит известная восточная легенда. Иринари – это «листочка с пушистым задраным вверх хвостом», которая охраняет в Японии рисовые болотины и почитается крестьянами как бог богатства и домашнего благополучия. В буддийской мифологии это одно из главных мифологических божеств – Амида, Амидабуцу (соответствует Амитабхе), владыка обетованной «чистой земли», куда попадают праведники. В «чистой земле» растут благоуханные ароматные деревья и цветы, а в реках со сладко благоухающими водами резвятся купальщицы, по желанию которых вода делается горячей или холодной.

С тех пор как главный герой рассказа Петр Фаддеич забрал статуэтку лисы из молельни из-за боязни быть обвиненным в идолопоклонстве («И вовсе не струсил! И не только твоей лисички, а даже самых страшных богов не боюсь!» [9, 108]), его преследуют несчастья, каждое из которых сопровождается образом лисы, требующей вернуть ее обратно: «Отдай божка!...Поставь обратно!...» [9, 109].

Важной особенностью композиции рассказа является ее усложнение с использованием известного литературного приема – «рассказ в рассказе». Повествование об Иринари ведется от лица героя Петра Фаддеича, что придает повествованию достоверность и свойственную герою искренность.

Таким образом, мифологическое представление о лисах в китайском фольклоре является неоднозначным: с одной стороны, это почитаемое божество, с другой – оборотни, несущие разрушение и агрессию. Писатели дальневосточного зарубежья пытаются с точностью отразить образ, укоренившийся в восточном фольклоре.

Особое опиумное и сказочное ощущение бытия положено в основу рассказа Б. Юльского «Возвращение госпожи Цай». «Это рассказ, написанный с использованием китайских мотивов, но в нем как раз больше поэзии и чисто литературной, можно сказать, опиумной экзотики, нежели реальности» [10, 21]. Главный герой рассказа – почтенный господин Цай («Лао Цай»), по-видимому, названный в честь правившей долгое время китайской княжеской династии Цай ветви Чжоу, пятнадцать лет курит опиум. Он не может смириться со смертью жены, испытывая грусть и невероятную тоску. Известно, что сам Б. Юльский употреблял наркотики и этим же свойством наделил и героя своего рассказа.

Во время очередного курения в доме господина появилась огромная рыжевато-серая крыса, в которой, по мнению героя, была душа его покойной жены Цзи-шень.

В китайской мифологии крыса считалась символом богатства, мудрости и процветания. Например, один из почитаемых богов индуистского пантеона – Бог мудрости Ганеша – изображается в виде человека с головой слона, сидящего на крысе, иногда сопровождаемого крысой. В буддизме крыса считается священным животным: благодаря ловкости и проворству она первой смогла прийти к Будде перед его смертью и попрощаться. В Японии же крыса считается умным, сообразительным и изобретательным животным, там же существует поговорка: «Хочешь разбогатеть – пригласи в дом крысу» [11].

В рассказе животное проявляет мудрость и изобретательность, а также выступает символом богатства, спасая дом господина Цая от разорения: за куском оторванных обоев у стены она нашла два бриллианта и принесла их хозяину. В данном случае, согласно китайской мифологии, крыса принесла человеку счастье.

Интересно, что крыса проходит все фазы жизни вместе с героем: курит с ним опиум, стареет и умирает в тот же день: «господин Цай стал сутулее и как будто меньше ростом, а сухая кожа на его лице резко обтягивала желтые скулы. Крыса стала еще больше и словно поседела – вокруг ее мордочки появились серебряные ее шерстинки» [10, 321]. Вместе с крысой герой и готовится встретить последний вечер своей жизни.

Подводя итоги, отметим, что рецепция традиционных мифологических образов и символов китайской и японской культур писателями дальневосточного зарубежья определяет ориентальную специфику их произведений, а также раскрывает степень постижения авторами иноязычной культуры. При этом мифологические образы традиционной восточной семантики сочетаются с литературными ассоциациями, восходящими к русской классике, что обуславливает диалог писателей с ориентальной культурной традицией. «Язык и стиль дальневосточной «литературы в изгнании» складывался на основе лучших образцов художественного творчества дореволюционной России. «Китаизмы» использовались писателями лишь в тех случаях, когда это было вызвано необходимостью показать «местный колорит» в ходе развития сюжета произведения» [2, 307].

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков, Н. А. Великий Ван / Н. А. Байков. – Владивосток: Рубеж, 2009. – 528 с.
2. Бузуев, О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном культурном процессе XX века: моногр. / О. А. Бузуев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Комсомольск-на-Амуре: изд-во АмГПУ, 2013. – 381 с.
3. Георгиевский, С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев (с таблицами китайских иероглифов) / С. М. Георгиевский. – СПб, 1892. – 117 с.
4. Жарикова, Е. Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: моногр. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – 116 с.
5. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: хрестоматия. В 4 т. Т. 1. Проза. В 3 ч. Ч. 1. / под общ. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск: изд-во АмГУ, 2013. – 370 с.
6. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М.: Высш. шк., 1994. – 546 с.
7. Неживая, Е. А. Проза Н. А. Байкова и ориентальная культурная традиция // Ориентальная тема в литературе метрополии и русского зарубежья дальнего Востока. – Биробиджан, 2010. – 163 с.
8. Плостина, Н. Н. Творчество Н. А. Байкова: проблематика, художественное своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2002. – 25 с.
9. Старцев, А. Ф. Культ тигра у народов Приамурья и Приморья // Этнос и культура. – Владивосток, 1994. – С. 85-93.
10. Щербаков, М. В. Одиссеи без Итаки: повести, рассказы, очерки, стихи, переводы / М. В. Щербаков. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.
11. Юльский, Б. М. Зеленый Легион: повесть и рассказы / Б. М. Юльский. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 560 с.
12. Крыса в китайской мифологии. – Режим доступа: <http://mlady.net/vostochnyi-goroskop/god-krysy/krysa-v-vostochnom-goroskope-istoriia-legendy-mify>.
13. О китайской мифологии. Про лис. – Режим доступа: <http://sirpuer.ru/interesnoe-o-chaе/2014-08-05/o-kitayskoy-mifologii-pro-lis>.
14. Кицунэ – японские лисицы-оборотни. – Режим доступа: <http://www.fanbio.ru/mif/1096-2011-03-15-03-52-54.html>.
15. Китайская книга мифов. – Режим доступа: <http://www.prosvetlenie.org/razum/7/17.html>.
16. Мифы Китая. – Режим доступа: <http://www.witchmirror.ru/Mif/China/simb-color.htm>.

Латина С. В.

S. V. Latina

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF THE NEW EDUCATIONAL PARADIGM

Латина Светлана Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры «Иностранные языки» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Ms. Svetlana V. Latina – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Av., 27. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы технологии обучения иностранному языку в вузе. Выделены требования федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования к владению иностранным языком. Говорится о необходимости изучения профильных текстов на иностранном языке. Подчеркивается актуальность создания специализированных иноязычных учебных пособий и использования их в учебном процессе.

Summary. The article deals with the problems of foreign language teaching technology in higher school. Requirements of federal state educational standard of higher education to the knowledge of foreign languages are pointed out. The necessity of studying specialized texts in foreign language is represented. The relevance of the creating of specialized foreign language teaching materials and their use in the educational process is emphasized.

Ключевые слова: технология обучения, образовательная парадигма, иностранный язык, обучение в техническом вузе.

Key words: teaching technology, educational paradigm, foreign language, teaching in technical higher educational establishment.

УДК 811.111

В начале XXI в. появилась необходимость модернизировать и по-новому взглянуть на парадигму образования вообще и на преподавание иностранного языка в частности.

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 08.03.01 – «Строительство» (уровень бакалавриата) у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [5, 6]. Среди общекультурных и общепрофессиональных компетенций следует уделить внимание:

- способности к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5);
- владению одним из иностранных языков на уровне профессионального общения и письменного перевода (ОПК-9).

Таким образом, ФГОС ВПО требует не только помочь студенту в овладении иностранным языком как средством общения на межличностном и международном уровне, но и учесть профильную специфику при изучении иностранного языка, его направленность на реализацию задач профессиональной деятельности выпускников в будущем. Поэтому необходимость использовать профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку на неязыковых спе-

циальностях приобретает особую актуальность, т.к. именно профессионально-ориентированный подход предусматривает формирование у студентов способности общения на иностранном языке в профессиональных, деловых, научных кругах и межличностных ситуациях с учётом особенностей мышления выпускников.

Обучение иностранному языку на неязыковых специальностях направлено на комплексное развитие следующих компетенций у студентов: общекультурной, профессиональной, коммуникативной, когнитивной, информационной и социокультурной. Согласно требованиям, предъявляемым к знаниям, умениям и навыкам выпускника, программа дисциплины «Иностранный язык» разделена на модули, каждый из которых представляет собой изучение определённой разговорной темы и имеет логическую завершённость по отношению к поставленным учебным и воспитательным целям и результатам.

В основе обучения иностранному языку в техническом вузе лежит чтение текстов по специальности. Существование большого количества научно-технической информации на иностранном языке может объяснить то, что именно чтение находит наиболее широкое применение в будущей профессиональной деятельности выпускников. На начальном этапе обучения студенты-первокурсники ещё не владеют профессиональной терминологией («Строительство», «Дизайн архитектурной среды», «Землеустройство и кадастры» и т.д.), поэтому возникает необходимость подготовки студентов к работе с текстами по их специальности. На данном этапе эффективными будут научно-популярные тексты с профориентационной направленностью (London's Underground, Tomorrows Transport, Madame Tussaud, Alexander Graham Bell, Moscow, New York, London, The House, The Egyptian Pyramids, Water Transport и др.) [1].

На втором году обучения, благодаря появлению в учебном графике профильных дисциплин, у студентов складывается определённое представление о своей будущей специальности. Поэтому здесь будет целесообразным начать углублённое изучение профильных текстов, имеющих отношение к строительству, а именно: история строительства; основные наружные и внутренние элементы здания; профессии в строительной сфере и трудоустройство (Types of Foundations, Roofs, Floors and Ceilings, Types of Walls, Doors, Construction) [2]. В качестве базового нами было взято учебное пособие «Английский язык в сфере строительства», предназначенное для студентов высших учебных заведений, обучающихся по основной образовательной программе ФГОС ВПО для бакалавров по направлениям подготовки 270800 – «Строительство» и 270300 – «Дизайн архитектурной среды».

Учебная деятельность строится с учётом следующих принципов: профессиональной направленности, доступности, опоры на практический жизненный опыт студентов, прочности усвоения материала, коммуникативной направленности, постоянного контроля, оценки и стимулирования учебных достижений студентов. Основополагающим принципом для нас явился принцип коммуникативной направленности, который предполагает использование упражнений и заданий проблемно-речевого и творческого характера, а не чисто лингвистических и репродуктивно-тренировочных. Также необходимо обратить внимание на создание аутентичных ситуаций общения, развитие умений быстрого и спонтанного реагирования в процессе межличностного взаимодействия, формирование психологической и моральной готовности к реальной иноязычной коммуникации в различных ситуациях.

Структура учебного пособия представлена в виде учебных тем (юнитов), имеющих лексико-грамматический материал, практические задания, тесты с ответами. Каждый юнит содержит аутентичные тексты для чтения и понимания, которые являются основными лексическими компонентами занятия и соответствуют той лексической направленности, которая заявлена в названии самого юнита.

Предтекстовые задания направлены на моделирование знаний, необходимых и достаточных для рецепции конкретного текста, на устранение языковых и смысловых трудностей, связанных с его пониманием, и на формирование навыков и умений чтения. В данном роде заданий учитывают-

ся следующие особенности текста: лексические, грамматические, лингвострановедческие, стилистические, профессиональные.

Большая часть внимания на занятии посвящена ознакомлению с новым лексическим материалом, его закреплению и тренировке, поэтому к каждому тексту предлагается подробный словарь. Причём большинство слов не снабжено транскрипцией, поскольку автору представляется, что данное пособие рассчитано на рецептивное (пассивное) усвоение материала. Весьма важно, чтобы сразу сформировался аудитивно-визуальный образ лексической единицы. Таким образом, наличие транскрипции у некоторых наиболее трудно произносимых слов желательно.

Необходимо сделать несколько примечаний об особенностях построения предтекстового словаря. В предтекстовом словаре указывается то значение слова, в котором оно встречается в данном тексте, а также то, которое может помочь установить ассоциативную связь с русским словом и поможет скорее запомнить его, например, *discussion* – обсуждение, дискуссия.

Следует упомянуть о важности упражнений, направленных на закрепление и расширение лексического запаса:

Ex. 5 Fill in suitable words from your active vocabulary [2, 77]:

1. Most structures over fifty years old have been undergone ..., even if only by natural forces.
2. Repairing a leaky faucet is one of the most common ... in the home.
3. In some cities such as Sacramento, it's against city building codes to ... your front yard, but that doesn't stop homeowners from turning their yards into parking lots.
4. ... is property that includes land and buildings, and anything affixed to the land.
5. By the time the gatehouse was built, with the ... of the house in 1610, such structures no longer served to defend the house and grounds.

Ex. 6 Make the following sentences complete by translating the words and phrases in brackets into English [2, 78]:

1. The structural (перестройка) made to the house were planned with Gail's help.
2. A (жилой) area contains houses rather than offices or factories.
3. The first and most important difference between a (коммерческая) and non-profit corporation is the profit.
4. Building construction, the techniques and industry involved in the assembly and (возведение) of structures, primarily used to provide shelter.
5. As traffic load increases, cost to (обслуживания, поддержания в порядке) the roads also increases.

Ex. 5 Read and translate the following sentences. Pay attention to the meaning of the words and word-combination given below [2, 47].

- I. a) *mount v* – монтировать, крепить, собирать;
b) *mountable adj* – монтируемый, встраиваемый;
c) *mounted adj* – монтированный; установленный; закрепленный;
d) *mounter n* – монтажник; монтажное устройство;
e) *mounting n* – установка, сборка, монтаж, крепление.

1. In order to mount the telephone jack, remove the cover and expose the inner plate and make screw holes.

2. Panel is a wall mountable but keep in mind that it requires external power, meaning it plugs into the wall.

3. Sony products, such as liquid crystal televisions, digital cameras, Walkman, and others keep on evolving because Sony Manufacturing Systems support these products with its latest mounter technology.

Для того чтобы текст стал продуктивной основой обучения, целесообразно обучить студентов различным приёмам оперирования с материалами текста. На предтекстовом этапе для форми-

рования навыков прогнозирования и ориентировки читающего используются следующие упражнения:

Ex. 1 Before you read the text discuss the following questions with your groupmates [2, 29]:

1. When did people begin to build houses?
2. What was the purpose of houses construction?
3. What materials did ancient people use for roofing in ancient times?
4. What materials do people use for roofing at present?

Ex. 2 Read the title of the text and say what it is about.

В ходе работы над текстом у студентов должно выработаться умение угадывать значения некоторых новых слов, встречающихся в тексте, по контексту или, в случае так называемых «интернациональных слов», по аналогии написания с русским словом. Исходя из такого принципа в пособие включены предтекстовые упражнения, направленные на перевод слов, сходных по звучанию и значению с русскими словами, например:

Ex. 1 Read the international words and give their Russian meanings [2, 40].

comfort	typically	technology	parquet	vibration
interior	bamboo	structure	system	design
service	component	aesthetic	modern	identify

Послетекстовые задания предназначены для проверки понимания прочитанного, для контроля степени сформированности умений чтения и дальнейшего использования полученной информации в своей будущей профессиональной деятельности. Послетекстовые упражнения разнообразны и позволяют студентам закрепить не только лексический и грамматический материал данного урока, но и материал предыдущих уроков. Хочется отметить, что в системе послетекстовых упражнений можно встретить такие упражнения, которые способствуют развитию коммуникативной направленности говорения, а именно: составление диалогов, монологических высказываний на основе предложенных автором ситуативных заданий. Например:

Ex. 7 Look through the table and tell about properties of the frames and sashes materials [2, 74]:

Material	Thermal Resistance	Durability	Maintenance	Cost	Recycled Content	Recycled Content
Wood	very good	variable	high	high	low	shrinks and swells with humidity changes
Vinyl or PVC	very good	good*	low	low	very low	
Aluminum	bad**	good	very low	low	typically > 95%	used in most large structures
Steel	medium	superior	very low	high	> 98%	typically welded at corner joints
Fiberglass	very good	very good*	very low	high	medium	

Ex. 17 Dramatize your own dialogue. Imagine that you come to the architect firm. Ask the architect to help you to make the choice concerning [2, 35]:

1. the foundation of your future house;
2. the roof of your future house.

Ex. 5 Speak about construction of different structures using the key words [2, 12]:

1. Construction of the tents: to hunt, hides and bones, wooden poles, to use, to erect a framework, to drive a pole, to throw on animal hides.

2. Construction of the huts: branches, to stick, in a circle, to tie the upper ends, framework, to form a covering, the Middle East, round dwellings, packed clay, domed roofs.

Ex. 6 Retell the text «Building Construction in the Prehistoric Times» using the active vocabulary and information from ex. 5 [2, 12].

В каждом юните имеются дополнительные тексты по данной теме, составленные преимущественно на знакомой лексике с тем, чтобы обеспечить повторяемость, а следовательно, и усвоение лексики, характерной для данной темы. Цель данных текстов – служить как средством проверки того, насколько прочно усвоилась данная лексика, так и средством её дальнейшего закрепления. Например:

Ex. 7 Read the text «Flatiron Building – Skyscraper». Tell the main idea of the text in few sentences [2, 12].

Ex. 8 See the Texts for Supplementary Reading (texts 11, 12). Speak about the differences between construction nowadays and in ancient times as well [2, 75].

В конце каждого юнита предлагается тема для обсуждения или создания презентации/проекта. Данный вид задания способствует не только развитию коммуникативной направленности, но и создаёт мотивацию для изучения иностранного языка, помогает раскрыть внутренний потенциал студентов неязыковых специальностей. Например:

Ex. 19 Make up a project on the following items [2, 35]:

- The types of roofs in modern cities.
- The roof of the house of my dream.

Ex. 9 Make up a project. Prepare the presentation on the following [2, 75]:

- types of windows: their advantages and disadvantages;
- process of glass making;
- history of windows.

Ex. 16 Read information about the model of construction management and discuss types of contracts with your groupmates. See the Texts for Supplementary Reading (Text 16) [2, 86].

Ex. 20 Imagine that you met your friends whom you haven't seen for ages. Tell them [2, 86]:

1. about your studies (civil engineer, to major in, special subjects, to have practice, to attend lectures, to do labs);
2. about practical training (to work as, worker, plasterer, to lay bricks, to be in charge, painter, to work at (in), to last, to take place);
3. about your future specialty (to major in, civil engineering, to erect, residential, industrial building, types of buildings, industrial methods, building materials);
4. the problems the builders must solve (to decrease cost, quality, to improve, provide with, building materials, industrial methods, construction mechanisms).

Все задания подчинены одной цели – помочь осознанно овладеть определённым кругом лексических единиц и грамматических явлений, обеспечить возможность усвоения как можно большего количества языковых единиц, чтобы усовершенствовать профессиональные навыки в будущем.

Предложенная методика была апробирована нами в курсе изучения дисциплины «Иностранный язык» (английский) со студентами (7 групп) неязыковых специальностей (факультета кадастра и строительства) в ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» в 2014-2015 учебном году. Студенты восприняли используемую методику с искренним интересом и энтузиазмом, особенно задания, направленные на составление презентаций и проектов, связанных с профильными дисциплинами. Более того, отмечаются улучшения в успеваемости обучаемых студентов. Так, в 2013-2014 учебном году при работе со студентами без дан-

ного учебного пособия из 100 студентов материал усвоили в полной мере только 50 % студентов. Отсутствовала мотивация к изучению дисциплины «Иностранный язык» (английский). Однако, проанализировав результат работы в 2014-2015 учебном году, можно отметить, что количество студентов, усвоивших материал, повысилось на 25 %. Также отмечается рост мотивации изучения дисциплины с последующим применением полученных знаний в будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, новые возможности научного поиска и решения практических вопросов преподавания иностранного языка для студентов неязыковых специальностей являются очевидными, подтверждая необходимость создания специализированных иноязычных учебных пособий, мотивирующих студентов на изучение иностранных языков вообще и английского в частности. В свою очередь, осознание значимости изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей важно для их будущего становления как полноценных специалистов, заслуживающих признания за свои умения и знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английский язык для инженеров: учеб. / Т. Ю. Полякова, Е. В. Синявская и др. – М.: Высш. шк., 2003. – 463 с.
2. Латина, С. В. Английский язык в сфере строительства: учеб. пособие / С. В. Латина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. – 135 с.
3. Маркова, Ю. В. Аудиовизуальные технологии как неотъемлемое средство формирования общекультурных компетенций у студентов высшей школы // Молодой ученый. – 2015. – № 3 (83). – С. 805-808.
4. Милотаева, О. С. Чтение профильных текстов как основа обучения иностранному языку в техническом вузе [Электронный ресурс] / О. С. Милотаева // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49675> (дата обращения: 01.02.2016).
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 08.03.01 Строительство (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 12 марта 2015 г. № 201. – Режим доступа: <https://knastu.ru/sveden/education/81> (дата обращения: 01.02.2016).

Иванов А. А.
A. A. Ivanov

СУБЪЕКТ И «НУЛЕВОЕ ОЗНАЧАЮЩЕЕ»: К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ТРАДИЦИИ И МОДЕРНА

SUBJECT AND «ZERO MEANING»: ON DIFFERENCE BETWEEN TRADITION AND MODERNITY

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7-138; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; tel.: 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема субъекта как антропологической модели Модерна в ее сравнении с традиционным типом субъективности. Позиция индивида в обществе анализируется с помощью понятия «нулевого означающего», характеризующего форму репрезентации субъекта в символических системах Модерна. Субъект представлен как тождество означающего и означаемого, синтезирующее противоположности и придающее индивиду качество гетерогенного.

Summary. In the article, the issue of ego (self) as an anthropological model of modernity is considered in comparison with the traditional model of subjectivity. The position of the ego in society is analyzed through the concept of “zero-meaning” that characterizes the form of the representation of the subject in the symbolic systems of modernity. The subject is presented as an identity of the signifier and signified, which synthesizes the contradictions and gives the heterogeneous quality to the individual.

Ключевые слова: традиция, модерн, субъективность, субъект, гетерогенное, нулевое означающее, антиномия.

Key words: tradition; modernity; subjectivity; subject; heterogeneous; zero meaning, antinomy.

УДК 008

Одной из главных тенденций современной гуманитарной мысли является проблематизация категорий субъекта и личности. Доминирующей точкой зрения сегодня можно считать признание социально-исторической сконструированности субъекта как антропологического образца, характерного для социальных и символических структур Модерна. Помимо вопроса об адекватности этой модели условиям Постмодерна, актуальной задачей остается исследование социокультурных факторов ее формирования и сравнение с исходным типом субъективности, характерным для традиционного общества. Как правило, процесс становления субъекта Модерна раскрывается в исследовательской литературе с социологических позиций, то есть со стороны социальных изменений, приведших к формированию структур индустриального общества, предполагающих автономного и всеобщего индивида, или же с позиций становления европейского рационализма в философии и науке.

В настоящей статье определяется отличие субъекта Модерна от традиционного типа субъективности, исходя из признания ключевой роли знаково-символических структур в интеграции общественного и индивидуального измерений социального бытия. Символические системы (язык, брачные отношения, экономические отношения, искусство, религия, наука, философия), в своей совокупности образуя *символический универсум* [2, 157], переводят действия и смыслы

индивидуального поведения на уровень общественных институтов, но никогда не могут это сделать исчерпывающим образом. Другими словами, для любого общества человек как отдельное, неделимое существо представляет особого рода проблему, связанную с невозможностью его исчерпывающей социализации. Выдвинем следующую гипотезу – в символической системе, претендующей на статус символического универсума, должна фиксироваться эта зона проблематичности; эта фиксация имеет специфические способы знаковой репрезентации и предикации с другими знаками.

Индивид в традиционном обществе

Структура традиционного общества представляет собой совокупность социальных групп, отграниченных друг от друга жесткими перегородками и специализирующихся на профессиональном выполнении ограниченного набора социально значимых функций [10, 105]. Интегрируются они в социальное целое через ритуализованный обмен продуктами труда, систему властных отношений и единую религиозно-мифологическую традицию.

В отличие от симметричных друг другу фратрий примитивных сообществ, профессионально-кастовые группы в традиционных обществах организованы иерархически, по принципу господства-подчинения. Подчиненное положение и поведение других групп исходит из их согласия с тем, что господин наделен «особой природой», позволяющей ему повелевать. Источник власти, авторитета и социальной стратификации выносится «по ту сторону» общества – в область *гетерогенного*, т.е. сакрального, неутилитарного избытка [1].

Повседневный социальный мир составлен из функциональных взаимозависимостей людей, создающих пространство соотнесенных друг с другом позиций (правитель – подданный, земледелец – ремесленник, продавец – покупатель). Религиозно-мифологический универсум нарушает равновесие между этими позициями, придавая одному из членов пары или одной паре по сравнению с другими гетерогенный избыток суверенного «самого-для-себя» существования. Именно этот избыток, проявляющийся в каком-либо элементе социальной структуры (в теле царя или жертвы, в событии праздника или войны) и потому выводящий этот элемент вовне, обеспечивает иерархию власти и стабильность обмена между социальными группами.

Таким образом, традиционная идентичность конструируется посредством включения индивида в символическую цепь, значения элементов которой детерминированы связью с гетерогенным источником. Последний, располагаясь «по ту сторону» человека и общества, извне транслирует смыслы, распределяет их в сети социальных отношений. Иначе говоря, индивиды и социальные институты выступают в роли означающих по отношению к гетерогенному означаемому. Соответственно, субъективность индивида детерминирована и прикреплена к определенному месту в социальной структуре, репрезентирующей сакральную реальность, и определяется заданными извне нормами идентичности и ролями.

Индивид традиционного общества обнажен перед внешними инстанциями и включен в сеть детерминаций; сакральный источник детерминаций, напротив, непостижим и неисчерпаем. Это ядро часто оформляется в символической системе в форме «нулевого означающего», о котором писал К. Леви-Строс: «Эти установления не обладают никакими особыми им присущими качествами, они лишь создают предварительные условия, необходимые для существования социальной системы, к которой они относятся, хотя сами по себе они лишены значения; только их наличие позволяет этой системе выступать как некое целостное единство» [7, 185]. Такими установлениями, по мнению Леви-Строса, являются понятия «мана», «вакан», «оренда». В традиционных культурах древности и средневековья функцию «нулевых означающих» выполняли сакральные образы Дао, Атмана, греческого Фатума, ветхозаветного Яхве и христианского Бога в рамках апофатической традиции.

Субъективность традиционного индивида, таким образом, всегда конкретна и определяется его принадлежностью к разрозненным социально-природным общностям, интегрированным между собой посредством включения звена «нулевого означающего». Субъект Модерна, напротив, не исчерпывается предписанными обществом ролями, превосходит рамки социальной определенности и даже может противоречить ей. Сущностными качествами такой субъективности являются ее неуловимость, способность быть всем, чем угодно (и никогда полностью), в то же

время, универсальность, всеобщность. Иначе говоря, субъект оказывается на другом полюсе, занимает место «нулевого означающего», вокруг которого выстраиваются и структурируются символические системы и социальные институты Модерна.

Религиозная дисциплинарность и светская театральность

Трансформация традиционного европейского общества в общество современного типа, происходившая в период XIV-XVIII вв., связывается в исследовательской литературе с рождением буржуазии как класса, религиозной реформацией, формированием национальной идентичности, светской культуры и европейской рациональности.

Буржуазный тип отношения к жизни, основанный на целерациональном действии, опирался на специфический этос самоответственного индивида, интерпретирующего историю и человеческую жизнь как следствие личных заслуг или вины, нежели как плоды случая или судьбы. Религиозным выражением этоса раннего буржуа стал протестантизм. Сущность лютеровской теологической реформации состояла в деантропоморфизации Бога, освободившей религиозное переживание от авторитета аскриптивных инстанций. Критерием истинности религиозного опыта стало не следование внешней обрядности, а субъективный, интимный характер переживания.

Практики протестантского самоконтроля (религиозные дневники) вроде бы указывают на сохранение традиционной открытости внутреннего мира внешнему взгляду, ее детерминации надсубъектной инстанцией. Однако отличие заключается в том, что новая субъективность отделена от форм ее представления и воздействия на нее, поэтому ее формирование требует внутреннего дисциплинарного усилия, самостоятельного труда. Предполагается не просто усвоение предписанных моделей, но проблематичное подстраивание их под некоторую «упрямую данность». Субъективность поставлена в ранг субстанции, противопоставленной формам ее выражения, тогда как в пределах традиционного универсума она и есть форма выражения сакральной субстанции.

Это перемещение субъективности с позиции означающего к означаемому предполагает ее дематериализацию – приоритет получает психическая, внетелесная сторона человека, хотя в телесно-материальном означающем она может быть представлена. Христианское представление о главенстве духа над телом здесь, конечно, выступает исходным архетипом, но средневековая христианская традиция была «телесна» в том смысле, что дух был неотделим от своего воплощения в религиозных символах, субстанция неотделима от формы. На это обратил внимание Х. Гумбрехт, сравнив восприятие святых даров в католическом средневековом ритуале и в кальвинизме [4, 141]. В католической традиции хлеб и вино в процессе пресуществления превращаются в тело и кровь Христову, в реальную вещь как единство формы и субстанции. Протестантская теология стала определять таинство Евхаристии как воскресение в памяти тела и крови Христа в качестве «значений». Хлеб и вино, освободившись от субстанциальности, стали лишь формальными означающими, чтобы немедленно обращать сознание к уровню нематериального означаемого. Между субъективным переживанием и его предметным воплощением утверждается дистанция, теперь они нетождественны друг другу.

Разделение субъективности и форм ее репрезентации отражается в такой черте культуры Ренессанса, как театральность. С. Гринблатт считает, что функция автономного индивида, исполняющего театральные роли, была социокультурным конструктом, сформированным под действием определенных политических и религиозных сил, продуктом властных отношений [3]. Театральность подразумевает не просто разделение, но разрыв между субъективностью и ее формальными означающими, сознательно конструируемыми и планомерно используемыми в качестве инструментов власти. Субъект-импровизатор, отстраненный от формальных означающих, проявляет умение комбинировать знаки и производить новые значения, «скользить» по цепи означающих, отождествлять себя с любым из них, но не быть имманентным этой цепи.

Таким образом, в Новое время субъективность наделяется качеством трансцендентности по отношению к социальным структурам: она несводима к своим социальным проявлениям, обнаруживает некоторую избыточность к своим социальным ролям либо способна уклоняться от твердой социальной дифференциации. В то же время формы социального взаимодействия

воспринимаются как производные и зависимые от этой неуловимой субстанции, как театральные декорации и амплуа. Этот гетерогенный элемент, скрывающийся внутри каждого, оформляется в концептуальной паре *субъект/личность* в символических системах, отображающих и фиксирующих факторы существования общества. Специфику социальной интеграции общества Модерна в таком случае можно определить как выстраивание институтов и смыслов социального действия вокруг детерминирующего их суверенного ядра, находящегося в каждом субъекте.

Субъект Модерна как нулевое означающее

Вернувшись к характеристикам нулевого означающего, данным К. Леви-Стросом, можно продемонстрировать, как они проявляются в семиотическом функционировании понятия субъекта.

Нулевые означающие представляют собой величины неопределенного значения, лишенные внутреннего смысла и способные принять любой смысл [6, 429]. Это в полной мере соответствует «апофатическим» характеристикам новоевропейской личности, описываемой как неспособная быть исчерпанной какими-либо устойчивыми значениями, никогда не равная самой себе и исполняемым в обществе ролям. В человеке утверждается наличие нередуцируемого остатка – некоторого «Икс», демонстрирующего условность и ограниченность всех возможных определений. Эта неопределенная величина фиксируется самим понятием личности, т.е. ко всем ее «позитивным» характеристикам, имеющим означаемые, прилагается означающее «личность», отсылающее к самому себе.

В условной структуре высказывания функционирование понятия личности можно представить как включение в ряд означаемых, к которым отсылают знаки, инстанции означающего, демонстрирующего равенство значимой формы самому значению. Такой характер подставления необходимого знака на место неопределенного значения, согласно Ф. Ницше, имеет приставка *ego* к формуле Декарта «*cogito ergo sum*» [9, 279]. Это же качество может выражаться и в прямом признании таинственности личности – Лейбниц, например, обращал внимание на то, что понятие «Я» содержит в себе нечто специальное и труднообъяснимое.

Нулевое означающее указывает на необходимость символического содержания там, где в имеющемся языке классификаций есть только границы между дифференцированными понятиями. Оно служит указателем того, что между противопоставленными друг другу значениями *что-то* есть, что дифференцирующая сила языка *что-то* упускает. Поэтому предикация нулевого означающего, как правило, осуществляется в форме пропозиции, совмещающей и интегрирующей разного рода антиномии. Антиномичность в полной мере характеризует содержание понятия субъекта Модерна, среди таких антиномий можно выделить следующие:

1) *Негация – идентификация*. Наряду с трансцендентностью субъекта окружающим условиям правомерно утверждение его открытости миру, возможности отождествления с внешними условиями, культурными формами. Понятие «динамической личности» предполагает постоянное колебание между процессами негации и идентификации. На диалектике отождествления и отрицания выстраивается и классический субъект философии, в котором тождественность рефлекслирующего и рефлекслируемого следует за самим отношением разграничивающей рефлексии, и социальный концепт автономной личности, которая актуализируется в присвоении социальных ролей и статусов, в придаче им свойства особенности, уникальности, отличия.

2) *Локализованность – нелокализованность*. Одним из главных отличий субъекта Модерна от традиционной субъективности является признание его особого статуса, исходящего из самосознания – способности мыслить от первого лица. Рефлексия, выставляющая несомненность первого лица, обуславливает и другие прерогативы: прозрачность субъекта для самого себя в противовес непроницаемости другого и для другого; предпочтение своих переживаний и оценок оценкам и переживаниям других. Этот особый статус выражен и в картезианском приоритете интеллектуальной интуиции, и в функционировании понятий *собственности, своего, частного* в социальном пространстве. Проще говоря, можно было бы утверждать, что субъект локализован внутри индивида, однако манифестация этой локализованности в различных дискурсах (философском, юридическом, художественном, автобиографическом) демонстрирует тот факт, что

утверждение субъективности детерминировано признанием ее другими. Существование субъекта, таким образом, имеет интерсубъективный характер – его «место» не внутри индивида, но в коммуникативном пространстве между индивидами [11].

3) *Индивидуальность – универсальность*. Конституирующим свойством субъекта является осознание своей единичности, особенности, самости. В то же время субъект – это универсальная позиция, характерная для каждого индивида. Идентичность субъектов (или универсальность субъекта) артикулируется в дискурсе Модерна в качестве необходимого акта осознания каждым конкретным индивидом. Важно, что различие частной и всеобщей составляющих субъекта (практического и теоретического разума по Канту) «встроено» в каждого индивида, в его внутренний мир. Абстрактный субъект должен присутствовать в психологической реальности конкретного чувственного субъекта в образе «собственного двойника». Таким образом, субъект представляет собой *homo duplex* – «маленький иерархизированный социум» [5, 346], интерсубъективная коммуникация и «раздвоенность» заложены во внутреннее пространство субъективности.

4) *Структурная единица – интенциональная целостность*. Эта антиномия характеризует функционирование субъекта в разных институциональных типах дискурсов в двух основных образах. Первый – образ условной, абстрактной единицы, в котором субъект представлен в структуре формальных институтов государства, закона, права, административного управления. Например, в момент выборов избиратели редуцируются до чистых единиц, лишенных каких-либо конкретных качеств и сведенных к галочкам в бюллетенях. Субъект, таким образом, сводится к функции структурной единицы в системе формальных социальных взаимодействий. Второй образ характерен для неформальных взаимодействий в обществе Модерна и репрезентирует уникальную индивидуальную целостность личности. Репрезентация субъекта здесь, помимо апофатических акцентов, включает обязательную *интенциональность*, т.е. наличие в нем экспрессивного творческого начала, видоизменяющего внешний мир и обладающего целостностью душевного мира и его проявлений.

Таким образом, антиномичный характер репрезентации субъекта придает ему качество гетерогенности, суверенности по отношению к установлениям и ограничениям социального порядка. Он не может быть строго определен и ограничен в какой-либо позиции в структуре общества (*локализованность – нелокализованность*). Внешним ограничениям, исходящим из дифференцированных институтов, он противопоставляет свою внутреннюю целостность, волю и непредсказуемость (*структурная единица – интенциональная целостность*). Субъект способен присваивать внешние культурные формы и социальные роли, не отчуждаясь в них (*негация – идентификация*). «Короткое замыкание» между *сингулярностью* и *универсальностью*, исключаящее действие посреднических структур, позволяет субъекту во внутреннем диалоге принимать решения касательно своей жизни, т.е. быть причиной собственных поступков. Антиномичность «нулевого означающего», другими словами, есть знаковая репрезентация ценности автономии, ставящей субъекта в основание социальных институтов Модерна.

Субъект и анонимные институты Модерна

Формирование анонимных институтов Модерна (государства, закона, права, экономических институтов, образования и т.п.) в качестве абстрактных посредников между индивидами с точки зрения просветительской идеологии интерпретируется как результат добровольного самоограничения субъектов, жертвующих частью своих прав. Но одно звено в этой цепи выделяется явной способностью выходить за пределы исходных субъективных замыслов, мало того, оно скорее обнаруживается в основании этих замыслов, а не в их результате. Речь идет о «логике капитала», функционирующей как бы исходя из совокупности множества экономических интересов отдельных людей, но на деле оказывающейся автономно действующей абстрактной системой, обуславливающей содержание индивидуальных потребностей.

Капиталистические отношения, построенные на абстрактных понятиях меновой стоимости, всеобщего денежного эквивалента, абстрагированного труда, являются, по К. Марксу, такой абстракцией, которая становится истиной на практике, т.е. реализуется в непосредственной

сети социальных отношений (актов обмена), помимо знания о ней действующих субъектов. Индивидуации и автономизации индивида здесь противостоят процессы овеществления и отчуждения, порождаемые товарным производством, господство безличного «естественного закона».

Однако капитал является диалектическим единством двух функций, где «свободному индивиду» соответствует функция капитала как частной собственности, а «естественному закону» – объективно-экономическая функция капитала. Иными словами, свободный частный субъект есть условие своей противоположности – безличной и равнодушной структуры: именно потому, что он считает себя формально свободным, он *не знает* об актуальной своей подчиненности и тем самым поддерживает ее [8].

Таким образом, функционирование автономного субъекта как нулевого означающего в репрезентативной культуре Модерна можно назвать «оборотной стороной» господства анонимных структур в актуальных социальных практиках. Модель субъекта оказывается идеологической фикцией, поддерживающей власть «непроницаемого всеобщего» с помощью иллюзии «частного», *но почему эта иллюзия необходима?* Тогда, как кажется, основной вопрос к субъекту касается реальности его гетерогенного потенциала – заложены ли в его репрезентативных структурах возможности выхода за функциональные пределы логики анонимных институтов или репрезентация «избыточной» субъективности есть только инструментальное к ней дополнение?

Таким образом, исходя из специфики функционирования концепта «субъект» в знаково-символических структурах Модерна, он (субъект) может быть определен как нулевое означающее, демонстрирующее гетерогенное социальным условиям основание, сочетающее антиномии локализованности – нелокализованности, негации – идентификации, сингулярности – универсальности, структурной единицы – интенционального целого. Основным смыслом такого означающего – манифестация автономии в противовес господству абстрактных социальных институтов, основная проблема – функционирование в качестве идеологического инструмента поддержания этого господства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай, Ж. Психологическая структура фашизма / Ж. Батай; пер. с фр. С. Н. Зенкина // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 80-102.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания) / П. Бергер; пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Гринблатт, С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира / С. Гринблатт; пер. с англ. Г. Дашевского [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение – 1999. – № 35. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html>.
4. Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт; пер. с англ. С. Н. Зенкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
5. Декомб, В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица / В. Декомб; пер. с фр. М. Головановской. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
6. Леви-Строс, К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс, М. Социальные функции священного: Избранные произведения / К. Леви-Строс; пер. с франц. И. В. Утехина. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 409-433.
7. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. В. В. Иванова. – М.: Академический проект, 2008. – 555 с.
8. Ницше, Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше; пер. с нем. – СПб.: ИД «Азбука-Классика», 2007. – 448 с.
9. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
10. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35-41.

Чебанюк Т. А., Кобырева И. В.
T. A. Chebanyuk, I. V. Konyreva

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

CRISIS OF CONTEMPORARY RUSSIAN CULTURE: SOCIAL AND CULTURAL CHARACTERISTICS

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – D.Sc. of Cultural Studies, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; telephone: + 7 (4217) 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Кобырева Ирина Вадимовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-53-75-06.

Ms. Irina V. Konyreva – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia.

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-исторические условия и выявляются признаки кризиса российской культуры на современном этапе ее развития.

Summary. The article deals with cultural and historical conditions and reveals signs of the crisis of Russian culture at the present stage of its development.

Ключевые слова: кризис, структурные признаки кризиса культуры, исследовательские точки зрения по проблеме.

Key words: crisis, structural features of the crisis in culture, research points of view on the issue.

УДК 007

В современных условиях исследователи, и в частности А. Панарин в статье «Православные цивилизации в глобальном мире», возражают против понимания прогресса как всеобщего процесса восхождения по прямой от простого к более сложному, так как прогресс из всеобщей категории, выражающей принципы гуманистического универсализма, превращается в категорию, касающуюся отдельных стран. По логике вещей прогрессивным странам должны противостоять все остальные, не соответствующие критериям прогресса, следовательно, непрогрессивные или отсталые. Он утверждает, что «только признав отсталых недостойными, понизив их в человеческом статусе, можно со спокойной совестью пестовать свое благополучие» [2, 9]. В таком случае на место гуманитарным ценностям в странах, провозгласившими себя прогрессивными, общечеловеческие ценности заменяются милитаристскими под всяким благовидным поводам [2, 11].

Доминирование традиций на том или ином этапе развития культуры обуславливает равновесное ее состояние, доминирование инноваций провоцирует подъем в развитии культуры, убыстрение темпа ее развития.

Кризисное же состояние культуры, по мнению большинства исследователей и, в частности, Ю. М. Лотмана, обуславливает доминирование традиций и недостаточную активность инноваций или же значительное доминирование инноваций, зачастую имеющих заимствованный характер, и утрату активности национальных традиций.

Значимую роль в определении направленности развития культуры (динамики культуры) имеет преемственность – способность культуры передаваться во времени, приобретая новые качества, и сохраняя при этом базовую ее основу. Это – последовательный диалектический процесс, заключающий в себе усвоение, переосмысление, трансформацию духовных, ценностных начал (основ) культуры. Это и – естественная трансформация, сохраняющая и репрезентирующая национальные ценности культуры.

Дэвид Кросби, американский рок-музыкант, на встрече со своими поклонниками, оценивая современную ситуацию в культуре и доминирующие в ней тенденции, указал на то, что практически все в ней предназначено для зрения и ничего для ума, в результате чего у грядущего поколения будут глаза размером с дыню и никаких мозгов. По его мнению, это свидетельствует о системном кризисе культуры.

Каждая национальная культура обладает свойственной ей картиной мира, определяющей ядро культуры. Это мир, представленный в смысловом значении для определенной социальной общности. Идеальный образ русской культуры обусловлен не только ее будущим, инновациями, но и идеалами прошлого, которые проецируются на настоящее. В этом заключается одна из уникальных особенностей русской культуры. В этой связи, чем значительнее становится тенденция к инновациям, тем существеннее проявляется тенденция сверхценного обращения к прошлому, его идеалам и ценностям, которые переживаются как актуализация и реабилитация духовных ресурсов русской жизни.

А. П. Марков в работе «Отечественная культура как предмет культурологии» отмечает, что «идеальный образ русской культуры обусловлен не столько ее будущим, сколько идеалами прошлого, которые проецируются на настоящее» [1, 32]. Чем это актуализируется, по его мнению и мнению современных исследователей?

а) выпадением России и русской культуры из естественного процесса саморазвития в результате революции 1917 года; отказом от прошлого ради «светлого будущего»;

б) разложением духовно-нравственной сферы после революции, смещением акцентов с интересов культурного развития к борьбе и насилию.

П. Флоренский, русский религиозный философ, полагал, что результатом таких процессов был и стал «великий исход»: имен, духа, души.

Большинством исследователей кризис рассматривается как результат утраты национального самосознания, культурной идентичности, разрушения ценностно-онтологического ядра национальной культуры, активного заимствования иноформ культур. Их наблюдения и заключения можно систематизировать следующим образом:

- утрата отечественных идеалов, основополагающих ценностей общества, духовности;
- изменение ценностной системы, ценностного ядра национальной культуры, при этом культура оказывается не равной себе, неаутентичной;
- отсутствие в настоящем национальной идеи, которое ведет к размыванию и утрате механизма культурной национальной идентичности;
- нарушение преемственности развития национальной культуры и ее последствия, процесс которого ведет к «размыванию» ее специфики;
- доминанта эгоистического благополучия, потребительство, в следствие чего «вещь» становится мерой человека, против того, «что именно человек является мерой всех вещей»;
- отсутствие духовных лидеров или их непрявленность, или не востребованность современным обществом;
- духовный вакуум, который испытывает человек, тревога, потерянности, страх, утрата нравственной и духовной опор;
- психологическое состояние потерянности в пространстве национальной культуры в условиях засилия инокультурных форм;
- культурная агрессия чужих культур, подавляющее их влияние;
- ослабление или утрата функций социальной регуляции, интеграции;
- доминирование массовой культуры, стратегическая установка которой по отношению к человеку и обществу в целом определена рядом параметров: формированием конформизма, мани-

пулированием сознанием как следствие процессов дегуманизации, ценностных переориентаций, вестернизацией русской культуры; гомогенностью, ориентированностью на широкую однородную аудиторию – массу; общедоступностью, понятностью всем слоям населения, возрастам независимо от образования; неориентированностью на национальные идеи, идеалы, образы; интернациональностью в стремлении развлекать, смешить; отсутствием образцов духовности, религиозности, интеллектуальности; внедрением массовых норм, стандартов, образцов; телесностью массовой культуры; удовлетворением потребности массы в досуге, развлечении, игре, эмоциональной компенсации и разрядке; быстро забывается или отменяет свои же «образцы» массовых текстов; отсутствием художественной ценности; коммерциональностью, ориентированностью на быстрое получение прибыли; антиценностностью; серийным характером предметов ее потребления; внедрением примитивных стандартов жизни и отношений между людьми; развлекательностью, забавностью, сентиментальностью; натуралистическим изображением и смакованием насилия и секса в произведениях художественной культуры; культом сильной личности, культом жизненного успеха; опорой на эмоциональное, иррациональное, коллективное бессознательное; оперированием средней языковой семиотической нормой, «телесностью» современной массовой культуры;

- недооценка в сознании представителей национальной культуры консолидирующего и смыслообразующего фактора.

В отсутствии оснований для культурной аутентичности для общества и человека возможны две реакции:

1) агрессивное противостояние другой культуре;

2) сверхценное, сверхзначимое отношение к другим культурам, которое явно проявляется в современной России.

Эта ситуация не может не рассеивать творческую энергию национальной культуры, следовательно, открывает границы для процессов экспансии чужих культур, способствует размыванию культурной самобытности, формированию комплекса «неполноценности» национальной культуры. Падение культурного иммунитета – закономерное следствие кризиса культуры – способствует процессам негативной конвергенции. В настоящее время Россия испытывает комплекс неполноценности под влиянием культурной агрессии американской культуры.

Механизмы, провоцирующие кризисное состояние культуры: внедрение ценностей западных стран и преимущественно американской жизни; внедрение их образа жизни; внедрение образовательных стандартов, не соответствующих российским национальным традициям образования; сверхактивное внедрение форм массовой культуры, символов, олицетворяющих успешность жизни; внедрение нерефлексивного отношения к жизни: главное – комфорт, деньги, развлечения.

В результате культура России (и не только России), как полагают исследователи, теряет культурную «энергию сопротивления» инокультурным формам.

Россия переживала кризисные состояния, как и любая национальная культура. Так, кризис «советской культуры» был обусловлен рядом факторов, из них наиболее значимые: распад целостной идеологической системы; утрата прежней (социалистической) системы ценностей; снятие запретов и ограничений со стороны государства и партийного руководства; новые условия функционирования культурной системы: снятие запретов, цензуры, появление дискуссионности в обсуждении проблем общественной и культурной жизни; свобода слова; появление и утверждение новых форм культуры, инновации; утрата социальной и культурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марков, А. П. Отечественная культура как предмет культурологии / А. П. Марков. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 288 с.
2. Панарин, А. Православные цивилизации в глобальном мире / А. Панарин. – М., 2001. – С. 4-13.

Ху Яньли

Hu Yan Li

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

CHINESE TRADITIONAL MEDICINE AS AN ELEMENT OF SOCIAL AND CULTURAL GLOBALIZATION

Ху Яньли – аспирант Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: huyanlimasha@yandex.ru.

Hu Yan Li – post-graduate School of Art, Culture and Sports of the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: huyanlimasha@yandex.ru.

Аннотация. Автор исходит из предположения, что развитие научной деятельности в Китае с древнейших времен до наших дней и интегрирование ее результатов в мировую науку является одним из средств социокультурной глобализации. Используя большой фактический материал, опирающийся на исследования, проведенные китайскими учеными, автор статьи анализирует особенности проникновения китайской традиционной медицины в медицинскую практику Европейских стран, США и Австралии начиная со времен династии Мин (XIV – XVII вв.). На материале истории китайской традиционной медицины автор статьи делает вывод, что Китай участвует в процессе социокультурной глобализации в качестве ее субъекта. При этом если в предыдущие столетия китайская медицина проникала в ткань западной культуры путем трансфера (простого переноса) из китайской культуры в западную, то в XX – XXI вв. этот механизм значительно усложнился. Теперь взаимодействие китайской медицины и западной осуществляется путем выстраивания механизма трансмиссии, что позволяет утверждать, что китайская традиционная медицина теперь обретает новые горизонты своего развития.

Summary. The author of the article assumes that development of science in China since ancient times as well as integration of its results into the global science serve as a means of sociocultural globalization. Using extensive factual material based on the research conducted by Chinese scientists, the author analyzes the expansion of Chinese traditional medicine into the medical practices of Europe, USA and Australia since the Ming dynasty (XIV – XVII centuries). Based on the history of Chinese traditional medicine, the author assumes that China is involved in the process of sociocultural globalization as its subject. However, though in the previous centuries the Chinese medicine was simply transferred from the Chinese culture into the West, in XX – XXI this mechanism became much more complicated. Now, interaction between the Chinese medicine and the Western medicine relies on the mechanism of transmission, which shows that the Chinese traditional medicine is discovering new horizons of its development.

Ключевые слова: социокультурная глобализация, китайская традиционная медицина, западная медицина, китайские медицинские трактаты, иглотерапия, лечение травами, спрос на китайскую медицину, культурный трансфер, культурная трансмиссия.

Key words: sociocultural globalization, Chinese traditional medicine, Western medicine, Chinese medical treatises, acupuncture, phototherapy, demand for Chinese medicine, cultural transfer, cultural transmission.

УДК 316.733

Глобализация оказалась одной из наиболее обсуждаемых в последние годы магистральных тенденций мирового развития, однако не совсем ясно, с какого именно периода времени в человеческой истории можно вести речь о столь глубоком переплетении институтов и социальных связей. Одни считают, что некоторые черты глобализации проявились уже в эпоху античности. Другие же исследователи, к которым принадлежит и американский социолог и философ И. Валлерстайн, утверждают, что истоки глобализации следует искать в XII – XIII вв., когда одновременно с началом развития рыночных (капиталистических) отношений в Западной Европе начался бурный рост

европейской торговли и формирование «европейской мировой экономики» [4]. После некоторого спада в XIV – XV вв. этот процесс продолжился в XVI – XVII вв.

Американский ученый У. Д. Мигноло, специалист по истории литературы и антропологии, рассматривает проблему глобализации в широком историческом аспекте. У. Д. Мигноло трактует глобализацию как третий и заключительный этап «глобальной трансформации, начиная с 1945 г.» (см. прим. 1). Первыми двумя он считает крушение колониальной и социалистической систем. Ученый проводит параллель между современной глобализацией и начавшейся с 1500 г. политикой Европы по «охристианиванию и цивилизовыванию» мира (см. прим. 1).

Рассматривая феномен глобализации в философском контексте, другой американской исследователь Ф. Джеймсон предлагает трактовать глобализацию как противоречивый процесс, «не превращающуюся во всеобщее всеобщность..., которая интенсифицирует бинарные отношения между своими частями – в основном нациями, но также регионами и группами, которые, однако, продолжают самоопределяться на основе модели национальной идентичности» (см. прим. 1).

При описании феномена глобализации авторы обычно определяют глобализацию как процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Анализируя проблему экспликации понятия глобальной культуры, Т. А. Арташкина указывает, что проблема демаркации глобального – неглобального в культуре является не менее сложной, чем исходная проблема. При этом ключевые понятия «глобальный», «культура», «массовый (масса)» обеих проблем обладают свойством полисемии и не имеют родовых понятий. К тому же при экспликации тех же понятий не обнаружено операции абстрагирования, зато анализ активно направлен на выявление смысла, репрезентацию общего представления о понятии путем констатации неких свойств, качеств какого-либо объекта, явления или процесса. Всеми этими характеристиками обладает концепт [3].

Также Т. А. Арташкина отмечает, что основные тенденции экспликации феномена глобальной культуры в российском социогуманитарном познании позволяют обнаружить следующие характеристики этого феномена [3]:

- понятие «глобальная культура» предполагает в своем содержании географический и временной параметры;
- глобальная культура как социокультурный феномен не является монолитной;
- в глобальной культуре как социокультурном феномене возможна стратификация по различным основаниям.

Глобализация в культуре обладает своими специфическими особенностями. С одной стороны, единство человечества только кажущееся. Люди говорят на тысячах языков, исповедуют разные религии, придерживаются различных ценностей. Мир многообразен и многолик. С другой стороны, современный мир не оставляет большого простора для разнообразия. Люди в разных уголках планеты едят одни и те же продукты, смотрят одни и те же телепередачи, читают одну и ту же литературу и т.д. Однако чем сильнее тенденция к единству, тем ярче проявляется многообразие культур, образа жизни, социальных ценностей. Одно не противоречит другому. Единство человечества дополняет его многообразие.

Говоря о феномене социокультурной глобализации, как правило, имеют в виду страны Западной Европы или Соединенные Штаты Америки, забывая при этом о том, что в истории мировой культуры были и другие цивилизации, которые оказывали глобализирующее воздействие на иные культуры. По нашему мнению, и в настоящее время, и в историческом контексте Китай одновременно является субъектом и объектом процесса социокультурной глобализации. Китайские ученые считают, что в процессах межкультурного взаимодействия китайской культуры с культурами других стран и народов на протяжении практически всей истории Китая можно обнаружить определенные черты глобализации как устойчивое воздействие китайской культуры на культуру других стран.

Несмотря на свою обособленность от западной цивилизации и яркую самобытность, в истории китайской цивилизации можно проследить три основных магистральных направления, когда Китай выступал субъектом процесса социокультурной глобализации [2]:

- воздействие китайской культуры на развитие культуры стран и народов Юго-Восточной Азии и на культуру других стран;
- развитие научной деятельности в Китае с древнейших времен и интегрирование ее результатов в мировую науку;
- развитие современной экономики в Китае.

Традиционная китайская медицина является одним из ярчайших примеров, иллюстрирующих все изложенное выше.

Китайская медицина имеет длительную историю, она внесла значительный вклад в здравоохранение всего человечества. Китайская медицина, начиная с ранних исторических эпох и до настоящего времени, не только оказывает непосредственную помощь больным, но и способствует развитию западной медицины (см. прим. 2). Со второй половины правления династии Мин (вторая половина 1368 – 1644 гг.) китайская медицина стала наиболее заметно распространяться в Европе, а затем (значительно позже) и в Америке [5, 50]. С 1553 г. миссионеры-иезуиты увозили в Европу китайские медицинские книги, китайские лечебные травы, знакомили европейцев с основами китайской медицины [5, 50].

Наиболее активно занимался распространением китайской медицины итальянский иезуит Matthoeus Ricci [5, 50]. Когда он в 1615 г. впервые познакомил европейцев с методами китайской медицины, он подчеркивал, что китайские методы лечения существенно отличаются от европейских. Китайские импульсные методы похожи на европейские, но гораздо более эффективны в лечении больных. В целом, китайцы используют такие простые лекарства, как травы или корни, и еще многое другое, соблюдая определенные правила, какие соблюдают и европейцы, используя травы для своего лечения. Однако в Китае нет ни одной государственной школы профессиональной медицины. Желающие изучать медицину обращаются за помощью к опытным врачам, которые передают свои знания ученикам. В Нанкине и Пекине можно получить медицинскую степень, но для этого нужно сдать специальные экзамены (имеется ввиду сдача экзаменов для института придворных врачей) [5, 50-51].

Другой иезуит Michael Boym, поляк, также внес позитивный вклад в распространение китайской медицины на Западе. В 1658 г. он написал книгу «Высокое положение (важный статус) китайской медицины» (*Clavis Medica ad Chinarum Doctrinam de Pulsibus*). В 1688 г. эта книга была опубликована и переведена на разные языки европейских стран [5, 51].

Следующим был иезуит Dominicus Parrenin, француз, который тоже занимался распространением китайской медицины на Западе. Он считал, что у китайской медицины хорошие результаты, но научная теория западной медицины лучше, чем теория китайской медицины [5, 51]. Миссионеры не понимали, как травы могут лечить все болезни, однако они обращали внимание на необходимость изучения лечебных свойств трав и существующую связь с фитологией.

Сведения из китайской медицины использовались в Европе и для других научных целей. Например, когда великий британский биолог Чарльз Дарвин (Charles Robert Darwin) писал свою книгу «Происхождение человека и половой отбор» (*The Descent of Man*), он пользовался китайской медицинской книгой «Бэнь Цао Ган Му» («本草綱目») («Сборник Материя Медика»), которую написал выдающийся китайский врач и ученый Ли Шичжэнь (李时珍), живший в XVI в. в эпоху династии Мин. В этом медицинском сборнике утверждается, что цвет золотой рыбки сформировался в результате искусственного отбора.

Чарльз Дарвин также упоминал медицинский сборник Ли Шичжэня и в другой своей книге «Изменение животных и растений в домашнем состоянии», в главе II, посвященной искусственному отбору. По данным статистики, в работах Дарвина целебные травы и китайская медицина упоминаются не менее 104 раз. Это показывает, что китайская медицина и описание целебных трав оказали сильное влияние на эволюционизм Дарвина. George Eherhard Rumpf, голландец, увез «Сборник Материя Медика» с собой и отдал сборник в коллекцию библиотеки в Берлине (Германия), где эта книга вызвала большой интерес к целебным травам [5, 52].

В XVII в. в Европе стала распространяться иглотерапия. В XVIII и XIX вв. в странах Западной Европы увеличилось количество изучающих китайскую медицину. Стали публиковаться работы по китайской медицине. В соответствии с неполными статистическими данными, было опубликовано не менее 60 книг по китайской медицине, в том числе 47 из них были посвящены методам иглотерапии (во Франции было опубликовано 22 таких работы). Заметим, что в 1949 г. было опубликовано около 100 китайских медицинских книг. В 1960-х гг. в Европе почти 2000 врачей занимались иглотерапией. В соответствии со статистикой 1985 г., во Франции числилось 120 000 зарегистрированных врачей, в том числе 9000 врачей использовали иглотерапию для лечения больных. В настоящее время в Голландии насчитывается около 4000 врачей по иглотерапии, в Австрии – 6000 врачей, в Советском Союзе насчитывалось 2800 врачей по иглотерапии. Во Франции есть институт и восемь школ иглотерапии. В Голландии существует 8 школ иглотерапии. В Советском Союзе был специальный медицинский факультет по иглотерапии, в 24 медицинских институтах также изучались методы иглотерапии [5, 53].

В XVII в. в Европе познакомились с китайской сфигмологией – учением о пульсе. В XVIII в. сведения о китайских травах становятся научным учением и распространяются как наука. Так, французский иезуит, собиравший в Китае сведения о китайской медицине, сообщал эти сведения во французскую Академию наук. Он же отправил во Францию женьшень, гинуру перистонадрезную (см. прим. 3), китайский кордицепс (см. прим. 4), китайский дудник (см. прим. 5), желатин из ослиной кожи и т.д. Во второй части «Дневника китайской империи» («中华帝国志»), опубликованного в Париже в 1735 г., упоминаются женьшень, пахима кокос (см. прим. 6), лекарственный ревень, чай и другие китайские травы. В третьей части «Дневника китайской империи» переведены отдельные части китайских трактатов «Травник Шэнь-нуна» («神农本草经») (см. прим. 7), «Дневник известных врачей» («名医别录»), «Примечания различных комментаторов к фармакопее Шэньнуна» («本草经集注») (см. прим. 8), «Бэнь цао ган му» («Сборник Материя Медика»). «Бэнь цао ган му» здесь был впервые представлен европейским читателям как оригинал. В «Дневнике китайской империи» описание китайской медицины занимало большую его часть. Помимо этого, в нем сообщались сведения о языке, литературе и истории Китая. Это означает, что первоначально европейцы заинтересовались китайской медициной, собирались изучать ее как науку и вводить у себя на родине. В XVIII в. китайский трактат был известен во Франции, Англии, Германии и России. Этот трактат сохранился в государственных библиотеках Англии, Франции, Германии, СССР, Голландии, Швеции, Бельгии, Италии и других стран [7, 1283-1284].

Отметим, что французская китаистика началась с изучения «Бэнь цао ган му». В 1812 г. француз Лео Муша (雷慕沙), изучив «Бэнь цао ган му», узнал много о китайских травах и затем написал диссертацию, позволившую ему получить степень доктора. В 1865 г. другой француз J. O. Debeau опубликовал книгу «Китайское лекарствоведение и китайский травник» («中国药物学和本草学»). Французы вывезли из Китая во Францию 600 видов лекарственного сырья, которое было изучено медицинскими чиновниками и стало применяться в медицине. Парижская академия медицинских наук много раз организовывала лекции по применению китайских трав, были написаны несколько книг в этой области, например «Исследование китайского травника» («中国本草学研究», 1872 г.), автором которого является A. Gubler, «Китайский травник» («中国本草», 1873 г.), написанный J. L. Soubeiran и Dabry de Thiersant [7, 1284].

В XX в. в Англии Nan Bor опубликовал «Замечания к китайской медицине трав» («中国本草学备注»). Вслед за ним C. Ford и W. Crow продолжили изучение свойств китайских трав. G. A. Stuart также исследовал китайские травы и издал работу «Китайские лекарства. Травы» («中国药物·草本部», 1911 г.) [7, 1285]. Уже в 1955 г. француз Jacques Roi опубликовал «Монографию о китайских лекарственных растениях» («中国药用植物专论»), а его соотечественники Chamfrault и Ung Kan San вместе опубликовали «Монографию о китайской медицине» («中国医学专论»), которая состояла из четырех частей, где третья и четвертая части были целиком посвящены лечебным свойствам китайских трав [7, 1285].

В России также интересовались китайскими травами. Так, русский врач Крылов, работавший в Консульстве России в Пекине в 1831 – 1840 гг., отправил на родину 45 видов китайских трав. Другой врач А. А. Татаринов в 1853 г. опубликовал большую статью «Китайская медицина» («中国医学»), где особенно подробно был описан китайский сборник «Бэнь цао ган му». Позже он же опубликовал на латинском языке «Перечень китайской медицины» («中药目录», 1856 г.) («Catalogus medicamentorum Chinensium, quae Pekini comparanda et determinanda curavit A. Tatarinow»), где упоминаются 500 видов китайских трав. Русский исследователь Л. К. Корниевский опубликовал «Исторические материалы китайской медицины» («中国医学史料», 1876 г.), где назвал китайских известных врачей и использовал «Бэнь цао ган му». Уже в XX в. в 1955 г. пекинская компания «Тун Жэньтан» (北京同仁堂) передала СССР медицинские технологии и инструменты. В 1960 г. информация о китайской народной медицине и о производстве китайских лекарств была направлена в Москву. В 1960 г. был опубликован справочник «Основные лекарственные средства китайской медицины» («中医的基本药物»), где названия лекарств приводятся на латинском, русском и китайском языках. Авторами этой книги были Ф. И. Ибрагимов и В. С. Ибрагимова [7, 1285].

Иммунизация и противоэпидемическая защита пришли в Европу из Китая в начале XVIII в. [5, 53-54].

Распространение китайской медицины в США тесно связано с иммиграцией китайцев из провинции Гуандун. Однако впервые американцы познакомились с китайскими травами в 1784 г., когда американский пароход «Императрица Китая» (Empress of China) впервые зашел в порт Хуанпу (黄埔港), город Гуанчжоу (广州市), где была закуплена китайская корица. В конце XIX в. многие китайцы, жившие в провинции Гуандун, стали эмигрировать в США. С увеличением числа китайских эмигрантов китайская медицина естественным образом получила распространение и в США. По статистике журнала «Тайваньская медицина», в 1980-х гг. в США было зарегистрировано около 13 000 аптек и торговых точек, продающих китайские лекарственные средства, насчитывалось более 20 институтов китайской иглотерапии. Данные показывают, что по крайней мере 80 % американцев пользовались китайскими травами для лечения болезней. По данным статистики 1985 г., общий объем импорта США трав из Китая достигал 809 073 фунтов [5, 54-55].

В начале XIX в. более 600 американцев уехали в Париж изучать медицину, где увидели, как французские врачи применяют иглотерапию для лечения больных. Это вызвало большой интерес американцев. После 1820 г. в американском журнале была опубликована статья, обобщающая европейский опыт использования иглотерапии. В 1825 г. известный американский врач Franklin Bache перевел французскую книгу «Отчет исследования по иглотерапии». В 1839 г. Dunglison опубликовал монографию «Новые методы лечения», где подробно описывал методы иглотерапии. В 1949 г. I. Veith перевела на английский язык и опубликовала первые 34 статьи из китайского древнего сборника по медицине «Хуан Ди Нэй Цзин» («黄帝内经»), изучила его и получила затем докторский диплом. В 1970-х гг. иглотерапия распространилась в США повсеместно. По статистике, в 13 американских штатах разрешено заниматься иглотерапией врачам без лицензий. В 1987 г. количество врачей, занимающихся иглотерапией и законодательно одобренных правительством США, достигло 2500 чел., но фактическое число врачей по иглотерапии достигло 10 000 чел. Американский специалист-дерматолог Eugene Los написал диссертацию, в которой объяснял, как он в течение 10 лет лечил дерматозы с помощью иглотерапии. По его данным, благодаря этому методу количество излеченных больных увеличилось с 65 до 95 %. В 1986 г. профессор Frederick Као основал «Азиатский передовой институт науки и медицины», где готовят врачей по иглотерапии [5, 55-56].

В настоящее время в США насчитывается более 20 институтов по иглотерапии и китайской медицине, куда каждый год принимают более 1000 студентов, которые обучаются в течение трех лет и получают диплом о высшем образовании [5, 56]. В Соединенных Штатах регулярно проводятся исследования по китайской медицине, издаются научные журналы, публикуются статьи и монографии. В 1986 г. в США было основано унитарное американское Общество по иглотерапии, учрежден журнал «Игло-терапия и гальванотерапия». Согласно статистике, в США публикуются шесть изданий по иглотерапии [5, 56].

В 1970-х и 1980-х гг. китайская иглотерапия вызвала новую волну интереса в Европе и Австралии. В 1971 г. иглотерапия в форме анестезии получила распространение в ФРГ, где применялась в нескольких известных медицинских учреждениях. В 1970-е гг. китайская медицина и иглотерапия распространились в Великобритании. В 1969 г. австралийцы создали первую школу иглотерапии в Сиднее и организовали такие же школы в Виктории, Мельбурне и других городах [6, 231-232]. В 1978 г. в учебный план Австралийского колледжа природной медицины были включены учебные предметы по восточной медицине. Позже вместо этих учебных предметов студенты стали четыре года изучать традиционную китайскую медицину [6, 232].

В 1972 г. состоялся визит в Китай американского президента Р. Никсона, которого сопровождал репортер Редстоун. У Редстоуна случился приступ аппендицита, и его положили в больницу. Для лечения китайские врачи использовали иглотерапию с очевидным обезболивающим эффектом. После своего возвращения на родину Редстоун написал статью об иглотерапии, которая была опубликована в «New York Times». Эта статья привлекла внимание медицинской общественности, врачам захотелось применить новые методы лечения пациентов с хронической болью. Так современная китайская медицина получила новое распространение в западных странах, становясь одной из востребованных отраслей медицинского знания [6, 232].

С развитием процессов глобализации уже в XXI в. китайская медицина во главе с иглотерапией становится все более популярной на Западе. Например, иглоукалывание довольно широко применяется в Германии. В 2011 г. опубликовали результаты пятилетнего обследования 5830 пожилых людей, которые указали, что наиболее широко используемыми дополнительными методами их лечения являются иглотерапия и другие методы китайской медициной [6, 239].

Ныне китайская медицина более или менее используется в здравоохранении более 140 стран мира. В Китае же эта отрасль знания является самой процветающей и самой продуктивной, наиболее активно используется в академических обменах с зарубежными странами [5, 56].

После 1980-х гг. китайская медицина получила новое развитие. Китай очень активно предоставляет услуги китайской медицины гражданам стран всего мира, особенно представителям развивающихся стран, укрепляет научно-техническое сотрудничество в медицинской области с зарубежными партнерами. В течение 10 лет, начиная с 1988 г., более 14 700 иностранных студентов и стажеров из более 130 стран и различных регионов мира приезжали в Китай изучать китайскую медицину. Всемирная организация здравоохранения основала в Китае семь медицинских Центров, использующих традиционную китайскую медицину, три международных Центра обучения методам иглотерапии. В этих Центрах было обучено около 1000 иностранных специалистов. В настоящее время осуществляется экспорт китайских трав в более 130 стран и регионов мира, общий объем экспорта достиг более 600 млн долл. В апреле 2000 г. Центр Всемирной организации здравоохранения организовал международный традиционный конгресс в Пекине, для участия в котором было представлено более 1600 диссертаций, в том числе более 300 работ составили диссертации по иглотерапии [7, 1286-1287].

Западные медики хотят лечить китайскими травами не только обычные болезни. Они ищут эффективные методы борьбы с раком, СПИДом и другими неизлечимыми заболеваниями, которые современная медицина еще не может преодолеть. Так, датская государственная больница послала свою медицинскую бригаду в Китай, чтобы изучить опыт лечения СПИДа китайскими травами. В 1991 г. Германия и Китай вместе основали первую в Европе больницу, где специально лечат с помощью методов традиционной китайской медицины. Позже во Франции появилась такая же больница, где более 1000 человек занимаются методами китайской медицины. В настоящее время Италия, Бельгия, Австрия, Голландия, Румыния, Болгария и другие европейские страны хотят сотрудничать с Китаем в области лечения больных, обучения студентов и дальнейшего развития китайской медицины. Прежде всего, это означает, что китайская традиционная медицина, интегрированная с европейской медициной, имеет большие перспективы для своего развития.

Например, исследовательская группа, которой руководит профессор Ли Дапэн (李大鹏), работающий в Чжэцзянском китайском медицинском институте, 20 лет занималась аффиинированием

(выделением, очищением) противораковых веществ из китайского ячменя (薏苡, лат. название *Coix lacryma-jobi* L). Ученые использовали получаемый препарат для инъекций в артерии и вены и в 1998 г. достигли значительных успехов. Результаты исследования уже приняты в более 20 странах и регионах мира, что, в свою очередь, означает перспективность инноваций в китайской медицине [6, 1287-1288].

Как видим, история распространения китайской медицины на Западе свидетельствует о том, что Китай участвует в процессе социокультурной глобализации в качестве ее субъекта.

Легко заметить, что механизм распространения китайской медицины как одного из средств социокультурной глобализации обладает определенной закономерностью. Если в предыдущие столетия китайская медицина проникала в ткань западной культуры путем трансфера (простого переноса) из китайской культуры в западную, то в XX – XXI вв. этот механизм значительно усложнился. Т. А. Арташкина в одной из своих работ утверждает, что «Между глобализованными ядрами мировой культуры наблюдается культурный обмен путем культурной трансмиссии, что соответствует когерентным законам онтологии бытия. Как известно, когерентность (от лат. *cohaerere* – быть связанным) – взаимосвязь. Принцип когерентности заключается в утверждении, что все существующее, культура – в том числе, находится во взаимосвязи» [1, 112]. Анализ показывает, что теперь взаимодействие китайской медицины и западной осуществляется путем выстраивания механизма трансмиссии. Это и позволяет утверждать, что китайская традиционная медицина теперь обретает новые горизонты своего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арташкина, Т. А. Глобализация культуры как культурно-историческая проблема / Т. А. Арташкина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 3. – С. 105-114.
2. Арташкина, Т. А. Китай как субъект и объект социокультурной глобализации / Т. А. Арташкина, Ху Яньли // Вестник Открытого юридического института. – 2013. – № 1(4). – С. 7-17.
3. Арташкина, Т. А. Проблема экспликации понятия глобальной культуры / Т. А. Арташкина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 319-322. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2014/culture/artashkina.pdf>
4. Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна: реф. сб. – М.: РАН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 1998. – 244 с.
5. 赵春晨, 何大进, 冷东. 中西文化交流与岭南社会变迁 / 赵春晨, 何大进, 冷东. – 北京: 中国社会科学出版社, 2004. – 448页.
- (Чжао Чуньчэнь. Китайский и западный культурный обмен и социальные изменения в Линнань / Чжао Чуньчэнь, Хэ Дацзинь, Лэндун. – Пекин: Китайское социальное научное издательство, 2004. – 448 с.).
6. 张平功. 全球化与文化身份认同 / 张平功. – 广州: 暨南大学出版社, 2013. – 268页.
- (Чжан Пингун. Глобализация и культурная самобытность / Чжан Пингун. – Гуанчжоу: Издательство Цзинаньского университета, 2013. – 268 с.).
7. 沈福伟. 西方文化与中国 / 沈福伟. – 上海: 上海教育出版社, 2003. – 1304页.
- (Шэнь Фувэй. Западная культура и Китай / Шэнь Фувэй. – Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2003. – 1304 с.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Восток – Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М., 2002. – Режим доступа: <http://gendocs.ru/>
2. Здесь и далее перевод на русский язык использованных в статье китайских литературных источников выполнен автором статьи.
3. Гинура перистонадрезная (*Gynura*) – дорогое и редкое многолетнее травянистое лекарственное растение, выращиваемое в китайской провинции Юньнань. Гинура способствует расширению сердечных сосудов и сосудов мозга, улучшает циркуляцию крови, нормализует картину крови и обеспечивает хорошую проходимость кровеносных сосудов, предупреждает появление многих заболеваний, вызываемых возрастным увеличением вязкости крови, является противовоспалительным средством, снимает сепсис.
4. Кордицепс китайский (лат. *Ophiocordyceps sinensis*) – род грибов, паразитирующих на определенных видах насекомых. Кордицепс китайский растет в горах Тибета на высоте около 4 км. В китайской народной медицине считается тоником, афродизиак и омолаживающим средством.

5. Дудник китайский обладает противовоспалительными и потогонными свойствами, способствует усилению моторной и секретной функций желудочно-кишечного тракта.
6. Пахима кокос (*Rogia cocos*) – древесный гриб, произрастающий на Востоке на корнях хвойных деревьев, обладает мочегонным и успокаивающим действием.
7. Шэньнун («божественный земледелец») – в древнекитайской мифологии один из важнейших культурных героев, бог земледелия и покровитель медицины. Считалось, что у него змеиное тело, человеческое лицо, бычья голова и нос тигра; цвет кожи – зеленый (цвет растительности). Когда Шэньнун родился, в земле вдруг появились девять колодцев, а с неба дождем выпало просо. Был первым врачом, готовил отвары из целебных трав и считался бессмертным. Умер Шэньнун, проглотив стоножку, каждая нога которой превратилась в огромного червя. По преданию, они и разорвали тело бога.
8. Фармакопея – сборник официальных документов, устанавливающих нормы качества лекарственного сырья и изготовленных из них медицинских препаратов.

Маркова Ю. В.
ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Маркова Ю. В.
Markova Yu. V.

ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

POSSIBILITIES OF DISCOURSE-ANALYSIS IN RESEARCH OF COMMUNICATIVE SITUATION IN MODERN PROVINCIAL CULTURE

Маркова Юлия Вячеславовна – ассистент кафедры «Иностранные языки», аспирантка кафедры культурологии гуманитарного факультета, ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: julia.ilina.90@bk.ru.

Ms. Yuliia V. Markova – assistant lecturer, Department of Foreign Languages, PhD student, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia); 27, Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: julia.ilina.90@bk.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления дискурс-анализа как метода исследования. Выделены главные направления и школы дискурс-анализа. Представлены ключевые подходы к дискурс-анализу. Определены возможности дискурс-анализа в исследовании коммуникативной ситуации в современной провинциальной культуре.

Summary. Fundamental stages of discourse-analysis formation as research method are considered in the article. Main areas and schools of discourse-analysis are pointed out. Key approaches to discourse-analysis are represented. Possibilities of discourse-analysis in research of communicative situation in modern provincial culture are detected.

Ключевые слова: возможности дискурс-анализа, коммуникативная ситуация, современная провинциальная культура.

Key words: possibilities of discourse-analysis, communicative situation, modern provincial culture.

УДК 303.442.4

Стремительное развитие дискурсных теорий и дискурсной методологии в современной гуманитарной сфере большей частью обусловлено как историко-социальными и культурными преобразованиями общества, так и логикой развития научных теорий, направлений и школ.

Дискурс-анализ – это комплексный социолингвистический подход, целью которого является исследование дискурса.

В качестве дискурса рассматривают совокупность текстов (письменных и устных), которые создают люди в многочисленных каждодневных практиках – организационной деятельности, области социального взаимодействия, политике, рекламе, средствах массовой информации. Влияние дискурсов имеет социальные последствия. Эти события потрясают и захватывают отдельные социальные группы. Культурные, социальные, глобальные изменения характеризуются дискурсами. Более локально дискурсы образуют новые социальные группы, изменяют направление работы организаций и мировоззрение общества.

Термин «дискурс» происходит от латинского «discurrere», что переводится «обсуждать», «вести переговоры», и главным образом в этом значении он широко использовался в науке XVII – XVIII вв. Дискурс становится синонимом научной аргументированной речи, сосредоточенной на изучении природы вещей и общества [1, 5].

Несколько позже «дискурсивным» стало называться такое рассудочное, исследовательское, систематическое мышление, которое постепенно делает постигаемым предмет изучения. С формально-коммуникативной стороны дискурс рассматривался как монологическое образование,

способами выражения которого могли быть структурированная научная речь, научный трактат, письмо.

В XVIII в. понятие дискурса дополняется сознанием его как преимущественно эссеистского образования.

В XIX в. в виду модернизации науки термин «дискурс» начинают использовать одновременно в двух областях: в сфере точных наук дискурсом определяют целенаправленное, систематичное, формально-логическое научное мышление, а в сфере литературы и эстетики (в сфере будущих гуманитарных наук) – интроспективное, рационалистическое, «свободное» выражение мысли, имеющее не обязательно научный характер.

Во второй половине XX в. мышление о дискурсивной проблематике коренным образом меняется: дискурс приобретает значение одной из основополагающих категорий научного анализа, а также становится предметом особых исследований в области целого ряда социально-гуманитарных и философско-культурологических дисциплин. В 70-х гг. XX в. происходит спецификация категории дискурса в научных исследованиях в рамках корреляционного с ним термина «текст»: либо текст и речь выступают аспектами дискурса, либо дискурс рассматривается как способ актуализации текста.

Такое противоречивое представление о содержании понятия «дискурс» влечёт за собой то, что к концу 70-х гг. XX в. окончательно формируется и активно развивается ряд достаточно автономных школ и направлений дискурс-анализа, среди которых наиболее продуктивными и влиятельными можно назвать следующие:

1. французская школа дискурс-анализа (Ж. Ж. Куртин, П. Анри и М. Пеше);
2. теория речевых актов (П. Коул, Дж. Р. Серль, Дж. Остин и др.);
3. конверсационный анализ (Г. Сакс, Г. Джефферсон, Э. Щеглов и др.);
4. Бирмингемская школа дискурс-анализа (М. Куохард, Дж. Синклер и др.);
5. социолингвистика (Дж. Фишман, У. Лабов, С. Эрвин Трипп и др.);
6. критический дискурс-анализ (Р. Лаков, Т. А. ванн Дейк и др.) [1, 8].

Философско-культурологические теории дискурса в XX в. главным образом представляют собой два направления.

К первому направлению относят дискурсивные теории, принадлежащие немецким школам философии языка (такие как прагматические теории Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля, конструктивистские теории Эрлангенской школы, «философия нормального языка» А. фон Савиньи, теория верификационной семантики Э. Тугендхата и др.). Дискурс рассматривается как нормативное формально-логическое образование.

Ко второму направлению принадлежат французские школы дискурс-анализа (представители которых Жан Бодрийяр, Мишель Фуко, Мишель Пешё, Жак Лакан, Ж.-Ж. Куртин, П. Анри). В теориях этой группы учёных дискурс большей частью отождествляют с феноменом власти, рассматривая его только в области социальных взаимодействий и отношений.

Жан Бодрийяр расширяет понятие дискурса, включая в него аспекты повседневной жизни, т.к. они реализуют не только бытовые, но и социально-коммуникативные функции, а также передают социальные смыслы, принимая активное участие в формировании социальных статусов, культуры, институтов, групп. Отличительной чертой современного времени, в контексте точки зрения Бодрийяра, является то, что, с одной стороны, условием формирования культуры и, с другой стороны, «модусом» нынешних дискурсивных практик выступает потребление.

Патрик Серио определяет предмет дискурс-анализа как «тексты в полном смысле этого термина, произведённые в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделённые исторической, социальной, интеллектуальной направленностью». Сам корпус текстов в этом случае рассматривается как элемент социального института, представляющего собой условия возникновения тех или иных высказываний. Субъектом формирования и распространения дискурсов выступают не индивиды, а институциональные образования – власт-

ные группы, такие как медицина, армия, государственный аппарат, церковь и т.п. Одной из главных задач этих образований считается установление того, что можно, а что нельзя говорить.

В общем, в рамках философско-культурологических исследований «дискурс» определяют либо как совокупность рассуждений (терминологичных, понятийных, логико-формализованных и т.д.), либо как любую целенаправленную коммуникативную (речевую) практику, включая также и невербальные единицы (несловесные знаки и символы, мимику, жест, движение тела и т.п.). Дискурс-анализ включает в себе исследование актуального использования языка в социальном контексте.

В настоящий момент существует не один, а несколько междисциплинарных подходов к дискурс-анализу. Их можно использовать при изучении различных сфер социальной жизни и в различных видах исследований.

Как показали Вивьен Барр и Кеннет Герген, дискурс-анализ, базирующийся на принципах социального конструкционализма, разделяет ряд базовых подходов:

- критический подход к само собой разумеющемуся знанию. Все наши представления о мире нельзя рассматривать как объективную правду. Реальность доступна нам лишь через некоторые категории. Таким образом, наши представления и знания о мире – это не прямое отражение «внешней» реальности, а результат наших способов её категоризации, т.е. продукт дискурса;

- историческая и культурная обусловленность. Мы по своей сути «исторические и культурные существа», и наши взгляды и знания о мире – это «продукт исторически сложившегося взаимодействия между людьми». Социальный мир формируется и конструируется социально, т.е. он не представляет собой данность, а общество при этом не имеет набор особенностей или характеристик, данных от природы (антиэссенциализм);

- связь между знаниями и социальными процессами. Способы осознания окружающего нас мира создаются и поощряются социальными процессами. Знания складываются в процессе социального взаимодействия, во время которого мы формируем общеизвестные истины и доказываем друг другу, что является верным, а что ошибочным;

- связь между знанием и социальным поведением. В рамках определённого мировоззрения, некоторые способы поведения становятся естественными, а другие – неприемлемыми [3, 24].

Возможности дискурс-анализа для исследования коммуникативной ситуации в современной культуре чрезвычайно велики. Преобразования в дискурсе – это способ преобразования социального мира. Борьба на дискурсивном уровне вносит немалый вклад в преобразование мира и создание социальной реальности.

Особенно полезным дискурс-анализ может быть при исследовании коммуникативной ситуации в провинциальном городе. Современные гуманитарные науки всё больше интересуются изучением особенностей коммуникации различных социальных групп в различных условиях, которые, в свою очередь, определяют общую картину культурных ценностей данной группы и города в целом. Наряду с различными аспектами осмысления фактов специфики коммуникативной ситуации интересным представляется рассмотреть её именно в рамках провинциальной культуры (на примере г. Комсомольска-на-Амуре), так как, во-первых, вариативность и компликация коммуникативных событий в пределах этого города ещё недостаточно полно рассмотрены, во-вторых, изучение характера взаимодействия социальных групп – важный аспект исследования городской и региональной культуры, а также её формирования.

Цель такого исследования заключается в выявлении роли дискурсивной практики в поддержании социально-культурного устройства.

Одной из самых сложных задач, связанных с дискурс-анализом провинциальной коммуникации, является определение коммуникативных площадок, мест, где сливаются все коммуникативные группы. В эпоху новых информационных технологий мы всё реже нуждаемся и сталкиваемся с прямой коммуникацией с окружающими нас людьми. Эта особенность современного общества усиливается отсутствием опыта совместного эстетического переживания, большим разнообразием вкусов, пристрастий, интересов членов группы [2, 81], значительной степенью разобщённости общества.

Тем не менее человек невозможен без общения, поэтому рано или поздно, при тех или иных обстоятельствах коммуникативные площадки всё же возникают. Рассмотрим в качестве примера такое природное явление, как наводнение. Гражданам города Комсомольска-на-Амуре пришлось столкнуться и пережить это стихийное бедствие в 2013 г. У многих людей наводнение вызывает представление о реке, выходящей из берегов. Повышение уровня воды – это событие, которое происходит вне зависимости от разговоров и мыслей людей. Подъём уровня воды – это факт материального мира. Но как только общество попытается объяснить значение этого события, оно тут же попадёт в рамки дискурса.

Большая часть людей охарактеризует это событие как природное явление, но вовсе необязательно, чтобы люди описали его одинаково. Например, некоторые воспользовались бы метеорологическим дискурсом, сравнив подъём уровня воды с чрезвычайно сильным проливным дождём. Другие отнесли бы его к одному из многих глобальных последствий «парникового эффекта». Нашлись бы люди, которые рассмотрели бы это явление как результат некорректного «политического управления»: упущения правительства в создании или финансировании строительства дамб. И, наконец, некоторые определили бы это явление как волю бога и его гнев, вызванный человеческими грехами, и, как следствие, подготовку к недалекому концу света. Таким образом, повышение уровня воды как явление, происходящее в определённое время в определённом месте, можно описать с помощью определений из разных дискурсов (которые также можно по-разному скомбинировать).

Важно отметить, что любой дискурс «подаёт» это явление как закономерное и возможное: воздвижение дамб, организация политического противостояния национальному правительству или политике защиты окружающей среды или подготовка к неизбежному концу света. Так, придание значения в дискурсах создаёт и изменяет мир.

Дискурс играет главную роль в создании образа этого мира разнообразными способами. Поступая определённым образом, мы оказываем влияние на понимание окружающих и их восприятие, а следовательно, и на окружающую нас реальность, т.е. на отражение социального мира в нашем сознании.

Таким образом, дискурс-анализ может послужить актуальным методом исследования коммуникативной ситуации в современной провинциальной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожемякин, Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. – 2008. – № 15 (55). – С. 5-12.
2. Костюрина, Н. Ю. Репрезентация ценностей студенческой молодежи Дальневосточного региона в пространстве микроблога / Н. Ю. Костюрина // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сент. 2011 г. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 80-89.
3. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.

Костюрина Н. Ю.

ФАНФИКШН КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Костюрина Н. Ю.

N. Yu. Kosturina

ФАНФИКШН КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

FAN-FICTION AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH IN RUSSIAN HUMANITIES

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии ФБГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу степени и характера изученности фанфикшна в современной отечественной науке.

Summary. The article is devoted to the analysis of the extent and types of fan-fiction research in modern Russian science.

Ключевые слова: фанфикшн, фанфик, фанарт, современная культура, российская культура, субкультура, пейринг, жанровая структура.

Keywords: fan-fiction, fan-fic, fan-art, modern culture, Russian culture, subculture, pairing, genre structure.

УДК 82

Фанфикшн как явление современной культуры, несмотря на его масштабы, остаётся почти неизвестным и малоисследованным предметом в отечественной науке: историография темы, по-видимому, включает в себя немногочисленные диссертации и несколько десятков статей. Несмотря на то, что история интереса к фанфикшн в русскоязычной науке насчитывает уже больше десяти лет (а в зарубежной около 30 лет), сам предмет исследования осознаётся авторами настолько экзотическим, что почти каждая статья содержит развёрнутые объяснения ключевых терминов, зачастую так, как они представлены на фанатских площадках или в Википедии.

Наиболее значительными русскоязычными исследованиями фанфикшн остаются на сегодняшний день диссертационные работы К. Прасоловой (2008) и С. Поповой (2009). Важно отметить, что для зарубежных исследователей фанфикшн более значимыми были социологические аспекты темы: особенности личности фаната, история становления фансообществ; собственно литературоведческая проблематика оказывалась на периферии исследовательского интереса. В отечественной науке, напротив, именно лингвисты/переводчики стали «первооткрывателями» фанфикшн, не столько как инокультурного элемента, постепенно укореняющегося на постсоветском пространстве, а как литературного феномена. Интерес исследователей был сосредоточен, в первую очередь, на англоязычных источниках: сайтах, посвящённых творчеству Дж. К. Ролинг, Дж. Р. Р. Толкина.

Сам подход к изучению фанфикшн в отечественном гуманитарном знании опосредован целями и задачами литературоведческого/лингвистического исследования.

Возникновение фанфикшн исследователи связывают с ростом популярности жанра фэнтези, появлением фанатских/субкультурных сообществ, участники которых, во-первых, обсуждали между собой тексты фэнтези и с развитием интернет-технологий перенесли общение из сферы реальной в виртуальную, а во-вторых, стремились создать текст, близкий первоисточнику и полноценно продолжающий/дополняющий его. Есть исследования, где осмысливается и обратный процесс – влияние фанатского творчества на оригинальные произведения; в качестве примера назовём

статью 2015 года Е. Четиной и Е. Ключевой [20], выполненную на кинематографическом материале (сериал «Шерлок»).

Наиболее значимым качеством/свойством фанфикшн становится «вторичность» фанатского творчества, в связи с чем одной из ключевых исследовательских задач оказывается изучение соотношения текста-первоисточника и фанфиков. К. Прасолова, например, видит своей целью «полноценное, непротиворечивое описание фанфикшн как литературного явления», сосредоточивая своё внимание на особенностях стиля «протослова и вторичного текста» [15]. Интересно, что фанфикшн с позиций литературоведения/лингвистики оказывается изначально скомпрометированным, оценивается как явление, «принадлежащее к самым низким проявлениям паралитературы и потому не заслуживающее серьёзного внимания» [15]. Тем не менее определение места и статуса фанфикшн в современном литературном процессе – одна из задач, решение которой актуально для исследователей.

Система жанров фанфикшн – ещё одна популярная проблема в отечественных исследованиях фантекстов. В ряде работ последних лет лишь воспроизводится жанровая структура фанфикшн, представленная в описаниях фанфиков на фансайтах (это, как правило, статьи начинающих исследователей, скорее всего, бывших ранее авторами и/или читателями фанфикшн, а позднее попытавшихся теоретически осмыслить собственные увлечения). Принятая в англоязычном мире социологически ориентированная классификация фанфикшн на основе эмоционального, эстетического, половозрастного, эротического и других компонентов оказывается менее интересна отечественным исследователям, нежели собственно литературоведческая типология. С. Попова, анализируя фанфикшн как литературные произведения, которые размещаются в Интернете и характеризуются «новой формой создания и способом существования вторичных текстов» [14], сосредоточивает своё внимание на жанровой атрибуции фанфиков, их типологии, выделяя четыре группы текстов в зависимости от их соотношения с оригинальным источником: стилизация, перифраз, пародия и вариация (в четвёртую, достаточно неоднородную категорию входит, по сути, всё, что не попало в первые три).

К вопросу жанровой принадлежности фанпрозы обращается и Ю. Антипина [1], по-прежнему фиксируя жанровое разнообразие фанфикшн и отсутствие единой классификации. Стоит отметить, что историю фанфикшн исследователь отсчитывает с 60-х годов XX века, и это самая ранняя хронологическая граница, которая встречается в русскоязычной научной литературе о фанатском творчестве.

В работе Ю. Антипиной 2011 года предмет изучения расширяется от фантекстов до фантворчества (фанфикшн возникает на стыке различных искусств), т.е. потенциально включает в себя и рисованные, и кино- или видеопроизведения, а потому нуждается в разработке адекватной методологии исследования. Также исследователь утверждает, что фанфикшн не может быть рассмотрен вне субкультурных фанатских практик. (Последнее, однако, опровергается традицией именно внеконтекстного изучения фанфикшн в отечественной науке. Представляется, что это в значительной степени оправдано, поскольку в современной Российской культуре фанфикшн в незначительной степени связан с практическими/внесетевыми действиями/деятельностью фанатов и является в первую очередь формой виртуальной/текстовой активности.) Ю. Антипина также считает фанфикшн окололитературным феноменом; не литературой, поскольку «самостоятельность фанфика условна», а фикрайтер пользуется литературными реалиями, созданными авторами первоисточника [1].

В статье Т. Ворониной [6] 2012 года в контексте метафорики пространства также рассматривается понимание авторами жанровых границ, принятых в фанфикшне.

Е. Бурцева [4] в статье 2014 года также обращается к характеристике жанров сетелитературы, включая фанфикшн; самым значимым признаком, определяющим для разграничения сетевой и несетевой литературы, автор считает стандартизацию художественной коммуникации.

Близким к проблеме жанровой структуры фанфикшн можно считать вопрос о пейринге, поскольку в фандомной практике тип/характер взаимоотношений героев оказывается вторым по значимости параметром описания текста после жанровой принадлежности. Так, Е. Каллистрати-

дис (2013 год) изучает англоязычную по происхождению терминологию фанфикшн, адаптируя её к возможностям русской языковой системы, а также дополняет её собственными инновациями для обозначения фанфиков и их различных характеристик (в том числе жанра и тематики фанатского произведения), «основная сюжетная коллизия которых строится вокруг отношений (часто романтического и/или интимного характера) двух персонажей» [11, 82]. Указание на этот параметр присутствует в описании большинства фантекстов и употребляется русскоязычными фанатами в различных ситуациях интернет-коммуникации. Лексические единицы, маркирующие пейринг, объединяет то, что «они образованы от двух основ, как минимум одна из которых представлена усечённым или использованным без изменений, но всегда легко узнаваемым иноязычным антропонимом – именем или фамилией одного или двух героев исходного авторского произведения» [11, 82].

М. Коробко [12], описывая этапы формирования фанона, соотношение канона и фанона, причины и условия популярности того или иного текста в фанатском сообществе, также выделяет в качестве значимого элемента исследования пейринг, в том числе тот, что составляют однополюсные персонажи (жанры: слеш, фемслеш). Пары персонажей, вступающие в отношения в фанфике, условно разделены исследователем на три группы: канонные, фанонные и рандомные. Также М. Коробко исследует формы фандомного творчества как коллективного, интересуют её и функции/роль читательских комментариев в создании фанфика.

М. Черняк (2015 год) поставлен вопрос о гендерной принадлежности читателя и писателя фанфикшн в контексте русского любовного романа конца XX – начала XXI века, который, не имея художественной ценности, является тем не менее «своеобразным слепком эпохи, демонстрирует рождённую в соответствии с гендерными канонами и обыденными стереотипами модель личности нового века» [19, 103], отражает новые представления о социальных ролях современной женщины. Интересно, что, по мнению М. Черняк, любовный роман строится на «принципиально антифеминистских позициях и отражает скорее мужской взгляд на норму женского поведения», может свидетельствовать о «кризисе феминизма в мире» [19, 103].

Ещё один популярный и перспективный исследовательский ракурс – анализ фольклорных/мифологических источников/корней фанфикшн. Например, Т. Васильева [5] с фольклорными традициями, обеспечивающими «узнаваемость», «доступность» текстов, связывает популярность текста канона и фанона ГП (Гарри Поттер): «Именно обращённость ГП к традиционной культуре и обеспечила феноменальный успех произведения». Таким образом, выявление фольклорных архетипов, мотивов (универсальный герой, даритель, помощник, враг/вредитель/дракон, змеборчество, испытание героя, похищение, чудесные предметы/суперспособности) – актуальная задача при изучении оригинальных текстов и фанфикшн. Повторяемость и детальную проработку реалий волшебного мира, обеспечение их многочисленности, повторяемости и приближённости к современным реалиям Т. Васильева считает залогом успеха у массового читателя/зрителя. Фольклорную и/или постфольклорную природу «субкультуры студентов школы чародейства и волшебства» доказывают такие её характеристики, как анонимность, вариативность, особый тип коммуникативного акта.

Н. И. Ефимовой рецепция романов Ролинг также рассматривается на уровне декодирования: 1. сказочно-мифологической традиции, фольклорных корней; 2. английской концептосферы, основных составляющих английской ментальности (к базовым концептам английскости отнесены «дом», «свобода», «приватность», «здоровый смысл», «чувство юмора», «джентльменство», «честная игра», «сдержанность», «традиция»); 3. культурных и бытовых реалий жизни современной Британии. Исследователь ставит вопрос: «Какие именно инокультурные элементы заимствуются и адаптируются российским читателем/зрителем и почему?» [10, 38].

Среди лингвистических аспектов изучения фанфикшн – демография фандома: возраст, пол, образование, профессиональная принадлежность, наличие национальной специфики. Например, Т. Федорова рассматривает фанфикшн как социокультурный феномен, однако многие утверждения следует признать архаичными и, по меньшей мере, спорными, например, характеристику читательской аудитории фанфиков: «Большинство читателей фан(фэн)фиков – тинейджеры». Столь

же странно выглядит воспроизведённая статистика по количеству фандомных текстов, опубликованная ещё К. Прасоловой (2008 год), заведомо устаревшая.

Особо следует отметить замечательное исследование Н. Самутиной (2013 год), удачно сочетающее антропологический/этнографический и филологический подходы к анализу фанфикшн, выстроенное на серьёзной теоретической базе и значительном объёме эмпирического материала (ГП), собранного и систематизированного в течение двух лет «включённого наблюдения». Современный фанфикшн понимается как «обширное, диверсифицированное, многоязычное пространство чтения и письма... поле литературного опыта, полностью выведенное за рамки литературы как индустрии» [17, 137].

Анализ сосредоточен на формах читательской и писательской активности, функции чтения в фанфикшн («общелитературные модусы вовлечённости в текст (узнавание, зачарованность, знание и шок) и дополнительные, характерные именно для фанфикшн (соотнесение с «каноном» и порнографическая функция), обеспечивающие в совокупности повышенную интенсивность, телесность, действенность этого читательского и писательского опыта»), роли читателя и писателя в новых формах литературной Интернет-коммуникации. Н. Самутина характеризует создателей фандомной культуры как «хорошо образованных, технически продвинутых, творческих участников в высшей степени рефлексивной современной коммуникации, включающей в себя весь опыт массовой культуры XX века» [17, 145].

В целом, завершая мини-обзор состояния исследованности фанфикшн в современном российском гуманитарном знании, можно утверждать, что устойчивый исследовательский интерес к явлению фанфикшн сохраняется; преобладающее число работ выполнено в рамках литературоведческого или лингвистического анализа, наиболее актуальные проблемы – осмысление места фанфикшн в современном литературном процессе, жанровая структура, мифологические/фольклорные корни фантекстов. Наиболее часто источниковой базой исследований становятся фандомы по произведениям Толкина и Ролинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина, Ю. В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшн по творчеству братьев Стругацких) / Ю. В. Антипина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 54. – 2011. – № 13 (228). – С. 21-25.
2. Булдакова, Ю. В. Фан-фикшн: научное осмысление маргинального жанра / Ю. В. Булдакова. – Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журнал. – 2015. – № 7 (20). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2348>.
3. Бурцева, Е. А. Литературный герой как основная примета литературной эпохи / Е. А. Бурцева // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 1-6.
4. Бурцева, Е. А. Жанры сетевой литературы / Е. А. Бурцева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14665>.
5. Васильева, Н. И. Фольклорные архетипы в современной английской литературе и нарративе «фанфикш» (на материале произведений Дж. К. Ролинг и творчества поклонников ГП): дис. ... канд. филол. наук / Васильева Н. И. – Ниж. Новгород, 2005. – 243 с.
6. Воронина, Т. Метафоры пространства и его освоения в дискурсе авторов фанфикшн-текстов / Т. Воронина // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». – 2012. – № 2. – С. 61-66.
7. Гаджиев, А. Сетелитература: история, типология и поэтика русской сетевой литературы: тезисы лекций / А. Гаджиев. – Баку: Мутарджим, 2012. – 76 с.
8. Горалик, Л. Как размножаются Малфои. Жанр «фанфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом / Л. Горалик // Новый Мир. – 2003. – № 12. – С. 131-146.
9. Денисова, А. И. Фанфикшн как субкультура и феномен массовой литературы / А. И. Денисова // Аналитика культурологии. – 2012. – № 24. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fanfikshn-kak-subkultura-i-fenomen-massovoy-literatury>.

10. Ефимова, Н. И. Британский культурный мир в современной английской литературе и самостоятельном творчестве русских читателей / Н. И. Ефимова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5. – С. 34-39.
11. Каллистратидис, Е. В. Лексические инновации с общим значением «текст» в речевых практиках русскоязычной интернет-субкультуры fan fiction / Е. В. Каллистратидис // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 81-84.
12. Коробко, М. А. Соотношение канона и фанона (на материале фандомов «Шерлок», «Мерлин», «Сверхъестественное») / М. А. Коробко // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. – 2015. – № 2. – С. 254-256.
13. Корчагин, С. С. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок» / С. С. Корчагин, А. К. Кравченко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: LVI Междунар. науч.-практ. заочная конф. – URL: <http://sibac.info/conf/philolog/lvi>.
14. Попова, С. Н. Лингвостилистика фанфикшн (на материале англоязычных сайтов, посвящённых творчеству Дж. Р. Р. Толкина): дис. ... канд. филол. наук / Попова С. Н. – М., 2009. – URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/lingvostilistika-fanfikshn-na-materiale-anglojazycznych-sajtov-posvjawennyh-tvorchestvu.html>.
15. Прасолова, К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж.К.Ролинг): дис. ... канд. филол. наук / Прасолова К. А. – Калининград, 2008. – URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/fanfikshn-literaturnyj-fenomen-konca-xx-nachala-xxi-veka.html>.
16. Прасолова, К. А. Слэш: проблемы дефиниции / К. А. Прасолова // Вестник РГУ им. Канта. Вып. 8. Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2008. – С. 100-106.
17. Самутина, Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 137-191.
18. Федорова, Т. В. Социокультурный феномен фанфикшн / Т. В. Федорова // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: Междунар. науч. конф., посвящённая 150-летию воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, Воронеж, 25-27 февр. 2014 г. – Воронеж: ВГУ, 2014. – С. 276-279.
19. Черняк, М. А. «Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра / М. А. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 101-106.
20. Четина, Е. М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах / Е. М. Четина, Е. А. Ключикова // Вестник пермского университета. – 2015. – № 3 (31). – С. 95-104.

Завалишин А. Ю.
A. Y. Zavalishin

**ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ**

**SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN SPACE OF CULTURAL
AND POLITICAL DIALOGUE: TRENDS AND ISSUES**

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, г. Хабаровск). E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of sociological sciences, Associate professor, Head of the social and human sciences department of Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: native59@rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу культурно-политического взаимодействия в форме диалога между странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества. Выявлены основные тенденции, порождаемые ими проблемы и возможные пути их преодоления.

Summary. This article analyzes the cultural and political interaction in the form of a dialogue between the states-members of the Shanghai Cooperation Organization. It identifies the main trends, generated problems and possible ways to overcome them.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, политика, культура, диалог.

Key words: Shanghai cooperation organization, politics, culture, dialogue.

УДК 327.7

В 2015 г. закончился 3-летний срок пребывания представителя России в качестве Генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в 2016 г. будет отмечаться 15-летие ее существования. Срок достаточный, чтобы подвести некоторые итоги и поговорить о проблемах.

Деятельность ШОС являет собой пример соединения двух глобальных тенденций современности: 1) создание макрорегионов, объединяющих в себе группы государств со сходными интересами/проблемами и стремящихся их решить общими усилиями; 2) углубляющееся расхождение между мировыми лидерами начала XXI века – США и КНР, проявившееся в их стремлении опереться на поддержку стран-сателлитов, призванных усилить односторонние позиции в глобальном политико-экономическом противостоянии. И хотя этот второй аспект в стратегии ШОС не озвучивается официально, значительная часть ее активности направлена именно на это. Немаловажная роль в деятельности организации и определении политических задач ШОС принадлежит России, ставшей одним из инициаторов и духовных вдохновителей ее создания.

Международная изоляция со стороны западных государств, в которой оказалась Российская Федерация из-за украинских событий 2014-2015 годов, объективно повысила политико-экономическое значение ШОС для нашего государства, обозначенное первым лицом страны как «разворот на Восток», но одновременно с этим создала и ряд дополнительных угроз как внешнего по отношению к ШОС, так и внутреннего характера. Об этом недвусмысленно заявил В.В. Путин на пресс-конференции по итогам саммитов БРИКС и ШОС, прошедших 9-10 июля 2015 г. в г. Уфе: «Чем больше членов организации, тем сложнее придти к консенсусу... У нас не действуют блоковые принципы, и никто никому не навязывает решений. Здесь всё решается только единогласно.

Добиться консенсуса при большем количестве стран – тем более стран-соседей, у которых по объективным соображениям очень много вопросов друг к другу, да и историческая подоплёка отношений не всегда очень простая, – в этом-то и заключается сила принимаемых решений, если в результате пускай сложной, пускай кропотливой, пускай даже долгой, но взаимной работы по поиску компромиссов мы приходим к общему решению» [17]. Данное заявление было сделано в связи с тем, что по итогам уфимского саммита в состав ШОС вошли два новых члена: Индия и Пакистан, – партнерами по диалогу стали Армения, Азербайджан, Камбоджа и Непал, имеющие непростые, а зачастую и драматические отношения друг с другом, до настоящего времени в качестве такого же партнера остается Турция. Наличие в составе ШОС и ее ближайшем окружении государств, не просто существенно отличающихся друг от друга по геополитическому положению, формам государственного правления, политическим режимам и уровням экономического развития, но и принадлежащих к разным цивилизациям (буддистской, исламской, христианской), выводит на первый план необходимость теоретического осмысления проблемы культурно-политического диалога между ними как важнейшего условия сохранения целостности и достижения заявленных целей этой организации.

Ключевыми в данном случае понятиями являются «диалог» и производное от него – «культурно-политический диалог», от экспликации которых зависит и политологическое теоретизирование, и практически-политическая эффективность деятельности членов организации. Особенно это актуально сегодня, когда дефицит диалогичности, на наш взгляд, характерен не только для стран-членов ШОС, но и всего международного политического пространства, в котором оказалась Россия в середине 2010-х годов, где многие говорящие слышат только себя и остаются глухи к доводам политических оппонентов.

Тема диалога попала в сферу советского/российского научного дискурса и социально-педагогической практики начиная с 1970-х годов XX века [3; 4; 5; 15]. В 2000 – 2010-е годы интерес к философскому, культурологическому и политическому аспектам диалога культур не только не уменьшился, но и заметно возрос в связи с актуальными проблемами, эксплицируемыми в терминах американизации/русификации/исламизации vs мультикультурализма/интеграции/интернационализма [2; 10; 13]. Не осталась без внимания исследователей и тема политического диалога как диалога культур в рамках ШОС [1; 6; 7].

Значимость научного осмысления и практической реализации культурно-политического диалога на национальном и международном уровнях проявляется в наличии соответствующих деклараций, направлений деятельности и отражающих эту деятельность сайтов ряда международных организаций, включая Международный общественный благотворительный Фонд «Диалог Культур – Единый мир» при Комитете неправительственных организаций Экономического и социального совета (ЭКОСОС) ООН [11], Комитет по культуре и образованию в Европейском парламенте и Генеральный директорат по образованию и культуре Европейской комиссии, действующие в рамках ЕС [21], ежегодные встречи министров культуры и Международные форумы «Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке», проводимые в рамках Шанхайской организации сотрудничества [12] и др.

Вместе с тем при всей очевидной значимости культурно-политического диалога в современном мире, исходя прежде всего из его гуманистической и миротворческой функций, и научное, и политическое сообщество все еще далеки от единого понимания того, что же это такое. Яркое свидетельство тому – присутствие в научном и общественно-политическом дискурсе целого ряда близких ему понятий, которые разными авторами и в разном контексте рассматриваются если и не синонимичными, то достаточно близкими по смыслу: культурный (политический) диалог, диалог цивилизаций (vs – столкновение цивилизаций, тема С. Хантингтона), кросскультурные/мультикультурные коммуникации, взаимодействие культур/народов и т.д.

Оставив в стороне нюансы дефиниций данных терминов, ограничимся лишь таким определением понятия «культурно-политический диалог», которое отражает (или *ad hoc* должно отражать) его специфику в деятельности ШОС.

Прежде всего, отметим, что любая культура сама по себе, будь то этническая, национальная и любая другая, уже есть диалог, поскольку предполагает взаимодействие и обмен информацией между ее носителями. Диалог как способ существования культуры происходит на разных уровнях субъектности – от внутриличностного (психологического) до международного (политического), – в синхронии и диахронии. Исходя из сказанного, взаимодействие партнеров по ШОС (как *международное* и *межцивилизационное*) по определению должно проходить именно в форме культурно-политического диалога, и только такой диалог позволит данной организации не просто существовать в глобальном политическом пространстве, но и успешно решать стоящие перед ней задачи. Данное утверждение определяется следующими обстоятельствами:

1. Субъектами диалога стран-участниц ШОС являются целостные культурные системы, на современном этапе развития глобального сообщества чаще всего совпадающие с национальными культурами (в рамках ШОС в идеале – всех ее представителей: государств-членов, государств-наблюдателей, государств-партнеров по диалогу), поэтому он является *культурно-политическим*.

2. Это *трансграничный* диалог, основанный на принципах *равноправия* и взаимного *уважения* к культурам политических партнеров, которые, с одной стороны, имеют качественные (вплоть до цивилизационных) отличия друг от друга, продуцирующие взаимный интерес к ознакомлению с ними, с другой – высокую степень готовности к восприятию иных (иногда чуждых) культурных практик, норм, ценностей, идеалов и т.д. (то, что принято называть *толерантностью*¹).

3. Это диалог, который охватывает (хотя бы гипотетически) носителей актуальных культур на всех уровнях социально-политического взаимодействия, способствуя повышению взаимопонимания между ними, то есть, он происходит в *синхронии* и сопровождается *увеличением* числа культурных артефактов, имеющих трансграничный/транскультурный характер, – артефактов, интернализуемых всеми или большинством национальных культур государств, входящих в ШОС.

Сказанное выше позволяет дать следующее определение. *Культурно-политический диалог* – это форма коммуникации между субъектами политики, принадлежащими к разным культурам/цивилизациям, предполагающая необходимость учета не только политических интересов друг друга, но и способность, с одной стороны, элиминировать межцивилизационные различия ценностного, нормативного, религиозного и других порядков, с другой – быть открытыми для восприятия иных культурных и политических практик, что является задачей гораздо более сложной, чем достижение политического консенсуса. Последнее предполагает наличие не только политической воли, но и определенной моральной установки, о чем в свое время говорил выдающийся немецкий социолог Ю. Хабермас в рамках его теории коммуникативного действия: «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые *общее* следование ей предположительно возымеет для удовлетворения интересов *каждого* отдельного индивида, могут быть без какого бы то ни было принуждения приняты *всеми*, до кого она имеет касательство» [18, 179]. Эту же идею иными словами высказывает современный китайский ученый Ван Пин: «Результативность диалога во многом определяется коммуникативными возможностями конкретной культуры, ее готовностью заимствовать и адаптировать чуждый культурный опыт, делиться своим» [8, 68]. Давая историческую оценку культурно-политическому диалогу в «культурном треугольнике» Россия – Китай – Монголия, он подчеркивает его двойственный характер: «С одной стороны, мы не можем этот период культурных отношений [существования СССР. – А. З.] между этими странами назвать полноценным диалогом, так как голос СССР был явно преобладающим...» [8, 71], с другой – «российско-китайско-монгольское трансграничье является пространством, в котором на протяжении веков формировались условия для плодотворного культурного взаимодействия, взаимовлияния и взаимообмена между странами. Этот процесс культурного диалога, обусловленный сложными и противоречивыми межгосударственными отношениями, никогда не был однонаправленным» [8, 73]. На основании этих предварительных утверждений можно сформулировать ряд проблем, связанных с культурно-политическим диалогом в ШОС, и возможными путями их преодоления.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что культурно-политический диалог в рамках ШОС происходит на уровне национальных культур, различающихся по целому ряду признаков, позволяющих их отнести к разным цивилизациям: восточной и западной; христианской, исламской и буддистской; основанным на принципах традиции, модерна и постмодерна. Эти различия создают дополнительные препятствия в его реализации, которые преодолеваются преимущественно политическим путем и в силу этого в значительной (если не определяющей степени) зависят от воли, целей, принципов конкретных политиков («волатильность» которых показывает, в частности, пример взаимодействия России, Украины, Турции, ЕС и США в течение последних двух лет). С другой стороны, именно это создает условия, необходимые для полноценного диалога. Как утверждает М. В. Шалаева, для осуществления диалога культур (и культурно-политического диалога, в равной мере) «обязательным является наличие “Другого” как фактора, позволяющего найти свое место в новой межкультурной конфигурации, основанной на культурном сотрудничестве. Ведь межкультурный диалог не означает стирание границ – напротив, они не только не исчезают, а становятся более рельефными» [20, 77].

Культурно-политический диалог в рамках ШОС – это *трансграничный* диалог, основанный на провозглашенных принципах *толерантности* и взаимного *уважения*, однако, его сложно назвать равноправным, поскольку его участники объективно имеют разный политический и экономический вес, и до сих пор между ними в значительной степени сохраняется инерция недавнего прошлого, когда имел место не диалог, а монолог, в котором в течение десятилетий тон задавал Советский Союз. Да и в настоящее время сам факт, что официальными языками ШОС являются русский и китайский, ставит государства-партнеры в неравное положение к Китаю и России. В силу традиции, сложившейся в годы существования СССР, культурно-политический диалог в рамках ШОС происходит преимущественно на русском языке как языке международного общения. Также, к сожалению, сложно говорить о толерантности и уважении к культурам государств-партнеров по ШОС со стороны не политиков, а рядовых граждан, связанными с их повседневностью: отношением к мигрантам из Средней Азии и Китая в России, отношением к российским туристам за рубежом, отношением к культурам других стран и народов не только как к «другим», но «чужим» и даже «чуждым», что в итоге порождает ксенофобию и национализм. При этом набирает силу и обратный процесс, о котором пока мало говорят – перенос культурно-политического вектора государств Средней Азии с России на Китай. Проявляется это по ряду позиций, прежде всего, культурно-экономического характера (создание совместных предприятий, подготовка специалистов из стран Средней Азии в КНР, открытие Институтов Конфуция при национальных университетах, где первостепенное внимание уделяется изучению китайского языка и китайской культуры, росту понимания Китая и китайской культуры во всем мире, развитию дружеских взаимоотношений Китая с другими странами [16]). В результате Россия все больше утрачивает свои позиции в этом регионе, доставшиеся ей по наследству от СССР, и одновременно углубляются противоречия между Российской Федерацией и Китаем, создающие угрозу для будущего ШОС.

В широком смысле все формы взаимодействия между партнерами по ШОС являются межкультурными, однако, отнесение их к культурно-политическому диалогу было бы методологически ошибочным. Вместе с тем и однозначное разграничение сфер взаимодействия на политическую, экономическую и культурную также было бы неправильным. В первом приближении к культурно-политическому диалогу можно отнести все то, что в той или иной мере способствует «укреплению между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства», как это записано в ст. 1 Хартии ШОС [19]. С другой стороны, основанные на равноправном и открытом диалоге, «доверие, дружба и добрососедство» должны опираться на обеспечение коллективной безопасности (политику) и деловое партнерство (экономику). Таким образом, к культурно-политическому диалогу можно отнести различные формы взаимного ознакомления народов с образцами культуры (науки, искусства, образования, религии и т.д.) государств-партнеров, которые формируют их культурно-цивилизационный образ в сознании населения других стран, способствующий решению как долгосрочных, так и текущих политических задач. То, что в этом

отношении делается достаточно много, бесспорно, но судить об эффективности такой деятельности только лишь по формальным признакам (количеству проведенных мероприятий, числу их участников, охвату зрительской аудитории), конечно нельзя, хотя исследователи оценивают ее, как правило, позитивно. Как утверждает, например, Р. Р. Алиева, «культурное взаимодействие способствовало взаимному духовному обогащению, придавало народам, живущим на пространстве ШОС, чувства открытости, восприимчивости к внешним явлениям и стимулировало партнерство» [1, 84]. Вместе с тем а priori можно предположить, что осведомленность о культурах Китая и России в странах ШОС в целом остается более весомой, чем о культурах других государств-партнеров. То есть, и в этом случае снова наблюдается асимметрия, порождающая неравенство, а значит, и недопонимание между ними.

Из этого закономерно следует, что более интенсивный и эффективный культурно-политический диалог между государствами ШОС должен влиять и на политико-экономическое взаимодействие. С другой стороны, все зависит от их стратегических целей. Если политическое партнерство в сфере коллективной безопасности и экономическое сотрудничество являются для них всего лишь инструментами для решения конкретных задач (борьба с терроризмом, противостояние экономическому давлению со стороны ЕС и США и т.п.), то культурно-политический диалог не является обязательным. Если же речь идет о долгосрочном партнерстве с перспективой создания единого социального, политического, экономического и культурного пространства по образцу ЕС, то без него не обойтись. Другое дело, что эта цель, возможно, недостижима в принципе, по причине глубочайших цивилизационных различий между странами ШОС. В этом случае вся деятельность в этом отношении будет всего лишь политической декларацией, своего рода модным трендом в условиях культурной глобализации. Подобную мысль высказывает ряд экспертов, в частности, начальник Института военной истории Министерства обороны России А.А. Кольтюков, который отмечает, что единственным фактором, обеспечивающим сегодня существование ШОС, является «противодействие американскому военному присутствию в данном регионе, что составляет угрозу безопасности этих стран» [14, 257]. Одновременно с этим сохраняются и расхождения интересов между Россией и Китаем, прежде всего, в экономической сфере, что проявляется в усиливающейся зависимости экономики нашей страны от благосклонности великого восточного соседа [9].

Вместе с тем как представляется, формирование макрорегионов, происходящее в современном мире, примером чему служит и возникновение ШОС, является долговременной тенденцией, которая продлится не одно десятилетие и надолго вперед будет определять мировые и международные процессы. При всей сложности и противоречивости взаимодействий в пространстве ШОС все его участники объединены общей территорией, имеют общие границы и поэтому вынуждены договариваться друг с другом. В этой ситуации культурно-политический диалог становится важнейшим фактором, призванным обеспечить стабильность в таком сложном геополитическом регионе, как Центральная и Восточная Азия. Повышению его эффективности могут служить диверсификация трансграничных культурных практик, реализуемых в государствах-партнерах; более справедливое и продуманное соотношение форм и объемов участия всех членов ШОС в совместных культурных проектах; развитие международного туризма, особенно в республиках Средней Азии, надолго вытесненных из него по причине военно-политической нестабильности; более широкое использование СМИ для создания позитивных образов стран и народов, входящих в ШОС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, Р. Р. Международный диалог в области культуры на пространстве ШОС / Р. Р. Алиева // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. – 2014. – № 4. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 81-88.
2. Балханова, Т. Г. Теоретико-методологические проблемы исследования диалога культур / Т. Г. Балханова // Вестник бурятского государственного университета. – 2009. – Вып. 14. – С. 256-260.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.
4. Библер, В. С. На гранях логики культуры: книга избранных очерков / В. С. Библер. – М., 1997.

5. Библер, В. С. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М., 1991
6. Борисенко, О. А. Политический диалог как вид диалога культур в условиях глобализации: на примере Шанхайской Организации Сотрудничества: дисс... канд. филос. наук / О. А. Борисенко. – Чита, 2011.
7. Борисенко, О. А. Реализация политического диалога как вида диалога культур в деятельности Шанхайской организации сотрудничества / О. А. Борисенко // Политика, государство и право. – 2015. – № 2 // URL: <http://politika.snauka.ru/2015/02/2382>.
8. Ван Пин. Российско-китайско-монгольское трансграничье как пространство межкультурного диалога / Пин Ван // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2015. – № 2. – С. 67-74.
9. Воскресенский, А. Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990-2015) / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика и геополитика. – 2015. – № 1 (18). – С. 32-53.
10. Галкин А. А. Диалог культур как поле социального взаимодействия // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 43 // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kultur-kak-pole-sotsialnogo-vzaimodeystviya>.
11. Диалог между цивилизациями и культурами мира // URL: <http://www.un.org/ru/peace/culture/dialogue.shtml>.
12. Инфо-ШОС. Диалог культур // URL: <http://infoshos.ru/ru/?them=7&page=2>.
13. Конишевский, Д. В. Россия и вызовы глобализации (к вопросу о диалоге культур) / Д. В. Конишевский // Омский научный вестник. – 2009. – № 5 (81). – С. 206-208.
14. Кольтюков, А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона / В. В. Кольтюков // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития : материалы круглого стола. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2008. – С. 257-258.
15. Библер, В. С. Бахтин и философская культура XX в. / В. С. Библер. – М., 2001.
16. Миссия и цель Института Конфуция // URL: <http://www.confuci.irkutsk.ru/institut-konfutsiya-igu/missiya-i-tsel.html>.
17. Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммитов БРИКС и ШОС. 10 июля 2015 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49909>.
18. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001.
19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. Официальный сайт // URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/06/106755.shtml>.
20. Шалаева, М. В. Цивилизационный подход в методологии анализа диалога культур на пространстве СНГ / М. В. Шалаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
21. European Commission: Culture. Supporting Europe's cultural and creative sectors // URL: http://ec.europa.eu/culture/policy/strategic-framework/intercultural-dialogue_en.htm.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толерантность не только как терпимость, а, прежде всего, позитивное взаиморасположение является одним из возможных условий культурно-политического диалога. Как очевидно, он может происходить и в ситуации негативного отношения партнеров друг к другу, неприятия чужих/чуждых культур и политических решений, если они вынужденно оказались в ситуации трансграничья, наплыва мигрантов/беженцев, военных вторжений и т.д. Но когда речь идет о культурно-политическом диалоге партнеров по ШОС, то его по определению должна характеризовать именно толерантность.

Чащина С. И.
S. I. Chaschina

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ, ОСНОВНОЕ, ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

RIGHT TO EDUCATION AS CONSTITUTIONAL, BASIC, NATURAL RIGHT OF MAN

Чащина Светлана Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 89141842991. E-mail: s_chashina@mail.ru

Ms. Svetlana I. Chaschina – PhD in Jurisprudence, Associate professor of Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia, tel. 89141842991. E-mail: s_chashina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме укрепления мира и международной безопасности в целях развития и процветания всех народов, населяющих Землю, потребности в диалоге культур, в консолидации всех здоровых сил планеты. Поэтому построение нового монополярного мира мотивирует необходимость диалога и сосуществования разных народов и цивилизаций, уважения международного права, сохранения культуры народов.

Summary. The article is devoted to the problem of strengthening the world and the international security for development and prosperity of all people occupying the world. The paper also considers needs for dialogue of cultures, for consolidation of all healthy forces of the planet. Therefore, creating a new unipolar world leads to dialogue and coexistence of different people and civilizations, respect of international law, preservation of people culture.

Ключевые слова: интернациональное воспитание, профессиональное образование, иностранные студенты, высокий уровень российской высшей школы.

Key words: international education, professional education, foreign students, high level of the Russian higher school.

УДК 340.11

История обучения иностранных граждан в России насчитывает свыше 150 лет. Начиная в середины XIX столетия университеты Российской империи открывали свои двери для студентов более чем десяти стран мира. Система обучения иностранцев в России имеет свою историю.

Право каждого человека на образование является одним из существенных социальных прав [6]. Это право было впервые закреплено в п. 1 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2] и более серьезно было рассмотрено в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. [2], п. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [3].

Подлинно грандиозные масштабы приток иностранных студентов достиг в советскую эпоху. Уже с 1924 года, пройдя «полосу признания» ведущих стран мира, СССР начал приглашать получать высшее образование представителей самых разных государств. Особенным престижем пользовались военные и инженерные профессии. Так, в советских военных вузах проходило обучение чуть ли не треть кадрового состава армии Третьего Рейха, Италии, Испании, других стран центральной и восточной Европы. Развитию успешных образовательных контактов помешала Вторая мировая война.

После её окончания СССР возобновил и расширил практику обучения иностранных студентов. И на сегодняшний день эта деятельность достигла поистине выдающихся результатов. Свыше

миллиона иностранных граждан более чем ста пятидесяти стран мира окончили в разное время советские и российские вузы по самым различным специальностям. В одном только Израиле трудится около полумиллиона выпускников советских и российских вузов, то есть почти половина от всей планеты. Причём только военные вузы СССР и России начиная с 1943 г. подготовили 450 000 высококвалифицированных специалистов для 93 стран мира. Несколько десятков тысяч зарубежных граждан получили учёные степени кандидата и доктора наук, учёные звания. Это, прежде всего, жители стран Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. Только в арабских странах трудятся более трёхсот тысяч российских выпускников. В ряде стран почти половина всех инженерно-технических работников и более половины учёных составляют выпускники российских учебных заведений.

Этот миллионный отряд выпускников российских вузов включает руководителей различных уровней (президенты стран, премьер-министры, спикеры парламентов, министры, парламентарии, руководство национальных армий), лидеров научных школ, ректоров крупных вузов, известных деятелей культуры и искусства, влиятельных политиков и бизнесменов, словом, элиту творческой интеллигенции. Именно этот жизненный и профессиональный успех тысяч людей, имеющих советские и российские дипломы о высшем образовании, является главным фактом, убеждающим молодёжь со всех уголков планеты из года в год совершать выбор в пользу российских вузов, ибо является зримым свидетельством высокого уровня как в бывшем СССР, так и в современной России. Выпускники своим собственным примером конкретными делами доказывали и доказывают фундаментальность российского образования, одного из передовых в мире [4]. Во все времена считалось, что советский или российский диплом об образовании – это знак высшего качества. Двери российских вузов ежегодно открываются для 90 тысяч человек из более чем 160 стран мира – это студенты, стажёры, повышающие свою квалификацию специалисты [5]. И это число с каждым годом увеличивается. Большинство желающих повысить свою научную и профессиональную квалификацию в России составляют выпускники российских вузов, которые возвращаются в Россию для продолжения образования, повышения квалификации в аспирантуре, докторантуре, на стажировках. Подготовку иностранных граждан общим числом свыше 120 тысяч человек осуществляют ныне свыше 600 российских вузов, причём география этих вузов с каждым годом расширяется [6].

Думается, что во многом своему жизненному успеху и процветанию тысячи выпускников российских вузов обязаны получению в Советском Союзе и в России одного из лучших в мире образования, возможности приобщиться к русской научной школе, культуре, искусству. Для большинства из них пребывание в СССР, России стало больше, чем просто получение знаний. Для многих прожитые в нашей стране годы стали важнейшим этапом на пути формирования личности. И поэтому многие выпускники российских вузов считают Россию своим вторым домом, второй Родиной и продолжают регулярно интересоваться всем, что происходит в России. И, конечно же, большинство выпускников гордятся тем, что они получили образование в великой стране, где наука, техника и культура достигли больших высот. Рост и укрепление позиций выпускников российских вузов в разных странах одновременно способствует укреплению позиций России на международной арене. Поэтому большинство выпускников российских вузов, движимые благодарностью стране, которая дала им «путёвку в жизнь», готовы многое сделать для России, тем более, чем более высокий пост в своей стране они занимают.

Они, как правило, заинтересованы в участии в научных конференциях, проводимых в России, в поддержании тесных связей с российскими вузами с целью повышения уровня знаний по своим специальностям. Люди, закончившие российские вузы, хотели бы регулярно получать материалы о последних достижениях российской науки, знакомиться с современными научными пуб-

ликациями. Очень важным приоритетом для них является возможность повышения квалификации, включающую прохождение стажировок и учебу в аспирантуре и докторантуре. Вместе с тем многие выпускники намерены приглашать в свои страны ведущих российских специалистов для чтения лекций по различным отраслям науки, что служит делу укрепления международных научных связей.

Одновременно те граждане, которые уже получили образование в России и полюбили её, готовы всемерно содействовать укреплению престижа российской высшей школы и усилению интереса молодёжи своей страны к получению образования в России.

Ядром, объединяющим выпускников российских вузов той или иной страны, их авангардом являются национальные ассоциации выпускников, созданные более чем в 70 странах мира. Именно эти организации обеспечивают поддержание контактов с вузами, преподавателями, однокурсниками, а также продолжение обучения в России в той или иной форме. Национальные ассоциации являются той почвой, на которой вырастает мировое движение советских и российских выпускников. Именно национальные ассоциации, совместно с российскими культурными центрами регулярно осуществляют мероприятия по ознакомлению своих народов с Россией, её развитой наукой и богатой культурой, систематически поддерживают рабочие контакты с посольствами России в своих странах. Национальные ассоциации выпускников активно участвуют в процессе продвижения достижений российской высшей школы на международный образовательный рынок. На сегодняшний день функционируют 45 российских центров науки и культуры в 40 странах [7]. Обучение на организуемых ими курсах русского языка может стать первым шагом к получению иностранцами высшего образования в России.

В свою очередь, Россия гордится теми, кому она помогла получить путёвку в профессиональную жизнь, гордится тем, что на протяжении уже полутора веков наша страна щедро делится знаниями и культурой с другими странами, готова у себя высококвалифицированных специалистов в самых различных областях, гордится тем, что приобретённые знания и культура оказались востребованными и позволили сотням тысяч людей не только успешно включиться в экономическую, научную, культурную и государственную деятельность, но зачастую и возглавить её.

Это свидетельствует о том, что научный, культурный потенциал России востребован во всём мире, и наша страна щедро делится им. И то, что к нам едут учиться со всего света, это большая честь и ответственность для России, ибо, обучая зарубежных студентов, мы несём в мир богатство, накопленное русским народом за многие века. По признанию тысяч зарубежных выпускников, учась в России, можно достигнуть самого высокого уровня знаний, основанных на передовых достижениях университетской науки. Многие из них отмечают тот факт, что те, кто получил образование в СССР или России, быстро находят работу на любом интеллектуальном рынке мира. Все другие выпускники, особенно в западных странах, долго ищут работу. Этот факт еще раз свидетельствует об универсальности российского образования.

На протяжении многих десятилетий СССР и Россия тратили и тратят колоссальные средства на образование иностранных граждан, хорошо понимая необходимость для многих стран в кадрах высшей квалификации, которые, вооружившись самыми передовыми знаниями, явились зачастую первыми специалистами в своих странах и стали костяком построения национальных экономик в различных государствах, особенно в тех, которые получили независимость только после Второй мировой войны и где самой большой проблемой экономики постапартеидовского периода был недостаток квалифицированных кадров, особенно в науке и технике. И этот факт на протяжении длительного времени вызывает ответное чувство благодарности и уважения со стороны культурной элиты десяткой народов. В частности, для большинства народов Африки получение качественного

русского образования и овладение русским языком, как языком межнационального общения, стало главной причиной обретения политической и экономической независимости. Многие страны благодаря духовному и интеллектуальному капиталу, приобретённому в СССР, достигли во второй половине прошлого столетия впечатляющих социальных и гуманистических свершений.

Пребывание в СССР и России не только дало возможность молодым африканцам стать прекрасными инженерами, но и вырастило из них талантливых политиков, лидеров молодёжного и женского движений, борцов против системы апартеида и тем самым помогло им в деле прогрессивной реконструкции своих стран. СССР и Россия всегда были сторонниками международной справедливости, стояли на защите угнетённых народов, и в дальнейшем будет защищать право народов на самоопределение, право распоряжаться своими богатствами.

Во время жизни и учёбы в нашем Отечестве иностранные студенты познают богатство и уникальность российской истории и культуры, приобретают друзей на всю жизнь, а, заканчивая учёбу и возвращаясь домой, большинство из них становятся посланниками России в самых отдалённых уголках планеты, неся в себе и с собой её богатейшее культурное и духовное наследие. Этот факт закладывает основы формирования в мировом сообществе образа России как миролюбивого и открытого государства, надёжного и ответственного партнёра в решении глобальных и региональных проблем, как государства, которое играет позитивную роль в восстановлении международной безопасности на основе международного права, справедливости и взаимодействия миролюбивых сил.

Для сотен тысяч людей языком межнационального общения стал русский язык – основа и носитель культуры, концентрация нашего национального духовного богатства – язык Пушкина и Лермонтова, Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, Лобачевского и Вернадского, Павлова и Менделеева, Королёва и Курчатова, язык былин и песен. У большинства выпускников вместе с языком выработан русский менталитет, когда они встречаются в Европе или на другом континенте, то всегда очень рады друг другу, как будто встретились братья, независимо от религиозных и политических убеждений. Почти миллионная армия носителей русского языка на всей планете – это отряд, продвигающий русскую культуру по всему свету, ибо стержнем любой культуры является язык. Укрепление позиций русского языка и русской культуры за рубежом вызывает всё больший интерес мировой общественности к России, её истории и сегодняшней жизни, внешней политике и экономике, способствует формированию объективного восприятия нашей страны как последовательного, предсказуемого и надёжного союзника в противостоянии новым вызовам и угрозам, привлекательного экономического партнёра.

Студенты самых разных стран, живя в России, соприкасаются плечом к плечу, накапливают свой собственный и воспринимают жизненный опыт других студентов, приехавших из стран с различным уровнем развития, что немаловажно – учатся жить в мире, взаимопонимании и дружбе с разными народами. Это общение и взаимодействие помогает глубже понять каждому историю и общие проблемы народов мира. Интернациональное воспитание, полученное в России вместе с качественным профессиональным образованием, дает возможность иностранным студентам после окончания обучения возвращаться на Родину и реализовывать высокий уровень российской высшей школы.

Студенческую среду во все времена отличали дух товарищества, взаимопонимание и взаимопомощь, уважение к культуре других народов. Поэтому сегодня добрые традиции являются хорошей основой для новых международных контактов, для культурных и деловых инициатив, что, несомненно, сближает наши народы.

В этих условиях в молодых и творческих умах студентов крепнет решимость, вернувшись домой, работать ради улучшения жизни своего народа. Занимая более или менее высокое положение в своей стране, выпускники российских вузов имеют возможность доводить до сведения своих правительств и тех организаций, где они трудятся, наиболее острые проблемы межнационального диалога и сотрудничества, справедливости, и тем самым играют важную роль в формировании лучшего мира. Более того, заложенная в студенческие годы крепкая дружба между представителями самых разных народов на всю жизнь становится основой установления прямых культурных и деловых контактов, честного и открытого делового сотрудничества, сближения народов. Во всем мире у каждого народа есть свои особенности, есть собственные правила ведения бизнеса, их необходимо учитывать, выстраивая деловые контакты. Именно в этом неоценимую услугу российским бизнесменам могут оказать выпускники российских вузов.

И прежде всего, бывшие студенты российских вузов являются в своих странах тем отрядом, который формирует готовность местных элит, деловых кругов, культурной общественности сотрудничать с российскими организациями и Россией в целом. Отрадным является тот факт, что большинство выпускников поддерживают постоянную связь с Россией, давшей им образование.

В настоящее время формируется глобальный рынок труда, кроме того, вырабатываются общие подходы и требования к качеству образования, распространяется практика взаимного признания документов [8]. Россия стремится соответствовать этим высоким стандартам, на это, в частности, нацелены подписанные Россией Болонские соглашения. Разумеется, что российская система образования постоянно совершенствуется и стремится соответствовать запросам и интересам иностранных студентов. О высоком уровне российского образования говорят победы наших школьников и студентов на всемирных и международных олимпиадах, растущий спрос на наших специалистов в крупнейших научных, производственных центрах мира [9].

Человечество вступило в XXI в. с грузом серьезных проблем. В мировой политике в последний период проявляются новые, настораживающие тенденции. Во имя укрепления мира и международной безопасности, в целях развития и процветания всех народов, населяющих Землю, необходим диалог культур, необходима консолидация всех здоровых сил планеты.

С 1991 г. в международных отношениях произошли кардинальные изменения [1]. Мир перешёл из состояния равновесия, гарантируемого биполярной системой, в состояние дисбаланса. Поэтому построение нового монополярного мира мотивирует необходимость диалога и сосуществование разных народов и цивилизаций, уважения международного права, сохранение культуры народов. В мире считали, что после распада СССР Россия утратит влияние на ход мировой истории, но расчёты на это оказались недальновидными. Россия всегда занимала и занимает особое место в истории человечества. Являясь евразийской державой с самобытной историей и одной из лучших в мире систем образования, Россия, будучи великой страной, стремится к духовному и гармоничному развитию человека.

Уже много столетий Россия является одним из лидеров мировой науки и культуры и дала миру большое количество шедевров искусства. С 1991 г., после распада СССР, возникла новая система независимых государств, сложилась новая национальная экономика и общественная система России [8]. И это, разумеется, сказалось на системе образования России, на университетах. Причём российская вузовская система не просто выстояла в ходе глобальной трансформации социально-экономической системы страны, но и динамично развивалась все эти годы. В России сохранились лучшие традиции советской высшей школы, и вместе с тем мы постоянно обогащаемся мировым опытом. Свидетельством этого является высокий авторитет наших лучших университетов, естественнонаучных направлений, новых гуманитарных специальностей, растущий

конкурс в наши вузы. И погоня западных компаний за нашими выпускниками, «утечка мозгов», свидетельствуют о том, что российская высшая школа востребована во всём мире [8]. Во всех крупнейших университетах мира преподают тысячи российских профессоров, в современный американский университет сегодня – это место, где русские профессора учат китайских студентов. Её основными принципами являются государственность, всесловность, фундаментальность и интернационализация высшего образования.

Подготовка специалистов для зарубежных стран в образовательных учреждениях является важным направлением в реализации внешнеполитических задач России, определяемых её геополитическими интересами в современном мире.

По прогнозам Национальной комиссии по науке и образованию США через 20-25 лет жители Америки могут стать беспомощными перед требованиями времени по причине слабой естественнонаучной фундаментальной подготовки школьников [9]. А российское образование всегда отличалось высоким уровнем такой подготовки и наша задача – его сохранить и развивать. Именно фундаментальная наука в России всегда была и будет основой университетского образования и тем самым обеспечивает тот факт, что Россия всегда была сильна в области математики, физики, химии, биологии, инженерных наук. В частности, российская школа математики считается одной из лучших в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 дек. 1966 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 1994. – № 12.
2. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право: сб. документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 460-464.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Международное публичное право: сб. документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 464-470.
4. Подкопаев, М. В. Комментарий к Федеральному закону от 19.05.2010 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» / М. В. Подкопаев // Акты и комментарии для бухгалтера. – 2010. – № 12. – С. 33-36.
5. Панкова, О. В. Регистрационный учет граждан по месту пребывания и жительства: законодательство и практика / О. В. Панкова // Административно-правовой статус гражданина / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. – М., 2004. – С. 215.
6. Бакшеева, Ю. Н. Актуальные вопросы правового регулирования привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности в Российской Федерации / Ю. Н. Бакшеева // Миграционное право. – 2013. – № 4. – С. 15-21.
7. Гаврилова, С. О. Трудоустройство иностранных высококвалифицированных специалистов / С. О. Гаврилова // Финансовая газета. – 2011. – № 35. – С. 6-7.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., пересмотренное / под ред. В. Д. Зорькина. – М.: Норма; Инфра-М, 2011.
9. Кочуков, Т. В. Конституционно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации Конституционные основы права собственности на землю / Т. В. Кочуков // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С. 42-45.

Старинов Г. П., Цевелева И. В., Бежкинева Е. Ю.

G. P. Starinov, I. V. Tseveleva, E. J. Bezhkineva

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

FEATURES OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXPERT EXAMINATION IN INVESTIGATING CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Старинов Геннадий Петрович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданско-правовые дисциплины» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)241121. E-mail: gpskms@mail.ru.

Mr. Gennady P. Starinov – PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; 8(4217)241121. E-mail: gpskms@mail.ru.

Цевелева Ирина Вячеславовна – магистр права, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)241121. E-mail: irina@knastu.ru.

Ms. Irina V. Tseveleva – LL.M., PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; 8(4217)241121. E-mail: irina@knastu.ru.

Бежкинева Елена Юрьевна – студентка направления «Юриспруденция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)241121. E-mail: impossebele@mail.ru.

Ms. Elena J. Bezhkineva – student major in Jurisprudence, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; 8(4217)241121. E-mail: impossebele@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблемам назначения и производства судебно-психиатрических экспертиз при расследовании преступлений против жизни и здоровья человека. В статье рассматриваются некоторые проблемы осуществления данных экспертиз и предлагаются пути их решения.

Summary. The article deals with the problems of purpose and carrying on forensic psychiatric expert examination in investigating crimes against human life and health. This article discusses some of the problematic issues of the expert examination data and suggests ways to address data.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, преступление против жизни и здоровья, статус эксперта, акт экспертизы.

Key words: forensic psychiatric expert examination, crime against life and health, expert status, examination certificate.

УДК 340.11

Одной из составляющих процесса расследования преступлений является категория, связанная с риском, или профессиональной ошибкой. Проявления риска при расследовании различны. К ним относятся и риск совершить ошибку в профессиональных действиях, и риск ответственности, а также нравственные, или моральные, риски. В рамках расследования преступлений против жизни и здоровья человека категория риска, или профессиональной ошибки, заслуживает особого внимания, поэтому одной из основных задач следователя, ведущего расследование преступлений, является задача минимизации возможных рисков, связанных с профессиональными действиями и принимаемыми решениями.

Значительный вклад в реализацию задачи по сведению к минимуму рисков при расследовании преступлений против жизни и здоровья человека вносят судебные экспертизы. Особое место среди них занимает судебно-психиатрическая экспертиза, целью которой является выяснение вопросов о невменяемости лица, совершившего криминальные действия.

В ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) понятию невменяемость соответствуют следующие характеристики: неспособность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими во время совершения общественно опасного деяния вследствие хронического психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния.

При анализе работ, посвященных невменяемости, можно выделить две основные составляющие этого понятия: медицинский и юридический критерии.

К медицинскому критерию можно отнести:

- наличие хронического (например, шизофрения) или временного (например, алкогольный психоз) психического расстройства;
- слабоумие (при этом поражается интеллект, что выражается в снижении уровня суждения и критики, представляется невозможным социальное приспособление личности);
- иное болезненное состояние психики, которое нарушает социальную адаптацию, но по своему существу не является болезнью [1].

Юридический критерий возможно представить как влияние психического расстройства на осознание и волевое поведение в момент совершения человеком противоправного деяния.

Принять решение о невменяемости лица в момент совершения криминальных действий и, как следствие, освободить от ответственности может только суд. Основой такого решения суда является заключение судебно-психиатрической экспертизы. Вместе с тем в некоторых юридических исследованиях говорится о том, что судебная практика излишне переоценивает значение заключения судебно-психиатрической экспертизы, тем самым преувеличивается значимость медицинского критерия и в ряде случаев сводится к минимуму юридический критерий.

Как показывает статистика совершения преступлений, за последние годы на территории Российской Федерации все чаще преступления против жизни и здоровья совершаются лицами, страдающими психическими расстройствами. Очевидно, что причина этого явления не только в увеличении числа лиц, страдающих психическими расстройствами, но и в отсутствии качественной, целенаправленной медицинской помощи, а также в медицинской деятельности, направленной на выявление и учет больных психиатрическими заболеваниями. Данный вывод косвенно подтверждает тот факт, что более половины преступлений против жизни и здоровья совершаются весной и осенью, то есть в периоды обострений психиатрических заболеваний. Не менее важен и тот факт, что законодатель усложнил постановку на диспансерный учет в психоневрологические лечебно-профилактические учреждения лиц, имеющих психические патологии.

Основанием для проведения судебно-психиатрической экспертизы служит постановление следственных органов (следователя, дознавателя), определение суда, которые вместе с материалами дела передаются в организацию, производящую судебную экспертизу. Рассмотрим основные проблемы, возникающие при производстве судебно-психиатрических экспертиз в отношении живых лиц.

Так, согласно п. 3 ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) судебно-психиатрическая экспертиза назначается в тех случаях, когда у лиц, осуществляющих расследование по уголовному делу, возникают сомнения по поводу вменяемости субъекта, подозреваемого в совершении преступления, свидетеля, потерпевшего, а также в способности лица, направляемого на экспертизу, защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Также экспертиза должна назначаться в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности детей (младше 14 лет) на предмет выявления наличия у них сексуальной перверзии – педофилии. Если со вторым поводом назначения, как правило, вопросов у следователей не возникает, то в первом случае лицам, ведущим расследование уголовных дел,

на практике достаточно сложно определить потребность в проведении экспертизы, так как они не имеют специальных познаний в психологии и психиатрии. Как вариант решения данной проблемы можно предложить привлекать в качестве консультанта специалиста – психиатра, который, присутствуя на следственных мероприятиях, может определить, имеются ли у лица, в отношении которого планируется проведение экспертизы, психические отклонения, а также специалист – консультант может определить и тип необходимой экспертизы (судебно-психологическая или судебно-психиатрическая). В некоторых случаях консультант может поставить вопрос и о назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

При назначении судебно-психиатрической экспертизы следователь формулирует перечень вопросов на экспертизу и передает необходимые для проведения экспертизы материалы уголовного дела. В данном случае при формулировании вопросов следователи также сталкиваются с проблемами из-за отсутствия знаний в области психиатрии. При формировании материалов дела, направляемых на экспертизу лицам, осуществляющим расследование преступления против жизни и здоровья, следует опираться на Приказ Минздрава России от 12 августа 2003 г. № 401 «Об утверждении отраслевой учетной и отчетной медицинской документации по судебно-психиатрической экспертизе». В данном нормативно-правовом акте приводятся форма и содержание акта судебно-психиатрической экспертизы. Приведенная в приложении к данному приказу Инструкция содержит основные материалы, которые должны присутствовать в заключении судебного эксперта. Следователь должен знать, что в акте судебно-психиатрической экспертизы, в частности, должны быть следующие сведения об исследуемой юридической ситуации:

- материалы дела, которые характеризуют поведение и психическое состояние подэкспертного в период совершения криминальных действий, а именно: показания потерпевших, свидетелей, позволяющие оценить, ориентировался ли подэкспертный в ситуации, месте, времени, мог ли осмысливать и осознавать ситуацию в целом; в случае если криминальные действия совершались группой лиц, то какова была его роль в данных криминальных действиях;
- материалы осмотра места происшествия, описание телесных повреждений жертвы, на основании которых возможно воссоздать реальное поведение подэкспертного в момент совершения криминальных действий;
- динамика показаний и особенности поведения подэкспертного на различных этапах расследования преступления.

Достаточно часто в практике расследования преступлений против жизни и здоровья следователи сталкиваются с симуляцией подозреваемым или обвиняемым психического или соматического заболевания, поэтому проблема сбора и предоставления исчерпывающего объема материалов, характеризующих поведение и состояние лица, направленного на судебно-психиатрическую экспертизу, приобретает особую актуальность. При формировании комплекса материалов, направляемых на судебно-психиатрическую экспертизу, следователь должен знать, что эксперты – психиатры не вправе самостоятельно собирать такие материалы. Данная норма закреплена в Приказе Минздрава России от 30 мая 2005 г. № 370.

Еще одним актуальным вопросом является влияние на эксперта мнения следователя либо иных лиц, участвующих в расследовании. В соответствии с нормативно-правовой регламентацией эксперт, выполняя свои профессиональные обязанности, должен действовать беспристрастно и объективно. С целью исключения влияния посторонних мнений на результат экспертизы можно предложить минимизировать контакт эксперта, производящего судебно-психиатрическую экспертизу, и представителей органов следствия.

В настоящее время в действующем законодательстве остаются вопросы, касающиеся нормативного регулирования правового статуса эксперта. Эксперт – это человек, обладающий специальными познаниями в области проведения экспертизы, в случае судебно-психиатрической экспертизы им должен быть врач-психиатр, но в законодательстве нет требований ни к стажу, ни к квалификации, ни к специализации данного эксперта. Привлечение неквалифицированного эксперта может привести не только к появлению ошибок в заключении экспертизы, но и к освобождению

от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья. Достаточно часто в данном случае назначаются и повторные судебно-психиатрические экспертизы, что сопряжено с дополнительными затратами [2].

Как показывают материалы исследований, посвященных судебно-психиатрической экспертизе, сохраняет свою актуальность проблема поиска процессуальных механизмов, позволяющих исключить влияние на эксперта. Для избежания воздействия на эксперта следует ввести возможность признавать заключение эксперта недопустимым доказательством в тех особенных случаях, когда установлен факт оказания воздействия органами следствия на эксперта [3].

В практике достаточно часто встречаются ситуации, когда в процессе расследования преступления или уже в процессе рассмотрения дела в суде возникают вопросы в оценке заключения эксперта. В настоящее время можно выделить следующие критерии оценки заключения судебно-психиатрической экспертизы:

- независимость и компетентность эксперта, ее осуществляющего;
- объективность и полнота исследований, проводимых с использованием современного состояния знаний в области психиатрии;
- соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы;
- соблюдение прав и свобод человека и гражданина в процессе проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Данные критерии имеют достаточно общий характер, в процессе же практической деятельности лица, участвующие в расследовании или рассмотрении уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья, сталкиваются с трудностями в их применении. В частности, для правильной оценки достоверности заключения судебно-психиатрической экспертизы оценивающим лицам недостаточно знаний в области юриспруденции, которыми они обладают, им требуется междисциплинарные знания в области психиатрии, психологии, логики и теории судебных доказательств [5].

Для решения проблемы оценки заключения судебного эксперта – психиатра можно использовать такую процессуальную форму, как допрос эксперта. В рамках этого процессуального действия следователь или судья могут задать все вопросы, которые у них возникли в ходе оценки заключения эксперта. При необходимости можно привлечь к оценке содержания заключения и консультантов, обладающих необходимыми специальными знаниями.

Вопросы проведения судебно-психиатрических экспертиз в отношении обвиняемых, подозреваемых обсуждаются давно и достаточно обширно в различных кругах, но особенности проведения судебно-психиатрических экспертиз в отношении свидетелей и потерпевших еще недостаточно изучены, так как такие экспертизы назначаются и проводятся крайне редко.

Свидетель является одним из основных участников уголовного процесса, в практике показания свидетелей достаточно часто являются основой доказательств при расследовании уголовных дел по преступлениям против жизни и здоровья. Вместе с тем не исключены случаи, когда свидетелями выступают лица, страдающие психическим заболеванием, достоверность показаний которых вызывает сомнения и может привести к профессиональным и процессуальным ошибкам.

Анализ действующего уголовного законодательства показал, что в нем отсутствует такое основание, как невозможность давать показания свидетелю, страдающему психическим заболеванием. Стоит отдельно подчеркнуть, что УПК РФ не предусматривает проведение судебно-психиатрической экспертизы в отношении свидетелей с целью определения их невменяемости. Вместе с тем в реальной практике по расследованию преступлений против жизни и здоровья достаточно часто встречаются ситуации, когда свидетель, желая оказать полезное обществу, оказывает содействие органам, ведущим расследование, сам при этом является психически нездоровым. В данном случае его показания искажают обстоятельства, имеющие значение для дела, также свидетель может страдать потерей памяти, неадекватно воспринимать, отображать и воспроизводить информацию, имеющую значение для следствия. Криминальная ситуация причинения вреда жизни и здоровью человека сама по себе является психотравмирующим фактором, а когда она воздействует на психически нездоровую или психически нестабильную личность, последствия могут быть непредсказуемы, и к показаниям таких свидетелей следует относиться крайне осторожно [4].

При постановке вопросов для судебно-психиатрической экспертизы в отношении свидетеля (потерпевшего) следует исходить из того, могло ли данное лицо правильно понимать обстоятельства, имеющие значение для дела. Думается, что ставить вопрос о психической вменяемости свидетеля и потерпевшего некорректно, так как данный факт никаких правовых последствий не имеет: ни свидетель, ни потерпевший не привлекаются к уголовной ответственности. В соответствии с положениями ст. 56 УПК РФ свидетель не может быть подвергнут судебной экспертизе принудительно, за исключением случая, закрепленного в ч. 1 ст. 179 УПК РФ, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Однако в исключительных случаях возможно проведение судебно-психиатрической экспертизы в отношении свидетеля или потерпевшего с его согласия, например для выяснения последствий психотравматического воздействия ситуации совершения преступления для их личности и здоровья.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что в настоящее время судебно-психиатрическая экспертиза при проведении расследования преступлений против жизни и здоровья необходима. Достаточно отметить, что она является одним из источников доказательственной информации, на основе которой проверяются ранее полученные доказательства, планируются последующие этапы расследования преступления. При этом существуют и проблемы при ее назначении и производстве, с которыми на практике встречаются лица, осуществляющие расследование преступлений против жизни и здоровья. Большинство проблем возможно решить путем расширения познаний в области психиатрии и психологии следователей и иных лиц, участвующих в расследовании, а также путем привлечения в процесс расследования специалистов в качестве консультантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березанцев, А. Ю. Судебная психиатрия: учеб. для вузов. В 2 т. Т. 1. / А. Ю. Березанцев. – М.: Юрайт, 2015. – 257 с.
2. Дьяконова, О. Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дьяконова Оксана Геннадьевна. – Оренбург, 2008. – 19 с.
3. Исаенко, В. Н. Проблемы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы при проверке сообщения о преступлении / В. Н. Исаенко // Законность. – 2014. – № 2.
4. Маслов, А. В. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз / А. В. Маслов, Е. И. Прониченко, А. А. Теньков // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – 2012. – № 12.
5. Цевелева, И. В. Тактика назначения и производства судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних / И. В. Цевелева // JURIS PRUDENTIA. – 2015. – № 1.

Смоляков В. А., Захарова Т. И.
V. A. Smolyakov, T. I. Zakharova

ИНДОНЕЗИЯ: ОПЫТ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

INDONESIA: THE EXPERIENCE OF TRANSITION TO DEMOCRACY

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, г. Хабаровск). E-mail: smolyakov46@mail.ru.

Mr. Vladimir Al. Smolyakov – doctor of political sciences, professor of the social-humanities department of Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: smolyakov46@mail.ru.

Захарова Татьяна Ивановна – кандидат политических наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, г. Хабаровск). E-mail: tatyanzaharova@mail.ru.

Ms. Tatyana Iv. Zakharova – candidate of political sciences, associate professor of the marketing and advertising department of Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: tatyanzaharova@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема перехода от авторитарного военного режима к демократии в Индонезии. Индонезийское общество является сложным и неоднородным в нескольких отношениях: этническом, религиозном, экономическом. Проблему для политической стабильности создаёт высокая социально-экономическая дифференциация между классами и регионами. Неравенство между регионами усиливает тенденцию к сепаратизму. Значение имеет изучение пока еще уникального в мировом масштабе опыта консолидации демократии в мусульманской по преимуществу стране.

Summary. The paper examines the problem of transition from authoritarian military regime to democracy in Indonesia. Indonesian society is complex and heterogeneous in several respects: the ethnic, religious, economic. The problem for political stability creates a high socio-economic differentiation between classes and regions. Inequality between regions increases the tendency towards separatism. The importance of the study is still unique worldwide experience in the consolidation of democracy in a Muslim country par excellence.

Ключевые слова: Индонезия, партийная система, выборы, президент, Народный консультативный конгресс.

Key words: Indonesia, party system, elections, president, People's Consultative Assembly.

УДК 324

Индонезия – государство Юго-Восточной Азии, расположенное на семнадцати тысячах островах Малайского архипелага. В стране проживает 250 млн человек, она является страной с самым большим количеством мусульманского населения в мире. Религиозный контекст (более 85 % населения идентифицируют себя как мусульмане) является важной составляющей политического развития индонезийского общества.

К началу XXI века в индонезийском обществе практически отсутствовали предпосылки перехода к демократии. Развернувшийся с конца 1997 г. азиатский финансовый кризис полностью обнажил все пороки неэффективного и коррумпированного правления президента Сухарто и подорвал главную опору его легитимности – экономику. По стране прокатилось нескольких волн народных протестов, в итоге 21 мая 1998 г. 78-летний Сухарто ушёл в отставку и передал власть вице-президенту, лоялисту и члену правительственной партии Голкар Хабиби. Затем четыре месяца продолжались переговоры с лидерами оппозиционных партий и военными относительно принципов новой конституции и проведения нефальсифицированных выборов. В результате Хабиби

вынужден был пойти на уступки требованиям оппозиции. Была достигнута договорённость о проведении парламентских выборов в 1999 г. и президентских выборов в 2004 г. Таким образом, процесс демократизации в Индонезии совершился мирным путём, т.е. в форме вызванных кризисом неконвенциональных массовых выступлений «снизу» и заключения компромисса между политическими элитами «наверху». Был открыт путь для становления демократии.

В июне 1999 г. впервые после 1955 г. состоялись свободные многопартийные парламентские выборы, которые проводились по системе пропорционального представительства. Индонезийцы выбирали 462 члена парламента от 48 партий. В результате выборов в Совете народных представителей (нижней палате парламента) оказались представленными все 48 политических партий. Дополнительно 200 человек были назначены от различных регионов и профессий. Еще 38 мест заняли согласно квоте военные.

Важнейшее изменение политической обстановки выразилось в том, что в Индонезии была значительно улучшена ситуация со свободой прессы. Было упразднено Министерство информации, которое при Сухарто отслеживало и контролировало индонезийские СМИ, ограничивало доступ к зарубежным каналам информации. Армия была отстранена от влияния на экономическую жизнь.

Следует отметить, что армия всегда играла доминирующую роль в индонезийском обществе. Согласно концепции *двифунгси* (двойная функция), армия не только защищает от внешнего врага, но и обеспечивает политическую стабильность. Генералы и в этот критический период попытались сыграть роль верховного арбитра, предложив военного на пост вице-президента. Но на выборах в лидерах оказалась Демократическая партия Индонезии (ДПИ) во главе с дочерью первого президента Индонезии Мегавати Сукарнопутри (ДПИ набрала 33,7 % голосов). Вместе с союзными партиями – Партией национального возрождения и Партией национального мандата она набрала в общей сложности 53,5 % голосов. Находившийся под сильным влиянием военных правящий блок Голкар (Организация функциональных групп) получил только 22,4 % голосов [2, 276-278].

Согласно Конституции высший орган законодательной власти Индонезии – Народный консультативный конгресс (НКК), который не является постоянно работающим органом. НКК созывается на сессии не реже, чем раз в пять лет, и состоит из двух палат: Совета народных представителей (СНП) и Совета представителей регионов (СПР). На своих регулярных сессиях он проводит инаугурацию президента и вице-президента и утверждает предложенные президентом основные направления государственного курса на пятилетний срок. Президент несёт ответственность перед НКК, конгресс может объявить ему импичмент, собравшись для этого на внеочередную сессию. В составе НКК последнего созыва 692 депутата. В перерывах между сессиями НКК текущие законодательные функции выполняет Совет народных представителей, фактически представляющий собой постоянно действующий однопалатный парламент [1].

На результаты выборов и на структуру партийной системы оказывает влияние тип избирательной системы. С 1955 г. и до 2002 г. выборы в Индонезии проводились по пропорциональной системе с закрытыми списками (далее – ПП) в многомандатных округах [4, 343]. Большие округа с ПП системой позволяют обеспечить в парламенте представительство даже небольших партий, которые выражают интересы многообразных групп сложносоставного индонезийского общества. Сравнительный политологический анализ показывает, что среди стран Юго-Восточной Азии Индонезия находится на первом месте по степени пропорционального представительства интересов избирателей:

- высокая степень пропорциональности: 1) Индонезия, 2) Филиппины, 3) Таиланд;
- средняя степень пропорциональности: Камбоджа;
- высокая диспропорциональность: 1) Малайзия, 2) Сингапур.

Соответственно, *индекс репрезентативности* выборов в стране составляет 95,30-98,50, в Малайзии – 77,77, в Сингапуре – 73,01 [3, 80-85].

Следует отметить, что большинство стран Восточной Азии в последние годы отказались от ПП вследствие того, что она ведёт к партийной фрагментации и формированию нестабильных правительств. Индекс фрагментированности партийных систем в странах Юго-Восточной Азии

демонстрирует, что Индонезия по данному показателю занимает первое место. При этом, по мнению ряда специалистов, количество эффективных партий в Индонезии составляет – 5,05; на Филиппинах – 3,99; в Камбодже – 2,81; в Малайзии – 2,40; в Сингапуре – 1,96 [4, 334].

Для того чтобы оградить парламент от разрастающегося количества мелких партий, в Индонезии, как и во всех других странах, практикующих ПП систему, после реформы 2002 г. установили правило открытых списков, что позволило избирателям голосовать против неугодных кандидатов. Установлен минимальный порог для участия в распределении мандатов, который составляет 3,5 %. Закон о выборах также существенно сузил право партий на участие в выборах такими нормами, как наличие необходимого процента округов, в которых созданы партийные организации, получение минимального количества подписей избирателей и ряда др.

В результате удалось преодолеть негативную тенденцию политической жизни Индонезии – усиление раздробленности политических сил между большим количеством партий, каждая из которых не может заручиться достаточной поддержкой избирателей. Выборы в Совет народных представителей (нижнюю палату парламента), состоявшиеся в 2004, 2009 и 2014 гг., продемонстрировали сокращение числа партий, получающих представительство в парламенте. Динамика участия партий в выборах составила:

- в 2004 г. в общенациональных выборах приняли участие 24 партии, из них завоевали места в парламенте 16;
- в 2009 г. в выборах участвовали 38 партий, из них получили представительство в парламенте 9 и, соответственно, они сформировали 9 фракций (см. табл. 1).
- в 2014 г. в выборах приняли участие 12 партий, из них получили места в парламенте 9 [6].

Таблица 1

Партийный состав Совета национальных представителей Индонезии
после выборов 2014 г. [6]

Фракция	Полученных голосов, %	Мест в парламенте	Мест в парламенте, %
Демократическая партия борьбы Индонезии	18,95	109	19,46
Партия «Голкар»	14,75	91	16,25
Партия «Движение за великую Индонезию»	11,81	73	13,04
Демократическая партия	10,19	61	10,89
Партия национального мандата	7,59	49	8,75
Партия национального пробуждения	9,04	47	8,39
Партия справедливости и процветания	6,79	40	7,14
Объединенная партия развития	6,53	39	6,96
Насдем партия (новая партия)	6,72	35	6,25
Партия народного согласия	5,26	16	2,86
Всего	100	560	100

Существенным фактором, который влияет на политическую жизнь Индонезии, является действующая в стране президентская система правления. Ее особенностью является то, что выборы президента происходят при существенном влиянии партий, которые представлены в парламенте. В соответствии с Конституцией, кандидат на пост президента должен заручиться поддержкой партий, имеющих в парламенте не менее 20 % мест и получивших минимум 25 % голосов избирателей [7, 246-248]. Поскольку на практике ни одна из партий не способна выдвинуть кандидата в президенты самостоятельно, закономерно возникают многопартийные коалиции. На президентских

выборах в июле 2014 г. кандидатов номинировали две коалиции партий: «большинства» – блок кандидата Субиан Прабово, составленный из семи партий (в сумме получивших на последних выборах 59,12 % голосов); «меньшинства» – пятипартийный блок Джокови Видодо, заручившийся на парламентских выборах поддержкой 40,88 % голосов. Победу одержал Д. Видодо – 53,15 % против 46,85 % у С. Прабово [8].

Опираясь на методологию анализа партийных систем Дж. Сартори, можно сделать вывод, что партийная система Индонезии относится к типу крайне многопартийных или крайнего плюрализма, поскольку число эффективных партий превышает пять. Эта система фрагментарна и состоит из аморфных в организационном отношении партий. Ее фрагментация заключается в том, что ни одна партия не может претендовать на доминирующую роль в парламенте.

Несмотря на достигнутые успехи, демократическая Индонезия сталкивается с острыми проблемами, среди которых можно отметить такие, как низкий жизненный уровень, политическое вмешательство в судебные дела, коррупция, nepotизм, неравенство между регионами, нарушение прав этнических и религиозных меньшинств, сепаратизм. В последние годы наблюдается тенденция к повышению политической роли исламских партий. Об этом говорят итоги выборов: если в 2009 г. четыре исламские партии получили 24 % голосов, то в 2014 г. – почти 30 %, что позволяет этим партиям как формировать своё правительство, так и препятствовать формированию правительства другими партиями. В связи с этим эксперты делают вывод, что Индонезия становится всё более религиозной. Почти 20 % парламентариев называют себя мусульманскими политиками [9, 12-16].

Новый режим существует немногим более полутора десятков лет и демонстрирует, что демократия вполне может работать в неоднородных и бедных странах. «Индонезийский парадокс» означает, что страна не вписывается в логику рассуждений об экономических предпосылках и других необходимых условиях демократизации. Процессы становления политической системы в Индонезии имеют свои особенности. Во-первых, она отличается от других демократических государств низким уровнем жизни; во-вторых, ислам является в этом обществе доминирующей религией.

Со времени мирной демократической революции уже четыре раза прошли выборы в парламент. Это доказывает, что «демократические правила игры» в этом обществе хорошо укоренились. Тем не менее политическая система не может быть признана вполне стабильной и демократически развитой. Успех демократической консолидации определяется тремя моментами: во-первых, длительностью существования демократических институтов, благодаря чему они становятся привычными для большинства граждан; во-вторых, эффективностью государственного управления, его способностью откликаться на потребности граждан, осуществляя обратную связь с обществом; в-третьих, наличием политической культуры терпимости, светской рациональности, ценности личной свободы.

В стране отмечается высокий уровень коррупции, которая нанесла в 2011 г. ущерб обществу на 238 млн долл. [10]. Патриархальная политическая культура, экономическое неравенство между социальными группами и регионами и власть местных богатых семейств (особенно на муниципальном уровне) ослабляют демократические институты. Можно отметить и слабость правовой системы Индонезии, которая находится под контролем элит и не способна осуществлять принцип верховенства права [5, 298].

В целом индонезийский эксперимент показывает, что демократия может функционировать в неоднородных обществах с низким уровнем экономического развития и умеренным исламом в качестве доминирующей религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индонезия [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. Печерица, В. Ф. Политические партии стран Азиатско-Тихоокеанского региона / В. Ф. Печерица. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.
3. Смоляков, В. А. Политическое развитие стран Восточной Азии / В. А. Смоляков, Т. И. Захарова. – Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2016.

4. Croissant, A. Conclusion: Electoral Politics in Southeast. The Friedrich-Ebert-Stiftung / A. Croissant. – Asia, 2002.
5. Davidson, J. Dilemmas of democratic consolidation in Indonesia / J. Davidson // Pacific Review. 2009. № 3.
6. Indonesia. Legislative Election 2014 // URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Indonesian_legislative_election,_2014.
7. Indrayana, D. Indonesia Optimis / D. Indrayana. – Jakarta: Bhuana Ilmu Populer, 2011.
8. Jennett G. Indonesia elections: Joko ‘Jokowi’ Widodo confirmed as next president after official results released / G. Jennett // ABC News. 2014. 23 July.
9. Schonhardt, S. Quake-Prone Indonesia Debates Going Nuclear / S. Schonhardt // The Wall Post Journal. – 2014. – № 2.
10. Sihite E. Corruption Costs Indonesia \$238 mln in 2011 / E. Sihite // Jakarta Mail. 2012. 30 January.

Кизиль Е. В.
E. V. Kizil'

**РАЗВИТИЕ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

**DEVELOPMENT AND INNOVATIVE POTENTIAL OF MUNICIPAL
SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS**

Кизиль Елена Витальевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, 89141794220. E-mail: kizil_ev@mail.ru

Ms. Elena V. Kizil' – candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department «Economics and Finance», Komsomolski-on-Amur state technical University, Komsomolsk-on-Amur, St. Lenina, 27, Russia, 89141794220. E-mail: kizil_ev@mail.ru

Аннотация. Взаимосвязь потенциала развития и нововведений имеет под собой глубокую философско-познавательную основу, опирающуюся на модели распространения инноваций, имеющих особое значение для местных сообществ. Потенциал развития локальной социально-экономической системы, представленный в виде совокупности инвестиционно-предпринимательской, бюджетно-имущественной и институциональной составляющих, имеет в своем составе инновационную компоненту, содержащуюся в каждой из перечисленных элементов. Ее доля в комплексном потенциале развития определяет опорный каркас возможностей системы, соответствующий оптимальному использованию ограниченных ресурсов муниципального образования. В работе приводятся методические подходы к оценке инновационной составляющей потенциала развития и намечаются пути дальнейших научных исследований в направлении ее количественного определения.

Summary. The relationship between capacity development and innovation has deep philosophical and cognitive basis, based on the model of diffusion of innovation of particular significance for local communities. The potential for the development of the local socio-economic system, represented as a set of investment-entrepreneurial, fiscal and property and institutional components, incorporates innovative component contained in each of the listed items. Its share in the combined development potential defines the reference frame of the system capacity corresponding to optimal use of limited resources of the municipality. The paper presents methodical approaches to the assessment of the innovative component of capacity development and outlines the further research in the direction of its quantitative determination.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, потенциал развития, методическая оценка потенциала развития.

Key words: innovations, innovative activity, development potential, methodological assessment of development potential.

УДК 332.1

Источники развития социально-экономических систем, на наш взгляд, являются предпосылками инновационного восприятия внутренней и внешней окружающей среды местного сообщества. Это рассматривается нами через призму отношений как внутри, так и вне системы, учитывающих естественную потребность в улучшениях социально-экономического организма, которым можно представить местное сообщество. Инновационность восприятия при этом адекватна требованию глубоких изменений окружающей среды, которые будут тем глубже, чем сильнее отклоняется система от прежней траектории развития [9]. Рассмотрение местного сообщества в контексте некоторого пространства, внутри которого протекают деятельные процессы, позволяет

трактовать политику развития как направленность на совершенствование этих процессов [8]. Новшества и нововведения оказывают решающее воздействие не только на общественное развитие в целом, но и на отдельные производственно-хозяйственные процессы на макро- и микроэкономическом уровнях [9]. Следовательно, задающий импульс развитию, улучшающему производственную базу системы, посылают именно они. В свою очередь, инновации требуют для своего внедрения соответствующую инфраструктуру, которая должна удовлетворять комплексу организационно-технических изменений, реорганизации производства и т.д. [7]. Такое взаимообразное влияние только усиливает потребность системы в развитии. Согласуется с нашими рассуждениями и теория диффузии инноваций, опирающаяся на внутренний принцип их распространения как внутри системы, так и от одной системы к другой. По мнению А. Грублера, «инновационная деятельность создает потенциал для изменений», диффузия же инноваций «преобразует этот потенциал в изменения социальной практики» [7, 180]. В этой связи стоит упомянуть типологию диффузии инноваций Д. Шона, основанную на существовании двух моделей распространения нововведений: «центр-периферия», которая предполагает ведущую роль центра в процессе стимулирования инновационной деятельности, и «модель размножения центров», расставляющую приоритет на децентрализации и локализации продвижения инноваций [10]. Именно последняя предопределяет роль местного сообщества в качестве движущей силы, которая заинтересована в культивировании инновационных преобразований. В условиях ограниченности ресурсов, удаленности от центральных областей единственным выходом периферийных регионов становятся интенсификация хозяйственных процессов, сосредоточение на поддержке наиболее эффективных производств. Без инновационного мышления и адекватной способности видеть и воспринимать окружающую среду определенным образом это сделать трудно. В связи с этим модели типологии развития социально-экономических систем представляются, в основном, в философско-познавательном концепте. Итак, чтобы системы развивались, необходимы определенные условия, основанные на рассмотрении инноваций и инновационных процессов и как источника, и как цели существования системы. При этом недостаточно позиционировать систему только как отвечающую на вызовы окружения (реактивные инновации), но и как планирующую инновации (стратегические инновации) [4].

Следует сделать несколько важных замечаний относительно инновационной составляющей потенциала развития локальной социально-экономической системы, уровень которой в каждом из его компонентов определяется степенью подготовленности инфраструктуры для нововведений, а также ресурсными возможностями территории, сконцентрированными в совокупном потенциале развития. Доля инновационной составляющей в инвестиционно-предпринимательской, имущественно-бюджетной и институциональной частей потенциала развития, как нам видится, суммарно должна определить тот необходимый количественный уровень инновационного потенциала, который будет адекватен действию компонентов потенциалов в части их инновационного объема при полном вовлечении каждой из них в хозяйственные процессы территории (см. рис. 1).

Взаимосвязь комплексного потенциала развития системы с инновационным потенциалом является очевидной. Он рассматривается как часть общего потенциала развития системы. В качестве аргументации можно привести ряд суждений о сущности и понятии данного экономического явления.

Так, Д. О. Белов склоняется к тому, что «инновационный потенциал региона является элементом экономического потенциала, отражающего возможность развития территории» [1, 9]. И. Л. Туккель представляет инновационный потенциал совокупностью «кадровых, материально-технических, информационных и финансовых ресурсов, обслуживаемых определенной инфраструктурой», причем роль инновационного потенциала связывается «с реализацией нововведений» [9, 28]. Г. И. Жицу инновационный потенциал видится «как динамическая характеристика, отражающая движение ... системы (предприятия, организации, или более сложного образования) по траектории развития, и ориентируется на оценку ее места в окружающей среде относительно той или иной базы сравнения» [5, 76].

Так как развитию свойственны инновационные изменения, это дает право инновационное развитие муниципального образования определить «как управляемый процесс изменений в раз-

личных сферах жизнедеятельности муниципального образования, основанный на развитии наукоемких отраслей, широком внедрении новшеств, использовании существующих возможностей, реализация которых требует применения новых методов и технологий, направленных на достижение высокого качества жизни населения» [6, 9]. Таким образом, способствуют развитию системы как нововведения, которые являются результатом реализации инновационного потенциала, так и наиболее полного вовлечения в хозяйственный оборот ресурсных возможностей системы (см. рис. 2).

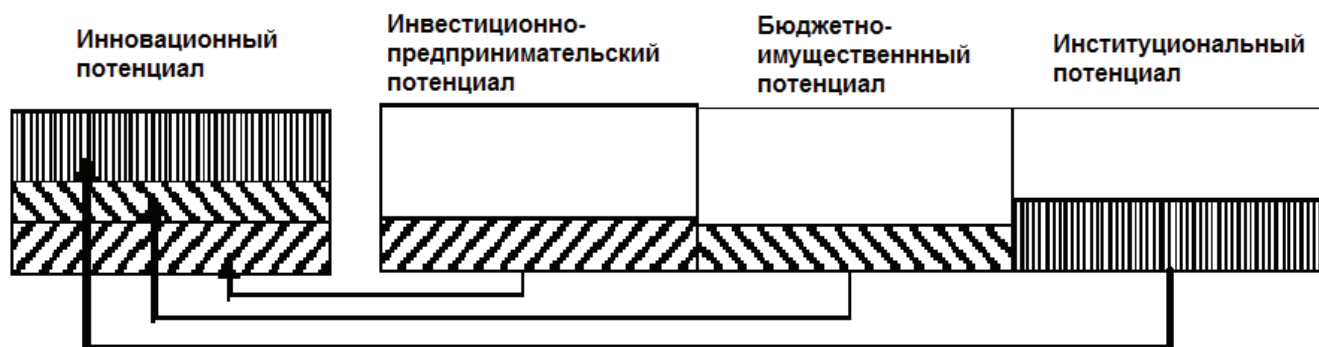

Рис. 1. Представление инновационного потенциала развития системы

Другими словами, развивающиеся системы – это системы, способные к наиболее полной мобилизации комплексного потенциала развития, одной из составляющих которого является инновационная компонента:

«потенциал развития» «развитие системы» «нововведение»

Итак, инновационный потенциал, являясь частью комплексного потенциала развития, наполняется за счет составляющих потенциала благодаря присутствию его в каждой из трех компонент (см. рис. 1). Он «зреет» в недрах породившей его ресурсно-инфраструктурной базы возможностей системы и в наибольшей степени способствует ее развитию. Следовательно, «опорный» потенциал муниципального образования представляет собой каркас возможностей системы, основанных на использовании инновационной части совокупного потенциала, которая соответствует оптимальному ресурсному потреблению. В этой связи, следуя рассуждениям Г. И. Жица, инновационный потенциал – это совокупность ресурсов, которые система может использовать для своего инновационного развития, и одновременно ее способность с помощью них получить определенный результат в перспективе [4].

Методическая оценка инновационного потенциала основывается на системном и комплексном подходах, рассматривающих объект исследования как систему, что требует от субъектов сбалансированного использования ресурсов для ведения инновационной деятельности.

Воспользовавшись методикой оценки структуры потенциала, изложенной в работе В. Г. Беломестнова [2], а также опираясь на собственное представление о количественных пропорциях инновационной составляющей потенциала развития (см. рис. 1), интегральная оценка инновационного потенциала локальной социально-экономической системы может быть определена следующим образом:

$$I = a_i * (b_i * ИП) + a_j * (b_j * ИБ) + a_k * (b_k * И),$$

где b_i, b_j, b_k – вес инвестиционно-предпринимательской (ИП), имущественно-бюджетной (ИБ), институциональной (И) составляющих потенциала развития муниципального образования в его общей оценке соответственно; a_i, a_j, a_k – доли инновационной составляющей в конкретной компоненте комплексного потенциала развития муниципального образования.

При этом $a_i + a_j + a_k = 1$; $b_i + b_j + b_k = 1$.

Большинство методов оценки инновационного потенциала сводится к определению вклада

соответствующей отрасли (предприятий) региона в его развитие и последующему ранжированию регионов в соответствии с присвоенным рейтингом. Мы предлагаем на основе метода балльных оценок, заключающегося в определении коэффициентов значимости показателей потенциала развития с помощью экспертных оценок, оценить степень влияния инновационной доли в каждой из составляющих потенциала развития на совокупный потенциал развития муниципального образования. В качестве исходных данных могут быть взяты показатели инвестиционно-предпринимательского, имущественно-бюджетного и институционального потенциала одного из муниципальных районов края. Дальнейшие исследования будут идти в направлении оптимизации и определения возможности взаимозамещения составляющих потенциала развития в их интеграции с инновационной компонентой.

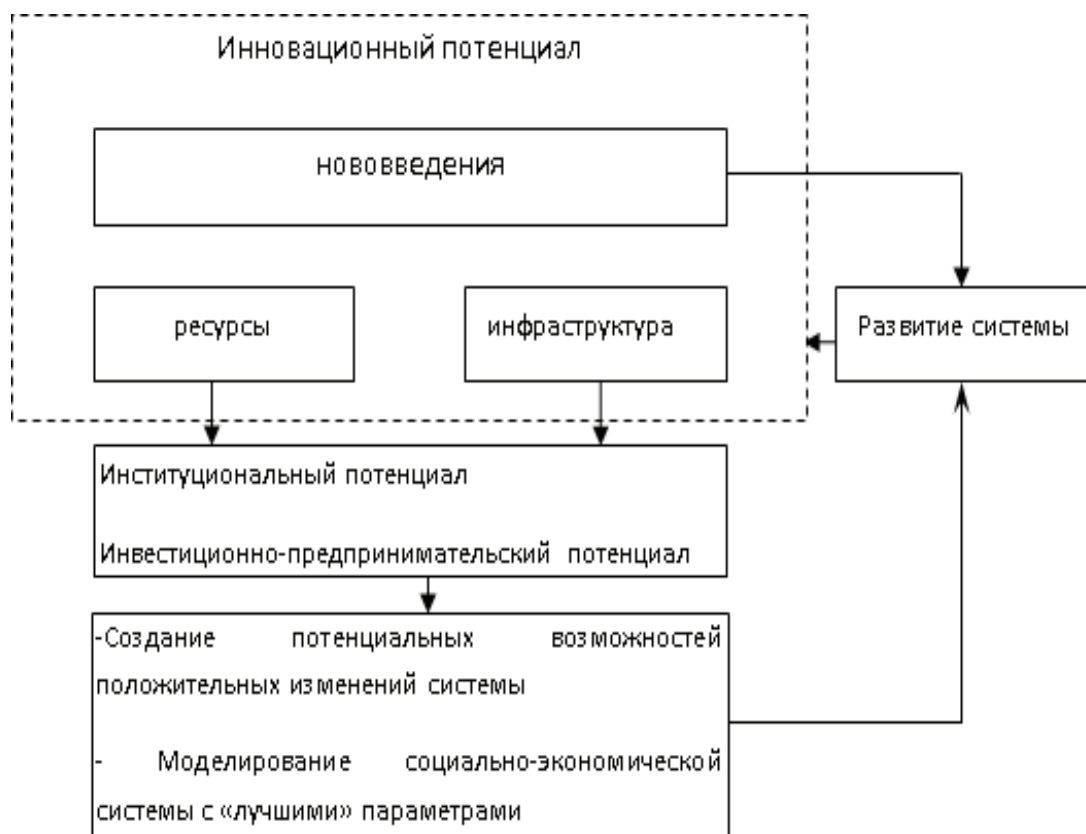

Рис. 2. Интеграция инновационного потенциала и комплексного потенциала развития системы

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, Д. О. Управление потенциалом региональной инновационной подсистемы на основе механизма посредничества: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Д. О. Белов. – Улан-Уде, 2013. – 22 с.
2. Беломестнов, В. Г. Управление потенциалом социально-экономических систем региона / В. Г. Беломестнов. – СПб., 2005. – 161 с.
3. Егорова, С. Е. Инновационный потенциал региона: сущность, содержание, оценки / С. Е. Егорова, Н. Г. Кулакова // Вестник ПсковГУ. Серия «Экономические науки». – 2014. – № 4. – С. 54-67. – Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wet04/wet04_05.pdf
4. Жиц, Г. И. Некоторые рассуждения о методологии оценки инновационного потенциала социально-экономических систем различного уровня сложности / Г. И. Жиц // Инновации. – 2008. – № 87 (117). – С. 69-73.

5. Жиц Г. И. Способности по реализации возможностей: продолжение рассуждений о методологии оценки инновационного потенциала социально-экономических систем различного уровня сложности / Г. И. Жиц // *Инновации*. – 2008. – № 8 (118). – С. 75-78.
6. Милькина, И. В. Управление инновационным развитием: автореф. дис. ... канд. экон. наук / И. В. Милькина. – М.: Изд-во государственного университета управления, 2006. – 22 с.
7. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высших учебных заведений / Ю. М. Плотинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
8. Теории местного экономического развития: учеб. пособие / Ю. В. Филиппов, Т. Т. Авдеева, Т. Г. Лаврова. – М.: КНОРУС, 2013. – 102 с.
9. Экономика и финансовое обеспечение инновационной деятельности: учеб. пособие / И. Л. Туккель, С. Н. Яшин, Е. В. Кошелев, С. А. Макаров. – СПб.: БХВ-Петербург, 2011. – 240 с.
10. Schon, D. *Beyond the State* / D. N. Schon. – N.Y.: Norton, 1971.

Уварова С. С., Сизова Е. И.
Uvarova S. S., Sizova E. I.

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ**

STRATEGIC ASPECTS OF INNOVATION ACTIVITY AT CONSTRUCTION ENTERPRISES

Уварова Светлана Сергеевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и основ предпринимательства Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, Воронеж). E-mail: suvarova@vgasu.vrn.ru.

Ms. Uvarova S. Svetlana - D.Sc. of Economics, Professor, Department of Economics and Business Fundamentals, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia, Voronezh). E-mail: suvarova@vgasu.vrn.ru.

Сизова Евгения Игоревна – аспирант кафедры экономики и основ предпринимательства Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, Воронеж). E-mail: sizova@vgasu.vrn.ru.

Ms. Sizova I Evgenia - Post-graduate, Department of Economics and Business Fundamentals, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (Russia, Voronezh). E-mail: sizova@vgasu.vrn.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены характерные особенности инновационной деятельности в строительстве, а также причины, обуславливающие специфику инновационных строительных процессов. Выделены задачи стратегического управления инновациями и преимущества стратегического планирования инноваций в строительных организациях.

Summary. The article considers characteristics of innovation in construction and reasons that cause differences in innovative construction processes. In the article, problems of strategic management innovations and advantages of strategic planning of innovation in construction organizations are singled out.

Ключевые слова: инновации в строительстве, управление инновациями, инновационная стратегия.

Key words: innovations in construction, management innovation, innovation strategy.

УДК 001.895:69.003

Строительство традиционно считают одной из наиболее консервативных отраслей применительно к инновационной деятельности. Отчасти это обусловлено тем, что инновационная деятельность в строительстве имеет ярко выраженную специфику, исходящую в первую очередь из особенностей технологических процессов строительства, а также механизмов взаимодействия между участниками, начиная от проектирования и инженерно-изыскательских работ и заканчивая эксплуатацией построенного объекта. Эта специфика накладывает существенные ограничения на широко применяемый в условиях других видов деятельности инструментарий и создает потребность в разработке ориентированных инновационных инструментов, соответствующих требованиям конкретной отрасли.

Одним из основных источников воздействия на инновационную деятельность предприятий является государство. Оно влияет на развитие инноваций посредством создания законодательной базы в области инновационной деятельности, создания государственных организаций, отвечающих за разработку и внедрение инноваций, а также вводит налоговые и иные экономические стимулы для хозяйствующих субъектов, занимающихся инновациями.

В строительстве, помимо инновационной политики, со стороны государства и уполномоченных органов на процессы разработки и внедрения инноваций воздействует система норм, положений, правил, методических указаний и стандартов в области строительства. В первую очередь они предъявляют требования безопасности процессов строительства и эксплуатации объектов и требования по охране окружающей среды. Однако ряд документов, регламентирующих

строительную деятельность, был разработан еще в 80-90-х годах и не соответствует современному уровню развития науки и техники, что существенно осложняет внедрение инновационных разработок.

Состояние материально-технической базы строительства также непосредственно влияет на успешность инновационной деятельности строительных предприятий. От наличия производственных мощностей, состояния инфраструктуры, уровня автоматизации и компьютеризации работ, обеспеченности строительными материалами, современной строительной техникой и оборудованием зависит эффективность реализации инноваций.

Особое внимание в строительной области в настоящий момент уделяется «зелёным» технологиям, энергоэффективным и ресурсосберегающим инновациям. Это обусловлено, в том числе, сезонностью и сильной зависимостью от климатических факторов, оказывающих влияние как на технологические процессы строительства, так и на эксплуатацию построенных объектов. Так, например, в зимних условиях выполнение ряда строительных работ (работ с материалами и изделиями, требующими особого температурного режима, грунтовых работ и т.д.) может привести как к существенному повышению трудоемкости и энергоемкости, так и к коренному изменению самой технологии производства работ вплоть до невозможности выполнения работ при недостаточном уровне развития производственных сил. Это приводит к необходимости разработки и внедрения новых способов и методов осуществления работ, разработке новых материалов и конструкций с учетом условий внешней среды.

Влияние особых климатических условий касается также и процесса эксплуатации готового объекта строительной отрасли вне зависимости от его назначения. Из года в год к ним предъявляются все более высокие требования долговечности и устойчивости под воздействием деструктивных факторов внешней среды, напрямую зависящие от свойств строительных материалов (морозостойкость, гигроскопичность, теплопроводность, коррозионная стойкость и т.д.) и особенностей применяемых технологий. Поэтому строительные организации вынуждены постоянно осуществлять научные разработки, направленные на улучшение эксплуатационных качеств готовых объектов [5].

В силу специфики строительства управление инновационными процессами должно соответствовать характеру основной функциональной деятельности организации. Управление инновационной деятельностью можно разделить по масштабу влияния и длительности последствий на стратегическое управление и тактическое. В рамках текущей деятельности строительного предприятия к стратегическим будут относиться мероприятия по организации и управлению инновационной деятельностью на протяжении всего жизненного цикла, а также инновационные мероприятия, касающиеся предприятия в целом или основных подсистем. К тактическим управляющим воздействиям, направленным на повышение эффективности инновационной деятельности, относятся мероприятия, направленные непосредственно на реализацию инновационной стратегии предприятия, затрагивающие отдельные части его инновационной стратегии или блоки, элементы подсистем инновационных процессов в течение относительно короткого промежутка времени или небольшой части этапа жизненного цикла [1].

Задачами стратегического управления инновациями на строительном предприятии являются:

- определение общего вектора инновационного развития строительного предприятия;
- выделение перспективных инновационных проектов и встраивание их в инновационную и производственную деятельность и определение роли каждого проекта с помощью системы стратегического планирования;
- прогнозирование изменений инновационной системы и отдельных её элементов на макро- и микроуровне посредством использования стратегических инструментов;
- обеспечение гибкости и адаптивности, устойчивости инновационной системы предприятия под воздействием деструктивных факторов;
- формирование системы целевых индикаторов инновационного развития предприятия по ключевым направлениям деятельности и контроль за их исполнением;
- сглаживание неравномерности развития элементов и подсистем инновационно-активного предприятия и определение их временных характеристик [2; 3].

Стратегическое управление затрудняется сложностью прогнозирования ввиду нестабильности внешней среды функционирования строительного предприятия, высокой степенью риска, а также во многом – субъективностью оценки. Однако именно стратегическое управление инновациями позволяет достичь существенного повышения эффективности инновационной деятельности, так как, помимо прямого эффекта, выраженного в достижении конкурентных преимуществ и генерирования прибыли, в долгосрочной перспективе у предприятия «накапливаются» дополнительные преимущества. Среди них можно выделить:

1) накопление знаний. Формирование базы предприятия создает своего рода фундамент как для будущих инновационных проектов, так и для принятия стратегических и оперативных управленческих решений в любой сфере деятельности;

2) повышение жизнестойкости организаций. Благодаря привлекательности возможности работы в развивающейся инновационной организации с точки зрения сотрудников, у фирмы есть возможность привлекать лучших специалистов и при этом затрачивать меньше средств на их удержание;

3) усиление экосистемы. Инновационные компании могут создавать прочные экосистемы, состоящие из партнерских и иных связанных с ними организаций, что дает им ряд преимуществ от такого рода взаимодействия;

4) упрочение позиций бренда. Благодаря способности инноваций усиливать бренд происходит привлечение новых клиентов, предоставляя возможность маневра для ценовой политики предприятия [4; 6].

Возрастающая потребность в совершенствовании процессов стратегического управления в области инноваций в строительной отрасли обусловлена возрастающими темпами развития техники и технологии и усилением экономических взаимосвязей между участниками процесса строительства. Повышение внимания к инновациям и сопутствующим им информационным и финансовым потоками обусловило основные требования к новым формам и методам, связанным с пересмотром парадигмы управления в рамках строительных компаний. В связи с этим решение проблем управления инновационной деятельностью в строительстве на основе современных методов приобретает особую важность. Повышение эффективности за счет внедрения в структуру элементов инновационного подхода приводит к рационализации деятельности строительных компаний.

Для успешной реализации инновационного потенциала на долгосрочную перспективу строительное предприятие должно активно использовать современные информационные технологии сбора, обработки и анализа информации о проектах, знаниях, методах и моделях, инновационных решениях мирового уровня. Не менее важно для стратегического управления формирование системы подготовки специалистов в области инноваций и развитие системы правовой охраны результатов инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глущенко, И. И. Формирование инновационной политики и стратегии предприятия / И. И. Глущенко. – М.: АПК и ППРО, 2009. – 128 с.
2. Свиридова, С. В. Инновационное развитие предприятий и комплексов: моногр. / С. В. Свиридова. – Воронеж: ФГБОУ ВПО ВГТУ, 2011. – 222 с.
3. Сизова, Е. И. Анализ инновационной активности предприятий в зависимости от их величины / Е. И. Сизова // Новое слово в науке и практике: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2014. – С. 149-150.
4. Сизова, Е. И. Инновационный потенциал крупных предприятий / Е. И. Сизова // Актуальные проблемы социально-экономических исследований: сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала, 2015. – С. 62-63.
5. Сизова, Е. И. Ключевые направления инновационной деятельности в строительстве / Е. И. Сизова, Ю. С. Шульженко // Стратегии устойчивого развития национальной и мировой экономики: сб. стат. междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2015. – С. 138-141.
6. Эндрю, Дж. П. Возврат на инновации: практ. рук. по управлению инновациями в бизнесе / Джеймс П. Эндрю, Гарольд Л. Сиркин. – Минск: Гревцов Паблишер, 2008. – 304 с.

Бурдакова Г. И.
G. I. Burdakova

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ В РАМКАХ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR WITHIN THE PRIORITY SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AREA

Бурдакова Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: galinabu@rambler.ru

Ms. Galina I. Burdakova – PhD in Economics, Assistant Professor of management and organization of industrial production, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: galinabu@rambler.ru

Аннотация. Интенсивное, или, как сегодня принято говорить, опережающее, экономическое развитие Дальневосточного региона исторически осуществлялось в связи с возникающими на востоке России вызовами и угрозами. На современном этапе стоит задача встраивания экономики России в глобальное международное разделение труда в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это возможно посредством создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – особых зон, на которых будет создана привлекательная инвестиционная среда. К настоящему времени на Дальнем Востоке созданы девять ТОСЭР. В законе о ТОСЭР предусмотрены меры государственной поддержки. Наиболее высокотехнологичная площадка ТОСЭР расположена в г. Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Ее специализация основана на кооперационных связях с действующими высокотехнологичными предприятиями авиастроения, а также машиностроения. Вместе с тем специализация этой ТОСЭР на промышленном производстве создает для нее определенные проблемы и риски. Необходимо искать формы государственной поддержки, позволяющие нивелировать, с одной стороны, неустойчивость спроса, с другой стороны, риски частных инвесторов.

Summary. Intensive, or as they say today, rapid economic development of the Far East region has historically been carried out in connection with threats and challenges emerging in the east of Russia. At present, the task is to build Russian economy into the global international division of labor in Asia-Pacific region. It is possible through the creation of priority socio-economic development areas (PSEDA). They are special zones for organizing attractive investment environment. Nowadays, there exist nine PSEDAs in the Far East. PSEDA Act provides state support measures. The high-tech PSEDA is located in Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region. Its specialization is based on the cooperation ties with the current high-tech aircraft and mechanical engineering enterprises; however, this specialization in industrial production creates certain problems and risks for PSEDA. It is necessary to search for forms of state support that allow levelling the instability of demand on the one hand, and, private investors' risks on the other hand.

Ключевые слова: угрозы и вызовы России; Дальний Восток; государственная поддержка; Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион; высокотехнологичное машиностроение; территории опережающего социально-экономического развития.

Key words: threats and challenges to Russia; Far East; state support; Russia and Asia-Pacific region; high-tech mechanical engineering; priority socio-economic development area.

УДК 338.24

Интенсивное, или, как сегодня принято говорить, опережающее, экономическое развитие Дальневосточного региона, начавшееся лишь в конце XIX века, осуществлялось крайне неравномерно. Очередной этап внимания государства к этой территории связан с периодически возникающими на востоке России вызовами и угрозами – ведением войны с Японией в начале XX в.; растущей напряженностью в отношениях с Китаем в середине 1960-х гг.; низкой адаптацией экономики

региона к рыночным реформам в середине 1980-х гг. В ответ государство принимало соответствующую программу по их нивелированию.

На современном этапе можно говорить о новых факторах, определяющих развитие нашей страны, и напрямую связанных с социально-экономической ситуацией в Дальневосточном регионе. Этими факторами являются: смещение полюса роста мировой экономики в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в большей степени лояльные по отношению к нашему правительству и государству; рост политической напряженности в отношениях РФ с европейскими странами; введение для России экономических санкций со стороны ЕС; слабая интеграция РФ в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ответ на новые вызовы был заключен в пятой государственной программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.», принятой в 2013 г. Неоспоримо положительное влияние государственной поддержки на развитие промышленности в Дальневосточном регионе (см. рис. 1).

Особенно бурное развитие Дальневосточного региона осуществлялось в период реализации первой государственной программы «Формирование на Дальнем Востоке военно-промышленного комплекса», когда темпы роста промышленного производства в течение 1928-1938 гг. составляли от 34 до 40 % в среднем за год [1]. В рамках этой программы (в 1932 г.) был заложен г. Комсомольск-на-Амуре, ставший впоследствии самым крупным промышленным центром Дальнего Востока.

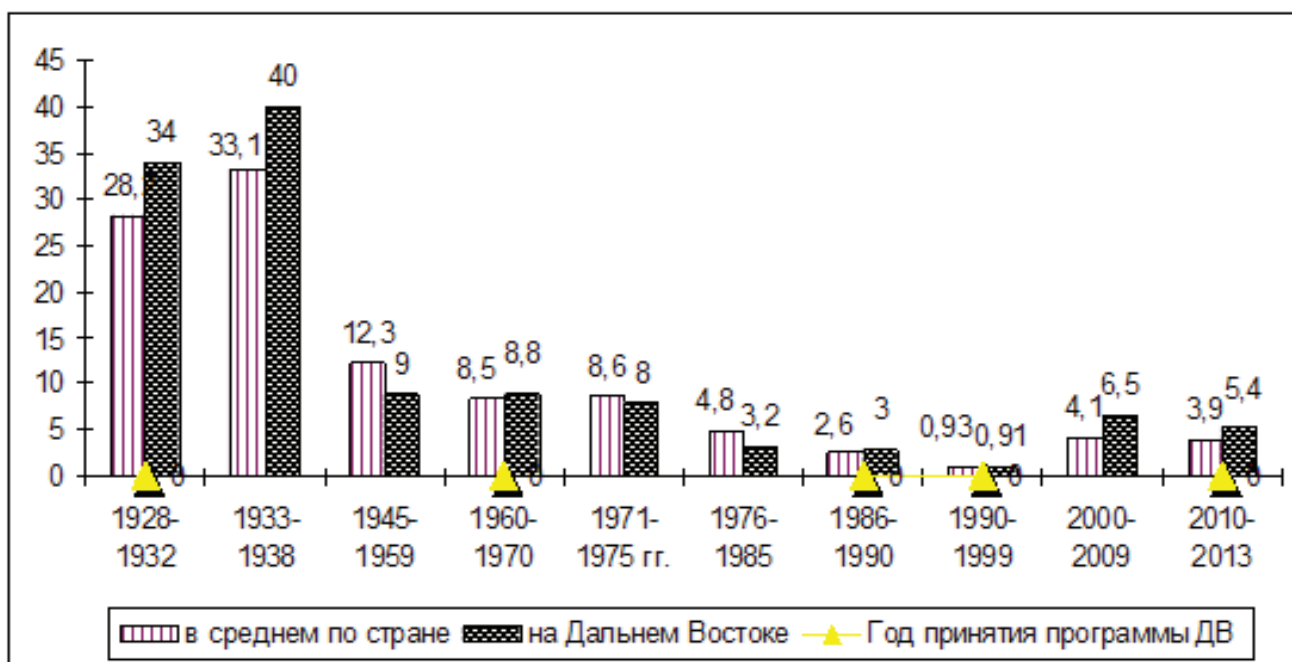

Рис. 1. Темпы роста промышленного производства в среднем за год, %

Уже не один год правительство страны решает задачу встраивания экономики России в глобальное международное разделение труда в Азиатско-Тихоокеанском регионе, причем в самой высокотехнологичной деятельности. Решается эта задача посредством создания ТОСЭР.

К настоящему времени юридически оформлены девять дальневосточных ТОСЭР: две в Хабаровском крае, две в Амурской области, две в Приморье, по одной ТОСЭР в Якутии, на Камчатке и Чукотке. На их создание из бюджета выделяется почти 21 млрд р.; ожидается привлечение свыше 250 млрд р. частных инвестиций. В планах на 2016-2017 гг. – еще восемь территорий. Среди них – остров Русский, остров Большой Усурийский, Курильские острова, ТОСЭР «Сахалин» и ТОСЭР «Свободный».

25.06.2015 Постановлениями правительства РФ закреплено создание двух первых ТОСЭР на Дальнем Востоке – «Комсомольск» и «Хабаровск» [2].

В законе о ТОСЭР предусмотрен ряд форм государственной поддержки, суть которых сводится к дерегулированию и налоговому стимулированию. Статус резидента ТОР дает целый ряд преимуществ: 0 % налог на прибыль, на имущество, на землю на первые 5 лет; 0 % ввозные и вывозные таможенные пошлины; 0 % НДС на импорт для переработки; 7,6 % страховых взносов для инвестора первые 10 лет; бесплатное получение земли и готовой инфраструктуры; ускоренный порядок возврата НДС экспортера; нет проверок без согласия Минвостокразвития; «одно окно» для инвестора; свободная таможенная зона; упрощенный государственный контроль; ускоренные и облегченные административные процедуры, в том числе получение разрешения на строительство, прохождения таможни.

Первоочередной площадкой является ТОСЭР в агломерации промышленного центра края, г. Комсомольске-на-Амуре. Ее специализация основана на кооперационных связях с действующими высокотехнологичными предприятиями авиа- и судостроения, а также машиностроения. На первом этапе запланировано шесть инвестпроектов на сумму порядка 14 млрд р. при общих вложениях в инфраструктуру 1,7 млрд р. Запланированный прирост рабочих мест составляет 1300 человек.

В рамках ТОСЭР в г. Комсомольске-на-Амуре для размещения производств предлагается три базовые площадки общей площадью около 313 га:

- 1) территория завода «Парус» площадью 113 га с возможностью расширения. Специализация – механообработка, машиностроение, композитные материалы, производство инструмента;
- 2) территория завода «Амурлитмаш» площадью около 60 га. Специализация – механообработка и машиностроение;
- 3) площадка в г. Амурске площадью около 140 га. Специализация – производство клееного бруса и мебельных щитов; производство фанеры, древесных плит; производство биотоплива; производство древесно-производственного композита; производство деревянных окон, дверей, напольных покрытий; производство экотеплоизолятора.

Очень важно, что создание в рамках ТОСЭР «Комсомольск» привлекательных условий для ведения бизнеса будет реализовываться в комплексе с созданием и модернизацией объектов социальной инфраструктуры за счет бюджетных средств [3].

Еще раз подчеркнем особую значимость ТОСЭР «Комсомольск» для развития высокотехнологичного машиностроения не только на Дальнем Востоке, но и в целом в России [4]. Эта агломерация специализируется на производстве конкурентоспособного на внутреннем и внешнем рынках гражданского самолета «Sukhoj Superjet 100» (SSJ 100); в ее перспективе производство ракет для космодрома «Восточный», китайских самолетов MA-60, китайских автомобилей HOWO, рукавов высокого давления и фитингов; дирижаблей.

В то же время моноспециализация на промышленном производстве создает для этой ТОР определенные риски. Некоторые из них связаны с проблемами развития промышленных моногородов: так, при прочих равных условиях (в нашем случае – льготах для ТОСЭР), инвестиции в России в последнюю очередь осуществляются в промышленное производство. Для комсомольской промышленной агломерации создание ТОСЭР – это уже четвертая попытка удержать производственный комплекс за счет государственной поддержки: в 1996 г. была разработана первая в России и на Дальнем Востоке программа «Техноэкополис «Комсомольск – Амурск – Солнечный»»; в 2001 г. предпринималась попытка использовать механизм поддержки инновационного развития города в виде программы «Наукоград»; в 2005 г. была разработана программа «Особая экономическая зона промышленно-производственного типа». Идеи Наукограда и ОЭЗ ППТ не нашли поддержки у правительства страны; некоторое развитие и организационное оформление получила программа «ТЭП КАС» [5, 114-118].

Существуют и другие проблемы для комсомольской ТОСЭР:

– «международность» проекта «Sukhoj Superjet 100». Намерение российского производителя осуществить импортозамещение сталкивается с противодействием. Так, итальянский партнер «Сухого» заявил о невозможности заменить европейских и североамериканских поставщиков комплектующих для самолета «Sukhoi Superjet 100» на российских. Глава компании SuperJet

International Назарио Каучелья эту позицию объясняет затратами на повторную сертификацию и риском ущерба для бренда [6];

– неисполнение контрактных обязательств. Так, в 2015 г. планировалось произвести порядка 50 самолетов «SSJ 100». Однако некоторые авиакомпании («Ютэйр», «Трансаэро», бельгийская компания «VLM Airlines») заморозили свои заказы. В результате производственный план на 2015 г. составляет 17 единиц «Sukhoj Superjet 100» (для сравнения, в 2014 г. производитель собрал 37 бортов);

– «архипелаговость», присущая всем ТОСЭР. Льготы для предприятий-резидентов создают острую конкуренцию для предприятий-нерезидентов, в первую очередь, за трудовые ресурсы.

В результате уже возникшей неопределенности с заказами существует угроза отказа потенциальных резидентов инвестировать в ТОСЭР «Комсомольск».

Как видим, участия государства только в инфраструктурных проектах недостаточно для поддержания высокотехнологичной промышленности в Дальневосточном регионе. Необходимо искать формы государственного участия, позволяющие нивелировать, с одной стороны, неустойчивость спроса (которая зависит от стабильности заказчиков); с другой стороны, риски частных инвесторов.

Выводы:

1) Стратегическая цель России – повышение конкурентоспособности страны и ее регионов – может быть достигнута посредством формирования ТОСЭР.

2) Приоритетная задача РФ на востоке страны – включиться в производственные цепочки высокопроизводительной деятельности в мировом разделении труда в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

3) Дальний Восток располагает ограниченными возможностями для формирования инновационной экономики в силу сырьевой специализации и действия множества ограничивающих факторов.

4) Формирование в Дальневосточном регионе ТОСЭР должно сопровождаться мощной государственной поддержкой.

5) Формы и меры государственной поддержки должны способствовать формированию ключевых показателей конкурентоспособности региона: создание благоприятных условий для привлечения инвестиций, ускоренного социально-экономического развития и создание комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 334 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2015 № 628 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 27. – 6 июля. – 2015. – Ст. 4064.
3. Сопещание по опережающему развитию агломерации Комсомольска-на-Амуре 24 ноября 2014 г. // URL: <http://www.kmscity.ru/news/2014/11/26/nthhbn>. (дата обращения: 25.11.2015).
4. Бурдакова, Г. И. Территориально-организационные формы и механизмы развития инновационно-промышленных предприятий (на примере Дальнего Востока) / Г. И. Бурдакова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2014. – № 6 (209). – С. 73-82.
5. Бурдакова, Г. И. Предпосылки создания территории опережающего развития в промышленном узле Дальнего Востока (на примере Комсомольска-на-Амуре) / Г. И. Бурдакова // Инновационная экономика и промышленная политика региона (ЭКОПРОМ-2014): труды международной научно-практической конференции, 15-23 сентября 2014 г. / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 597 с.
6. Новости Суперджета. 5 октября 2015 г. URL: <http://superjet100.info/news>. (дата обращения: 05.11.2015).

Кибя Д. В.
D. V. Kiba

**УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ЛИНГВИСТИКА»
И СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ» ОЧНОЙ И ЗАОЧНОЙ
ФОРМ ОБУЧЕНИЯ**

**TEXTBOOKS FOR STUDENTS MAJOR IN LINGUISTICS AND IN INTERPRETING
AND TRANSLATION STUDIES OF FULL-TIME AND PART-TIME DEPARTMENTS**

Кибя Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50 -336; 8(4217) 59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681021, Komsomolsk-on-Amur, st. Komsomolskaya, 50-336, 8 (4217) 59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Преподаватели кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета активно публикуют учебные и учебно-методические пособия, способствующие успешному профессиональному обучению студентов-лингвистов. В 2015 г. доцентом кафедры О.В. Чибисовой было издано учебное пособие «English for sophomores», предназначенное для студентов направления «Лингвистика» и специальности «Перевод и переводоведение» очной и заочной форм обучения.

Учебное пособие состоит из четырех разделов, заключения и списка литературы. Каждый из разделов разбит на подразделы, задания которых предполагают активную индивидуальную деятельность студентов и групповую работу в качестве ведущего вида учебной деятельности в аудитории. В первом разделе «Social problems» содержится материал по социальным проблемам, второй «Money matters» затрагивает финансовые вопросы, третий «Technological progress» – вопросы технического прогресса, четвертый «Environmental issues» – экологические проблемы.

Преобладающим видом текстов являются современные статьи (аутентичный материал), которые могут быть использованы для аудиторной дискуссии. Материал для упражнений подобран из аутентичных книг VOA и BBC Programme Highlights. Задания содержат достаточное количество новой лексики. Упражнения раздела «Reading» способствуют выработке следующих навыков чтения: выявление основной темы, идеи текста (skimming), поиск определенной информации в тексте, чтение для подробного пересказа. Раздел содержит разнообразные тексты на темы: «Что такое бедность?», «Уровни бедности», «Бедность и здоровье», «Бедность и образование» и т.д.

Подраздел «Language Focus» содержит упражнения, сочетающие несколько видов работ с предложением, задания, в которых проверяется понимание разных фразовых глаголов и умение правильно их употреблять, упражнения, способствующие закреплению знаний идиом. Учащиеся, освоив данный материал, смогут правильно и осознанно заимствовать в свою речь иностранные слова, выражения, термины и грамматические структуры.

В подразделе «Listening and Speaking» студентам предлагается прослушать определенный материал (в разделе «Социальные проблемы» данный текст посвящен социальной тематике, в разделе «Экологические проблемы» – определенным аспектам охраны окружающей среды). После прослушивания студентам предлагается обсудить с партнером ряд предложенных вопросов, ответить на вопросы, определить, верны ли предложенные утверждения или нет.

Коммуникативно приемлемое построение речи студента будет влиять на взаимопонимание и согласование действий с людьми, принадлежащими к иной культуре. Освоение материала,

содержащегося в предлагаемом пособии, способствует развитию навыков аудирования, письма, чтения в тесной связи с английской речевой культурой. У студентов появляется возможность понимать ее ценности и быть приобщенным к ним.

Выполнение заданий стимулирует интеллектуальное и эмоциональное развитие личности учащегося, способствует формированию коммуникативной и профессиональных компетенций. Материал учебного пособия способствует формированию следующих общепрофессиональных компетенций:

- владение системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей;
- владение этическими и нравственными нормами поведения, принятыми в инокультурном социуме;
- готовность использовать модели социальных ситуаций, типичные сценарии взаимодействия участников межкультурной коммуникации;
- владение основными способами выражения семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями высказывания - композиционными элементами текста;
- способность свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации.

Учебное пособие доцентов кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» О.В. Чибисовой, А.А. Егурновой «Insight into English Syntax», изданное также в 2015 г. содержит задания по синтаксису английского языка и предназначено для студентов 2 курса, обучающихся по основной образовательной программе подготовки бакалавров по направлению «Лингвистика» и подготовки специалистов по специальности «Перевод и переводоведение» очной и заочной форм обучения. Учебное пособие способствует усвоению дисциплины «Практическая грамматика английского языка».

Изучение синтаксиса и пунктуации является необходимым этапом в процессе постижения устной и письменной речи. Данный раздел английского языка требует особого внимания, поскольку имеет мало общего с расстановкой знаков препинания в русском языке. Пунктуация в английском языке способствует более ясному и четкому изложению мыслей, использованию различных языковых средств.

Учебное пособие состоит из четырех разделов, каждый из которых включает лексико-грамматические упражнения, предназначенные для проведения как обобщающих аудиторных занятий, так и самостоятельной работы учащихся. Постепенно возрастающий уровень сложности заданий каждого раздела позволяет выбирать упражнения в соответствии с языковой подготовкой студентов.

Первый раздел «Compound sentence» состоит из теоретического раздела и практической части, содержащей упражнения. Студентам предлагается перевести предложения на английский язык, описать иллюстрации, используя простые предложения, составить по рисункам рассказ, используя сложносочиненные предложения и т.д.

Во втором разделе «Complex sentence» после теоретической части также представлены задания для учащихся.

Раздел «Revision» предлагается для повторения и закрепления пройденного материала.

В разделе «Assessment tasks» представлены контрольные задания.

Предлагаемое учебное пособие поможет студентам приобрести необходимые навыки для решения профессиональных задач в различных ситуациях иноязычного общения.

Костюрина Н. Ю.
N. Y. Kosturina

**ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. Е. ЯЧИНА
«АНАЛИТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ВВЕДЕНИЕ В ОПЫТ САМОПОЗНАНИЯ.
СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК». – М.: ИНФРА-М, 2014. – 210 С.**

**HUMAN UNITY. REVIEW OF S.E. YACHIN'S MONOGRAPH «THE ANALYSIS OF HUMAN
EXISTENCE: AN INTRODUCTION TO THE EXPERIENCE OF SELF-DISCOVERY.
SYSTEMATIC ESSAY». – M.: INFRA-M, 2014. – 210 P.**

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры «Философия и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezhda Yu. Kostyurina – Doctor in Cultural Studies, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kosturina@mail.ru.

С. Е. Ячин, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук ДВФУ, профессор, доктор философских наук, автор более 70 научных трудов, в том числе монографий «Понятие мышления в структуре сознательной деятельности», «Феноменология сознательной жизни», «Человек в последовательности событий жертвы дара и обмена», «Состояние метакультуры», обращается в своем исследовании к проблеме самопознания, которую обозначает как наиболее сложную для изучения в силу противоречия естественной установки человеческого сознания воспринимать с большим интересом окружающие человека реалии, нежели собственно себя. С другой стороны, он обращается к проблеме стремления человека превращать «мир и других людей» в объекты, оставляя лишь за собой привилегированную позицию Субъекта.

Основная задача автора – построение теоретической модели, которая позволит понять, на чем основано единство человеческого бытия, бытие-человека-в-мире. Опираясь на высказывание С. Н. Трубецкого «быть – значит относиться», С. Е. Ячин формулирует два ключевых для всего текста вопроса: в чем специфика бытия человека и исчерпывается ли человеческое бытие одним отношением или должен быть целый спектр отношений.

Экзистенциальная аналитика (подробно см. в главе 1 «Историко-философские и системные основания аналитики») предложила решение проблемы целостности/единства человека через его «способность наполняться Иным»; С. Е. Ячин видит оригинальность своей позиции именно «в последовательном проведении этого принципа», акцентируя внимание на способности человека к самоопределению. Таким образом, человеческое бытие в онтологическом плане понимается в исследовании как «рефлексивно соотнесенное с Иным».

Множественность человеческого бытия, основные типы отношения к предметному миру, другим субъектам, к собственной телесности и трансцендентному автор предлагает понимать в первую очередь как особым образом проживаемые и переживаемые человеком. «Трансформацию мироотношения в субъектное переживание» исследователь называет «онто-феноменологической дифференциацией».

На чем основывается целостность человеческого бытия в условиях множественности экзистенциальных установок/ценностных ориентаций и мотивов, их обуславливающих, – это и есть самый главный вопрос исследования. Структура книги прозрачна и очевидным образом связана с представлением об основных способностях человека: способности верить (отношение к трансцендентному), способности мыслить (отношение к другому субъекту), способности чувствовать (отношение к телесности), способность повелевать (отношение к предметному миру). Каждой из этих способностей посвящена отдельная глава монографии (главы 3 – 6).

Человек в феноменологическом плане представляется способным стремиться к «идеально должному», основным принципом и условием человеческого бытия является свобода. Свобода как атрибут субъекта, как выбор среди «открытых возможностей», как форма творческого отношения к миру, уровни свободы – таково основное содержание главы 2.

Заключительные главы 7, 8 («Личность и экзистенция», «Этика: нравственное усилие быть») содержат в себе размышления о становлении личности; личностное бытие связывается в первую очередь с категориями ответственности и заботы. «Личность – этическое понятие», – утверждает автор, противопоставляя личностное и индивидуальное начала, этики нормативные/утилитаристские/бессовестные и экстатические/жертвенные/дарственные как принципиально различные основания выбора, осуществляемого личностью и индивидуальностью. В доктрине Западного общества, по мнению автора, различие между личностью и индивидуальностью практически утрачено/сведено к индивидуальному бытию, основанному на доктрине методологического индивидуализма.

В таком контексте соотнесенность с Иным понимается как сопричастность/сотрудничество/служение/сострадание/сопереживание и любовь, что «есть одновременно и суть нравственности, и суть всего человеческого бытия». Человек мыслится человеком лишь в той степени, в которой он оказывается способен к «сопричастному бытию», которое С. Е. Ячин называет «онтологическим и этическим принципом бытия, известным мировым религиям как принцип любви». Интересно, что представление о любви современного человека, смещенное, по мнению исследователя, в сторону чувства, «искажает подлинный смысл любви как полноты соучастного отношения», любовь необходимо понимать как отношение, близкое дружбе, основанное на заботе (о себе, другом и об отношениях «я-другой», предполагающих взаимность, диалогичность, справедливость).

Становление человека, приближение его к идеально должному, стремление к реализации замыслов/целей/планов/мечтаний невозможны вне соотнесенности с Иным, вне этических ориентиров, понятых не в качестве нормативов/табу, но в качестве осознанно/ответственно избранных норм поведения, исполнения обязательств/долга.

Таким образом, человеческое бытие оказывается рефлексивно связано с Иным.

Кроме исследовательской задачи «установить, в чем же состоит Единство человека», С. Е. Ячин видит свою миссию и в просветительстве, привлечении внимания к философско-антропологической проблематике человека, имеющего, быть может, не знания и профессиональную подготовку, но просто интерес к загадке человеческого бытия. Каждый раздел исследования заканчивается вынесенными в Резюме выводами, что делает текст более доступным и для непосвящённого читателя.

Семёнов А. Б.
A. B. Semenov

РОССИЯ В ТИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО МОНОПОЛИЗМА, ИЛИ РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОНОПОЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

RUSSIA IN THE GRIP OF POLITICAL MONOPOLY, OR REVIEW OF THE MONOGRAPH «POLITICAL MONOPOLY IN MODERN RUSSIA»

Семёнов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru.

Semenov Alexander B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin st., 27. E-mail: semenov77ab@bk.ru.

Аннотация. В рецензии проанализированы основные идеи монографии «Политический монополизм в современной России» под авторством доцента, кандидата политических наук Дениса Викторовича Новикова.

Summary. The review analyzes the main ideas of the monograph «The political monopoly in modern Russia», by the senior lecturer, candidate of political sciences Denis V. Novikov.

Ключевые слова: Россия, монополия, политика, класс, капитализм, периферия, политические противоречия.

Key words: Russia, monopoly, politics, class, capitalism, the periphery, political contradictions.

В 2015 году в Красноярском издательстве «Научно-инновационный центр» вышла любопытная монография кандидата политических наук Новикова Дениса Викторовича. К сожалению, данная книга оказалась почти незамеченной в среде экспертного сообщества. Однако содержание и анализ поднятых автором проблем даёт нам ключ к ответам на важные вопросы, которые ставит перед мировым сообществом современная политическая и социальная действительность. Благодаря этому исследованию мы теперь можем дать нормальный, научно и рационально обоснованный ответ на причины такого интересного политического феномена, как «Цветные революции». Хорошо известно, что их буйное цветение пришлось на последние десятилетия XX века и на первые десятилетия XXI века. Причём география их распространения охватывала совершенно различные по своим социально-культурным и историческим особенностям страны и регионы. Революционное разноцветие с лёгкостью расцветало над шпильями Лиссабона в 1974 году и над утомлёнными солнцем Филиппинами в 1986 году. Революция пронеслась над поседевшими от древности пирамидами Египта в 2011 году и над освежающими потоками украинского Днепра в 2014 году. Семена революции смогли прорасти даже в России и Белоруссии, однако тут власти смогли оперативно купировать и ликвидировать угрозу их разрастания. Для многих политиков и экспертов революционные вспышки являлись полной неожиданностью, что порождало множество конспирологических теорий и почти мистических объяснений. Однако у этого интересного феномена была одна характерная черта, а именно то, что волны революционных преобразований всегда подымались там, где господствовал политический монополизм с диктатурой и отсутствовали эффективные демократические институты и инструменты, позволяющие легитимным путём менять действующую власть.

Именно поэтому работа Д. В. Новикова написана на чрезвычайно актуальную тему. Его монография посвящена исследованию феномена современного российского монополизма. В монографии Д. В. Новиков анализирует причинные основания, а также отдельные структурные элементы ситемы современного политического монополизма.

По причине ограниченности объёма рецензии мы не будем останавливаться на методологических основах монографии и на её структуре. Думается, что заинтересованный читатель смо-

жет сам разобраться в этом вопросе, прочитав представленную монографию. Отметим только то, что методологической основой своей работы автор сделал марксистскую теорию. На наш взгляд, выбор марксистской методологии является достаточно смелым ходом, так как в российском гуманитарном дискурсе марксизм беспричинно воспринимается как маргинальная и излишне идеологизированная теория. Однако именно марксизм позволил автору детально препарировать природу российского политического монополизма и объективно объяснить противоречия сложившейся политической системы.

Тема работы Д. В. Новикова затронула множество проблемных вопросов, касающихся характеристик нашего общества, частью которого мы являемся и в котором мы живём. Он смог рассеять морок иллюзий по поводу природы самого нашего общества. За последние двадцать лет многие исследователи определяли тип нашего общества и как «бандитский капитализм», и как «новофеодалное общество», и как особенную «русскую цивилизацию». Все эти классификации нашего общества имеют право на существование. Но им не хватает научной обоснованности. Опираясь на фундаментальный теоретический багаж, Д. В. Новиков определил наше общество как «периферийный капитализм», сущностью которого является наложение на капиталистическую основу элементов архаичной политарной формации [1, 158]. По мнению автора, данная особенность современного российского общества детерминирует возникновение «особенности» российской политики, связанной с усиленным развитием в ней монополистических тенденций [1, 158]. Что означает данный тезис? А он означает то, что при сохранении демократической формы правления с выборами президента, парламента, исполнительной и законодательной власти всех уровней содержание системы крайне недемократично. В условиях «периферийного» капитализма конкретные политические институты деформируются, т.е. фактически полностью утрачивают демократическое содержание, становясь структурным элементом целостной системы политического монополизма.

В ходе исследования предмета Д. В. Новиков приходит к ряду ценных с научной точки зрения выводов, которые с полной обоснованностью могут использоваться как в аналитических, так и в прогностических целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков, Д. В. Политический монополизм в современной России: моногр. / Д. В. Новиков. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. – 300 с.

Матюшко А. В.
A. V. Matyushko

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА АНКЕТИРОВАНИЯ **ON SOME PROBLEMS OF USING A QUESTIONNAIRE METHOD**

Матюшко Андрей Владимирович – старший преподаватель кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Mr. Andrey V. Matyushko – Senior teacher, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia); 27, Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: matyushko79@mail.ru.

Аннотация. Работа является попыткой указать на наиболее частые ошибки при использовании метода анкетирования.

Summary. The paper is an attempt to point out the most common mistakes when using a questionnaire method.

Ключевые слова: метод анкетирования, размер выборки, случайность выборки, интерпретация.

Key words: questionnaire method, sample size, randomness of a sample, interpretation.

УДК 001

В последнее время в научной печати всё чаще появляются работы, в которых для обоснования теоретических положений и аргументации заявленных гипотез или даже придания наукоёмкости применяется метод анкетирования (опроса). Следует отметить, что в гуманитаристике зачастую использование этого инструментария проводится со значительными методологическими огрехами. Хотелось бы осветить несколько основных требований к анкетированию, необходимых для получения валидных и репрезентативных данных.

Размер выборки (закон больших чисел). Существуют давно принятые требования к размеру выборки, которые описываются тривиальными уравнениями математической статистики. Смысл уравнений заключается в получении информации о числе необходимых респондентов опроса. Это число зависит от нескольких показателей, и главный из них – это размер генеральной совокупности, на которую можно будет проецировать полученные результаты. Далее следуют уровень статистической значимости и стандартное отклонение. В действительности факторов, которые необходимо включать в анализ, несколько больше, однако указанные факторы наиболее значимы. Нет нужды подчёркивать, что без выполнения данного условия исследователь рискует попасть, метафорически, в положение слепого, конструирующего свои представления о слоне, взяв в руки его хвост.

Случайность выборки. Невыполнение данного условия может полностью перечеркнуть осуществление первого требования. Классический пример анкетирования с многомиллионной выборкой, где не было выполнено данное правило, привёл к полной нерепрезентативности полученных данных для прогнозирования результатов президентских выборов в США в 1936 г. Обычно пользуются таблицами случайных чисел, полученных от физически рандомных процессов, например, распад радиоактивных элементов или данные радиоастрономии.

Апробированность анкеты. Чаще всего исследователь полагает, что самостоятельно составив список вопросов об интересующем его феномене, он получит релевантный материал для анализа. К сожалению, здесь происходит обращение к методу интроспекции, невалидность которого показал ещё В. Вундт, «ответственный» за институализацию психологии. При очень грубом упрощении главную проблему при использовании данного подхода можно прояснить фразой «все лгут». В ней отражается как неосознанный самообман человека, так и его намеренное желание отразить себя в зеркале общественного мнения с лучшей стороны. В данном случае при использовании анкеты

необходима предварительная её верификация на внешнем материале, о характеристиках которого уже известно из других, уже доказавших свою объективность аналитических процедур.

Количество вопросов. Этот критерий в значительной степени косвенный и логически связан с предыдущим. Для того чтобы нивелировать недостатки интроспекции, в качестве одного из приёмов используют избыточность. Фактически один и тот же вопрос многократно дублируется в различных вариациях с последующей проверкой с использованием ключей на истинность. Данный подход недействителен без предыдущего требования.

Интерпретация, основанная на среднем арифметическом. Для трактовки полученных данных необходима их первичная обработка. Примерный (и приблизительный) план следующий. Вначале необходимо выяснить нормальность распределений. При условии гомоскедастичности дисперсий обычно используют критерий Стьюдента, в противном случае – критерий Манна-Уитни. Для моновыборок часто применяют расчёт квартилей или критерий Шапиро-Уилка. В целом выбор валидного математического аппарата обычно предзадан задачами и характером исследования и значительно обширней, чем упоминается здесь. К несчастью, во многих работах, даже претендующих на научную степень, предваряющая интерпретация обработки останавливается на нахождении арифметического среднего. «Средняя температура» по больнице уже стала синонимом анализа с нулевым приращением информации. Оперирования терминами «больше» и «меньше» не имеют никакой доказательной силы с точки зрения математической статистики.

В заключение для указания порядка величин следует указать, что выборка в несколько десятков человек (несколько групп студентов) нерепрезентативна даже в отношении университета. При отсутствии выполнения требований о случайности, апробированности и т.д., полученные данные нерепрезентативны даже при очень большом количестве респондентов. Единственным позитивным моментом здесь может выступать нахождение уникальных феноменов, ранее не зафиксированных в научном обороте. Однако в данном случае исследование следует отнести к поисковым процедурам и отбросить притязания на статистически значимый характер полученных данных. Ещё одним условием для оправдания отступления от строгих норм проведения анкетирования является нахождение первоначальных подтверждающих фактов в пользу вновь выдвинутой гипотезы. В этом примере мини-опрос можно трактовать как верификацию первого уровня, подтверждение того, что нечто гипотетическое присутствует в реальности.

Авдеенко И. А., Шунейко А. А.

I. A. Avdeenko, A. A. Shuneyko

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН II: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ НОРМ – ФОРМАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

INSULT AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON II: THE PROBLEM OF LEGAL PROVISIONS – THE FORMAL ASPECT OF IDENTIFICATION

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov st. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexandre A. Shuneyko – D.Sc. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia); 681013, Komsomolsk-on-Amur 27, Lenin Av. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Аннотация. В статье с критической точки зрения рассматриваются сложившиеся в судебной и экспертной практике взгляды на оскорбление как на юридический объект. Аналитический разбор этих взглядов сопровождается оценкой степени их правомерности и последовательности в аспектах лингвистики, логики и реальной коммуникации. Делается вывод о том, что верная интерпретация и квалификация речевого действия как оскорбительного предполагает концентрацию внимания эксперта не столько на нарушении норм этикета, правил культурного общения, сколько на факте нанесения морального удара «ниже пояса», дискредитации понятия ценности личности человека как таковой, создании условий, в которых объект оскорбления оказывается в крайне затруднительном для сопротивления положении. То есть ведущим для квалификации явления фактором объявляется коммуникативный.

Summary. The article considers views on insult as a legal entity that exist in judicial and expert practice. The views are regarded critically. The analytical analysis of these views is accompanied by evaluation of their validity and consistency concerning linguistics, logic, and real communication. It is concluded that the correct interpretation and qualification of speech acts as offensive ones do not only involve expert's concentration on breaking etiquette rules, regulations of cultural communication. The experts should pay attention to the facts of the moral blow «below the belt», a discredit of the value of the human life as such, and creating conditions when the offended object is in an extremely difficult position for resistance. That means that the leading qualification factor is a communicative one.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, речевое действие, оскорбление, правовая норма.

Key words: forensic linguistic examination, speech act, an insult, a legal norm.

УДК 81

Второй критерий квалификации речевого действия как оскорбления – неприличная форма – также не является однозначным.

Так, Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина в «Настольной книге судьи» ставят знак равенства между неприличностью и оскорбительностью речевых форм, выдвигая в качестве идентификационных характеристик нарушение норм общественной морали и приличия: «С лингвистической точки зрения **неприличная форма** – это наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая **оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий**. Эта лексика в момент опубликования текста воспринимается большинством читателей как недопустимая в печатном тексте. // Таким образом,

“неприличная форма” применительно к лингвистической экспертизе – это форма оскорбительная, т.е. **содержащая оскорбительные для адресата (истца) слова и выражения**. В ходе лингвистической экспертизы подтверждается или опровергается оскорбительный характер исследуемых выражений, т.е. подтверждается или опровергается наличие неприличной языковой формы выражения негативной информации» [3].

Само понятие неприличности может трактоваться как сугубо языковое и коммуникативное.

Так, Т. В. Матвеева утверждает, что этическая ненормативность (неприличность) связана не только с нецензурностью, но и со стилистической маркированностью языковых элементов как просторечных, грубо-просторечных, фамильярных, вульгарных, бранных: «ИНВЕКТИВА – вид высказывания, выступление против кого-либо, содержащее обвинения, оскорбления, резкие выпады, а также сама грубая брань, бранные (нецензурные слова) и выражения (см. также просторечие 2.) // Наиболее вульгарную часть инвективной лексики составляет мат» [14, 91]. Далее по ссылке: «ПРОСТОРЕЧИЕ 2 (грубое просторечие) – языковые средства (в основном, лексика) со сниженной экспрессивной окраской, грубые слова: обормот, рожа, нажраться, спереть, дурак, подлюга, сволочь, далее – непечатные слова и выражения: матерная брань, инвективы. К наиболее грубым словам применяют ещё название вульгаризмы. // В толковых словарях П. выделяется с помощью ряда помет: *прост.* – просторечное, *груб.-прост.* – грубо-просторечное, *фам.* – фамильярное, *вульг.* – вульгарное, *бран.* – бранное. Данные пометы предостерегают от безразличного использования данных средств, говорят об их этической ненормативности» [14, 258].

Использование в качестве основания для оценки языкового выражения как оскорбительного или неоскорбительного словарных помет возможно, однако сопряжено с рядом сложностей. Как отмечает Н. Д. Голев, с одной стороны, составление словарей и качество помет основано преимущественно на языковом чутье лексикографа, что осложняет решение задач лингвоэкспертизы, с другой – далеко не все инвективные слова отражаются в словарях, поскольку они призваны нормировать словоупотребление, а не квалифицировать инвективность [5].

И. А. Стернин и другие авторы [4] связывают языковую неприличность исключительно с нецензурностью, выводя за пределы неприличных, а следовательно, и оскорбительных все остальные случаи ограничений в использовании слов: «Бранное словоупотребление в адрес лица (сволочь, мерзавец, дрянь, тварь, придурок и под.) является при узком понимании оскорбления не оскорблением (хотя потерпевший может в бытовом смысле слова “оскорбиться”, то есть обидеться), а демонстрацией личной неприязни к потерпевшему. С точки зрения культуры речи это грубое нарушение коммуникативных норм, этикета общения, но этот факт не подлежит правовому регулированию. Расширительное понимание оскорбления как любого использования бранной, грубой, вульгарной лексики или фразеологии делает усмотрение оскорбления в спорном тексте субъективным и произвольным».

Такой узкий подход вызывает ряд возражений. Во-первых, обида – это не что иное, как ущерб чести и достоинству, и в этом отношении нанесение обиды ничем не отличается от нанесения оскорбления: результатом и того, и другого являются нравственные страдания личности, и если человек не в силах защитить себя сам, он как гражданин имеет полное право обращаться за защитой к государству. Во-вторых, понятие приличия основано на понятии нормы, а следовательно, грубое (циничное, осознанное, преднамеренное) нарушение нормы есть оскорбление общественной морали и приличий. Наконец, как уже отмечалось ранее, разрешение применения бранных слов, как и метафор, для отрицательной оценки личности недопустимо с точки зрения общественной морали, поскольку даёт карт-бланш хаму на унижение («демонстрацию личной неприязни» в терминологии И. А. Стернина) в любой форме, кроме нецензурной.

Кроме того, ст. 21 Конституции Российской Федерации гласит: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. 2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию <...>» [8]. Как отмечают исследователи в области юрислингвистики, если честь соотносится с общественной оценкой личности, то достоинство – есть её самооценка [7, 101], если честь – положительная оценка качеств лица в общественном сознании, то достоинс-

тво – такая же оценка в собственном сознании [9, 430]. Поскольку закон предполагает защиту чести и (!) достоинства, с точки зрения закона понятия ущерба чести и достоинству, а следовательно, понятия оскорбления, унижения и обиды синонимичны.

Выводы И. А. Стернина о юридической тождественности неприличности и непристойности (нецензурности) [10], как и его позиция не представляются обоснованными. Во-первых, в силу того, что ни в одном собственно юридическом источнике такое тождество жёстко не устанавливается: «ОСКОРБЛЕНИЕ – преступление <...>, заключающееся в умышленном унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме <...> при О. <...> даётся отрицательная оценка его личности, качествам, поведению, причём в грубой форме» [11]; «Оскорбление – преступление, заключающееся в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме <...> при О. <...> даётся отрицательная оценка его личности, качествам, поведению, причём в неприличной форме, т.е. противоречащей установленным правилам поведения, нормам морали. <...> О. религиозных убеждений граждан <...> могут выражаться в циничных, презрительных высказываниях (устных письменных) относительно какой-либо <конкретной религии, её догматов, святынь и т.п.» [12]; «ОСКОРБЛЕНИЕ – преступление, посягающее на честь и достоинство личности <...>. С объективной стороны О. заключается в действиях, обращении с человеком в неприличной форме, которая унижает его честь и достоинство. <...> Под неприличной формой следует понимать совершение действий в форме, противоречащей установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали» [13].

Во-вторых, обращение юриста (судьи) к профессиональному лингвисту с запросом о проведении экспертизы предполагает не оценку речевого факта с точки зрения юриспруденции, а квалификацию этого факта с позиций языкознания, которое, в свою очередь, ориентируется на языковое сознание, от которого отстраняется И. А. Стернин.

В-третьих, анализируя содержание словарных статей, И. А. Стернин приходит к выводу о том, что различие в значениях слов «неприличный» и «непристойный» состоит в разной степени выраженности признака: «непристойный – это крайне неприличный». Напомним, что в ст. 130 УК РФ, утратившей силу, но остающейся основой для квалификации признаков оскорбления, говорится именно о «неприличной», а не «крайне неприличной» форме выражения.

В-четвёртых, не в пользу позиции И. А. Стернина говорит и тот факт, что понятие неприличности ему постоянно приходится переводить в другое понятие (смежное, но очевидно нетождественное): «Обыденное понятие неприличности (непристойности)»; «Неприличным (непристойным) может быть как форма языкового высказывания (использование неприличных, непристойных слов и выражений – ср.: непристойность выражения, неприличные слова, неприличное выражение, непристойно выругаться), так и содержание высказывания (неприличный анекдот, говорить всякие неприличности, сказать непристойность, смеяться над непристойностями)»; «Неприличие (непристойность) содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению (например, секс, физиологические процессы организма, телесный низ и подобн.)»; «Правовому регулированию подлежит употребление в адрес конкретного человека неприличных (непристойных) языковых форм. Подобное употребление имеет признаки оскорбления в юридическом смысле слова»; «Если выражение, оскорбительное по содержанию, имеет сниженную, грубую форму выражения, оно нарушает моральный запрет на публичное употребление подобной лексики, но тоже не является неприличным (непристойным) и не подлежит правовому регулированию, не свидетельствует о наличии в тексте лингвистических признаков оскорбления»; «В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (независимо, сниженная, бранная или нецензурная), может посчитать, что она неприлична (непристойна) и что он в результате оскорблён неприличной языковой формой такого высказывания» [10].

Наконец, в утверждении: «В морально-этическом аспекте нормативная лексика квалифицируется как приличная. Употребление сниженной лексики не характеризуется обществом с морально-нравственной стороны, а характеризуется лишь с точки зрения культуры речи (уместность,

неуместность употребления). Эта лексика в обыденном сознании не входит в понятие неприличной», – И. А. Стернин не упоминает возможности ненормативного употребления нормативной лексики.

К представлениям о коммуникативной (а не только языковой) природе неприличности близко подходят Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев: «Прямые, резко аффективные оценки, которые во многих случаях представляют собой оскорбительные выпады, чаще всего выражаются пейоративной (отрицательно-оценочной) лексикой <...> но возможны и иные способы выражения: 1. Навешивание ярлыков <...> 2. Употребление метафоры, несущей в себе отрицательную оценку <...> 3. Упоминание табуированных частей тела в сочетании с именем собственным <...> 4. Упоминание физических недостатков оппонента <...>. Ясно, что многие из таких оценок, особенно наподобие тех, что приведены в последних двух пунктах, будучи прямыми оскорблениями, находятся за пределами рамок культурного общения, нарушают нормы не только речевого этикета, но и нравственности» [1, 261]. Названные авторами явления, такие как навешивание ярлыков, употребление метафор с отрицательной оценочностью и т.д., являются коммуникативно неприличными. Это неприличие определяется не столько нарушением норм этикета, правил культурного общения, сколько нанесением морального удара «ниже пояса», дискредитацией понятия ценности личности человека как таковой, созданием условий, в которых объект оскорбления оказывается в крайне затруднительном для сопротивления положении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура русской речи / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 2006. – 560 с.
2. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А. А. Леонтьев, В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, Ю. А. Сорокин; под ред. А. Р. Ратинова. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
3. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза [Электронный ресурс] / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – М.: Проспект, 2010. – Режим доступа: http://xn--80abmiccm4bkedp1l.xn--plai/material/Documents/book_sud.pdf.
4. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. – Ярославль, 2013. – 35 с.
5. Голев, Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v89.html>.
6. Голев, Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v60.html>.
7. Кречетов, Д. В. Честь и достоинство (исторический аспект) / Д. В. Кречетов // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 100-104.
8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10103000/2/#2000#ixzz3hFH4MEYС>.
9. Иваненко, П. Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в уголовном праве / П. Д. Иваненко // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 429-434.
10. Стернин, И. А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе [Электронный ресурс] / И. А. Стернин // Адвокатская палата Воронежской области. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://www.advpalata.vrn.ru/cgi-bin/mag.pl/2010/01/4>.
11. Оскорбление [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь экономики и права. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ecolaw/Oskorblenie-17437.html>.
12. Додонов, В. Н. Оскорбление [Электронный ресурс] / В. Н. Додонов // Энциклопедия юриста. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_lawyer/Oskorblenie-490.html.
13. Оскорбление [Электронный ресурс] // Словарь-справочник уголовного права / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма-Инфра-М, 2000. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/criminal/Oskorblenie-249.html>.
14. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: ФЛИНТА, 2003. – 432 с.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

LINGUISTICS AND COGNITIVE MODELS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexandre A. Shuneyko – D.Sc. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia); 27, Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Аннотация. В работе даны характеристики двух принципиально различных общенаучных познавательных моделей, фиксирующих наиболее абстрактные способы получения определённого научного результата: субстанциональной и реляционной. Рассмотрено, каким образом с ними взаимодействует языкознание, и указано на возникающую в результате этого взаимодействия проблему. Последняя состоит в том, что в рамках современного языкознания не удаётся доказательно совместить результаты, полученные в рамках использования каждой из моделей. Вследствие этого формальные и содержательные характеристики языковых единиц остаются разрозненными и соединяются между собой посредством искусственного, произвольного совмещения или наложения, что приводит к неудовлетворительным в эвристическом плане результатам.

Summary. In this paper, two fundamentally different characteristics of general scientific cognitive models are described. These models (substantial and relational) fix the most abstract ways of obtaining specific scientific result. The paper also considers how the models interact with linguistics, and points to the problem that emerges out of this interaction. The problem consists in the fact that within modern linguistics it is impossible to combine the results obtained using each of the models. As a result, formal and substantial characteristics of language units are scattered and are interconnected by means of artificial, arbitrary alignment or overlay, which leads to unsatisfactory results in heuristic terms.

Ключевые слова: языкознание, язык, субстанциональная модель, реляционная модель.

Key words: linguistics, language, substantial model, relational model.

УДК 001

Общенаучных познавательных моделей, фиксирующих наиболее абстрактные способы получения определённого научного результата, две: субстанциональная и реляционная. Они принципиально различны.

Субстанциональная модель базируется на том (исходит из того), что анализируемый в её рамках объект обладает качеством или набором качеств, которые характеризуют объект как существующий сам по себе, самостоятельно, наряду с другими объектами вне зависимости от наблюдателя, не являющийся следствием отношений, в которых находятся другие объекты. Такие качества можно выявить только независимыми от самого объекта и наблюдателя инструментами. Традиционно считается, что модель реализуется преимущественно в точных и естественных науках (математика, физика, химия, биология и т.д.). Например, нужно выяснить фактическую прочность платинового кольца. Для этого проводят механические испытания на растяжение, твёрдость и ударную вязкость. В результате выясняют, что у кольца определённая прочность. Применительно к речевым единицам аналогичные процедуры тоже применяются. Например, необходимо выяснить, сколько раз слово «кольцо» употреблено в переводе Иннокентия Анненского сонета Мориса Роллина «Приятель». Для этого внимательно читают текст (или используют программу поиска) и выясняют, что слово употреблено один раз: «Мы

драмы мрачные с ним под вечер читали, / Склонялись вместе мы над жёлтым мертвецом, / Высокомерие улыбки и печали / Сковали вместе нас таинственным кольцом». Здесь слово «кольцо» обозначает «союз существ, объединённых тождественными интересами».

При использовании этой модели доказательная процедура осуществляется через проверяемый неоднократный эксперимент (подробнее в [1; 2]). То есть любой нормальный, зрячий, даже не обязательно владеющий русским языком человек или любая предназначенная для этого программа поиска определяют, что графический комплекс «кольцо» в анализируемом тексте встречается один раз.

Реляционная модель базируется на том (исходит из того), что анализируемый в её рамках объект обладает качеством или набором качеств, которые характеризуют объект как не существующий сам по себе, а являющийся следствием отношений между другими объектами, возникающий на базе этих отношений, являющийся их продуктом. Такие качества можно выявить только полностью зависимыми от самого объекта и наблюдателя инструментами. Традиционно считается, что модель реализуется преимущественно в гуманитарных науках (история, социология, филология и т.д.). Например, необходимо узнать, насколько модель кольца, образец которого испытывали на фактическую прочность, является стильной и соответствует тенденциям современной моды. Это можно узнать только из опроса или анализа источников, раскрывающих особенности моды на ювелирные украшения, потому что сама характеристика «стильное» существует только в отношениях между людьми, не является независимым объектом. Аналогично в лингвистике. Нужно выяснить, в одинаковом ли значении употреблено слово «кольцо» в уже упомянутом сонете и в строчках из стихотворения Иннокентия Анненского «Струя резеды в темном вагоне»: «Ты очнешься – свежа и чиста, / И совсем... о, совсем! / Без смятенья в лице, / В обручальном кольце / / Стрелка будет показывать семь...». В этом случае необходимо проанализировать контексты употребления обоих слов, обратиться к словарям и установить, что в текстах представлены различные значения. Здесь слово «кольцо» обозначает «ювелирное украшение, используемое как знак того, что человек находится в браке или вне его». Необходимо подчеркнуть: на настоящий момент неизвестно, как эти значения существуют, но выявить их возможно только из того, как их воспринимают люди: авторы словарей, вы сами и другие носители языка. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать: люди договорились, что эти значения присутствуют, следовательно, они на самом деле есть.

Сущностно механизмом своего использования реляционная модель в точности напоминает слова капитана из поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарк»: «Вот где водится Снарк! Не боясь, повторю: / Вам отваги придаст эта весть. / Вот где водится Снарк! В третий раз говорю. / То, что трижды сказал, то и есть.» (перевод Г. Кружкова). Вернее, можно предположить, что слова персонажа аналитик Чарльз Латуидж Доджсон сформулировал именно с оглядкой на реляционную модель, использовал её как источник или базу для своих художественных построений. В реляционной модели доказательная процедура, по сути, осуществляется точно так же: через неоднократное утверждение авторитетными в сфере науки лицами какого-либо положения, которое в силу этого принимается как истинное и постепенно становится общим достоянием. Это не отменяет того, что оно с течением времени может быть заменено другим, возникшим точно так же.

Фактическая прочность платинового кольца и количество употреблений слова «кольцо» в любом тексте в любой конкретный отрезок времени существуют самостоятельно и выявляются через субстанциональную модель. Оценочные же (социальные) характеристики кольца и значение слова «кольцо» существуют как продукты человеческого взаимодействия и выявляются через реляционную модель. Важно, что в первом случае результат может быть получен независимыми от человека инструментами (механизмом, программой) и он при точном соблюдении условий эксперимента абсолютно проверяем, а во втором случае всё наоборот. Впрочем, с истинностью это напрямую не связано.

Обе эти модели постоянно используются в науке со времени её возникновения. Факт наличия моделей – основная база для противопоставления естественных и гуманитарных наук, хотя обе модели в различных пропорциях используются и там, и там. Между моделями лежит методологически непреодолимая пропасть. Применительно к языкознанию всё многократно усложняется за счёт того, что до сих пор нет ответа на вопрос: «К какому типу объектов отнести язык: субстанци-

ональным или реляционным?». Одни учёные считают язык субстанциональным объектом – существующим наряду с иными объектами (горами, лесами и планетами) и не зависящим от человека. Другие учёные уверены, что язык – реляционный объект, т.е. он возникает и функционирует только как следствие взаимодействия между людьми. Доказать правомерность одного из этих взглядов нельзя.

В лингвистике, как и в других науках, используются обе эти модели. Субстанциональная модель реализуется тогда, когда так или иначе анализируются внешняя сторона языковой единицы, её формальный состав и устойчивые деформации, её формальная сочетаемость, устойчивые формальные изменения, количество её присутствия, частотность, относительное положение в тексте и подобное. То есть всё то, чем занимаются экспериментальная фонетика, формальная грамматика, корпусная лингвистика и т.п. Например, с помощью рентгенографии, палатографии, осциллографии, спектрографии и компьютерных программ выявляют различные артикуляционные и акустические характеристики звуков, позволяющие моделировать живую речь, производят статистические обработки текстов и массивов по различным параметрам. Реляционная модель реализуется тогда, когда так или иначе описывается внутренняя сторона языковой единицы – её значение и функциональная природа в прагматическом аспекте. То есть всё то, чем занимаются лексикология, лексикография, лингвопоэтика, функциональная грамматика, функциональная стилистика и т.п. Например, составляют толковые словари, выявляют смыслы, содержащиеся в художественных текстах, интерпретируют степень воздействия единиц на человека и подобное.

Каждая из моделей по отдельности продуцирует замечательные, а подчас даже и выдающиеся результаты. Но попытки совместить между собой результаты, полученные в рамках противоположных моделей, до сих пор остаются малопродуктивными. В этом убеждается каждый, кто обращается к программам автоматического перевода текстов, которые как раз и есть самый значительный и самый показательный из числа этих результатов.

Одной из основных причин печального итога является то, что форма, которую рассматривают в рамках субстанциональной модели, и содержание, которое анализируют в формате реляционной модели, в реальном языке никогда не находятся в состоянии однозначного соответствия. Выше указано на два различных значения слова «кольцо», но в обоих случаях оно фиксируется сходно. К ним можно добавить строки из четырнадцатого сонета венка сонетов Максимилиана Волошина «Lunaria», где значение иное: «Но тесно нам венчальное кольцо: / К нам обратив тоски своей лицо, / Ты смотришь прочь неведомым нам ликом, // И пред тобой, – пред Тайной глубины, / Склоняюсь я в молчании великом, / Жемчужина небесной тишины!». Здесь слово «кольцо» обозначает «орбита луны». А в стихотворении Александра Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...»: «Я бросил в ночь заветное кольцо», – значение слова будет иным – «абстрактный символ любви и преданности». И количество таких примеров можно длить применительно к любой речевой и языковой единице. Все они будут характеризоваться одним: тождественная внешняя форма сопряжена с различными значениями. Не меньше и случаев иного типа, когда тождественные значения закреплены за различными формами.

Современная лингвистика способна дать исчерпывающее описание фонетической, грамматической, синтаксической формы слова «кольцо», способна моментально выявить миллионы контекстов, полностью иллюстрирующих всё многообразие его употреблений, способна установить перечень его значений, но при этом не способна связать это всё между собой, т.е. объединить все его формальные и содержательные признаки в единое целое, объяснить и показать, как четыре из числа множества иных значений слова «кольцо» («союз существ, объединённых тождественными интересами», «ювелирное украшение, используемое как знак того, что человек находится в браке или вне его», «орбита луны», «абстрактный символ любви и преданности») связаны с его единой формой. Попытки в этом направлении предпринимаются постоянно: говорят о формальной и семантической сочетаемости, контекстном окружении, законах семантического взаимодействия, глубинных структурах. Но все эти попытки не обладают должной объяснительной силой. В результате становится более или менее понятно, как по отдельности устроены формальная парадигма слова

(его склонение) и семантическая парадигма слова (комплексное взаимодействие его значений), но как они связаны между собой, остаётся загадкой. И так со всеми без исключения единицами.

Из-за отмеченного разрыва языкознание, как и другие гуманитарные науки, условно говоря, сидит на двух стульях. В его рамках учёные успешно считают (измеряют) и не менее успешно интерпретируют. Но связать одно с другим в единое целое не могут. Потому что даже в тех случаях, когда интерпретации осуществляются на базе строгих подсчётов, они (интерпретации) всё равно остаются в формате реляционной модели. Возникшее благодаря использованию (существованию) моделей противоречие может быть частично снято за счёт предположения о том, что язык является одновременно субстанциональным и реляционным объектом. Но и это предположение, даже если оно верно, не решает вопроса о том, как привести в единое поисковое соответствие две эти стороны языка в рамках единой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания. Часть II. Уровни проверки на истинность / А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № II-2(22). – С. 125-128.
2. Шунейко, А. А. Характеристика научного знания. Часть III. Особенности процедур проверки на истинность // А. А. Шунейко, А. В. Матюшко // Учёные записки Комсомольского-на Амуре гос. техн. ун-та. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № II-3(23). – С. 125-131.